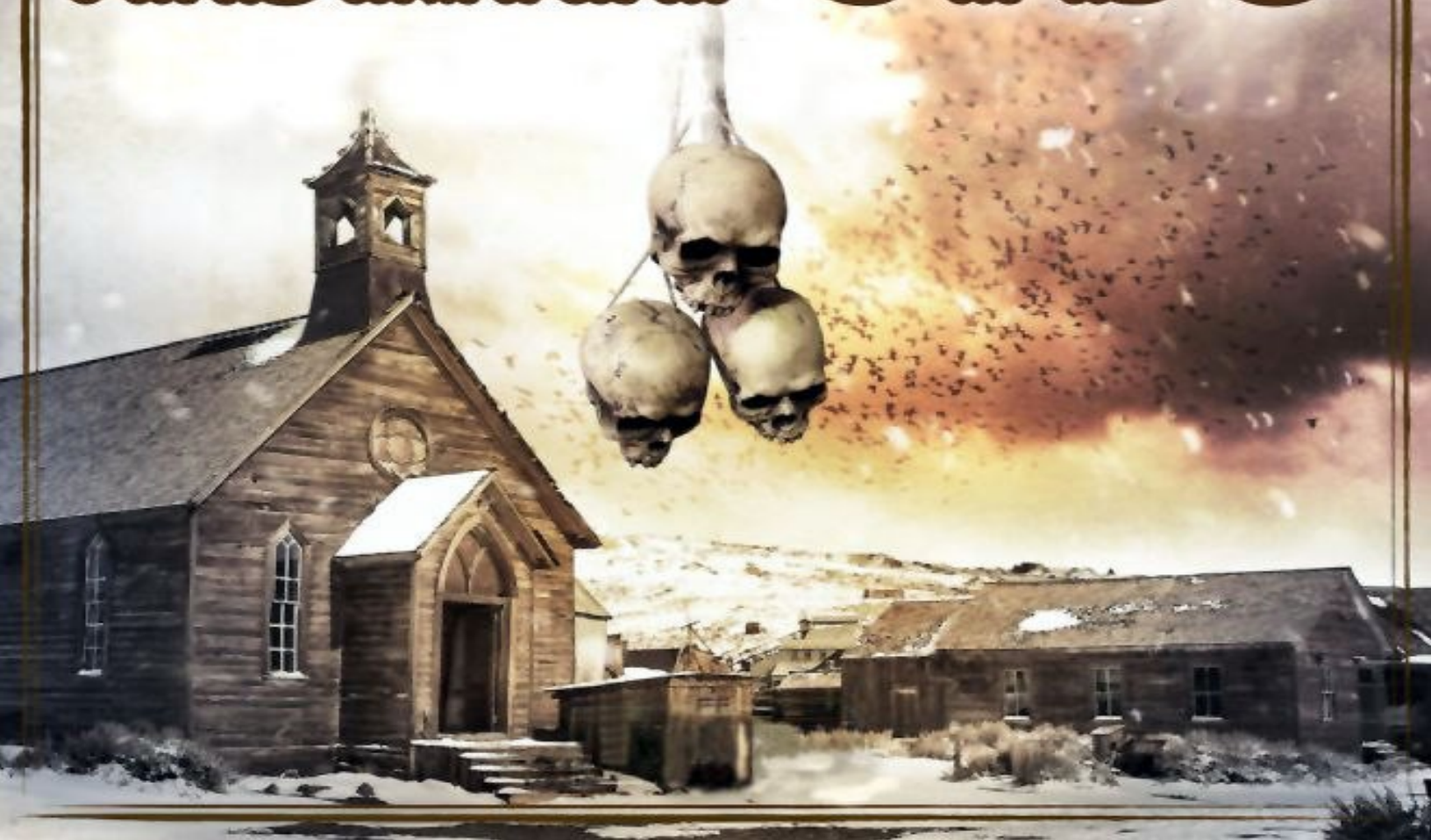

ТИМ КАРРЭН

КОЖИ
ПЕРСОНАЖ

1882 год.

Очень дикий запад, где в заколоченную крышку гроба со злостью скребутся чьи-то ногти, где какой-нибудь городок может в одночасье вымереть, а доселе обычный дом превратиться в кровавую баню.

Ветеран Гражданской войны и охотник за головами Тайлер Кейб, охотящийся за безжалостным убийцей, должен найти способ сражаться с чем-то, выходящим за пределы человеческого воображения.

Дымящиеся револьверы, собранные скальпы, опасные ведьмы и маньяки, а также тревожные волчи завывания в ночи.

Тим Каррэн
Кожное лекарство

Перевод: Карина Романенко

Редактор: Евгения Волкова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГРОБ

— 1-

Территория Юта, 1882 год

Взошла луна.

Скользнула светом по атласной могиле.

Она выскользнула из-за горы, как огромный светящийся глаз, взирающий с неба.

Её бледный свет прошёлся по торчащим пикам обнажённых скал, блеснул на снегу и окутал сосны и ели призрачной атмосферой.

Дул ветер, деревья гнулись, отбрасывая мрачные извивающиеся тени на скалистую местность; они заполняли лощины, овраги и другие спрятанные в ночи тёмные места.

А высоко над головой полная луна продолжала наблюдать.

Не смея моргнуть.

Если это было предзнаменованием, то уж точно плохим.

— 2-

Повозка стучала по твёрдой, замёрзшей дороге, которая проходила через серебряные рудники в горах Сан-Франциско.

Как зазубренное лезвие ножа, этот стук разрывал тишину ночи.

Колёса катились по наезженной повозками с рудой колее. Из ноздрей чёрных меринов, тащащих повозку, вырывался пар.

Цокот подкованных копыт напоминал выстрелы.

Свист кнута — и кони ускорили бег, а повозка накренилась и ещё сильнее подпрыгивала на ухабах.

— Господь всемогущий, — пробормотал Том Хайден, вцепившись в борт повозки, чтоб не слететь наземь. — Ты нас всех убьёшь, старик, и сбросишь с повозки прям в вот те овраги. Даже ни на секунду не сомневаюсь.

Джек Гуд усмехнулся, сжимая обветренными губами зажжённую сигарету.

— Человек платит мне за работу, сынок, и я её выполняю, -

произнёс он и снова взмахнул кнутом. Его белая борода развевалась на ветру, как повязанный на шее платок. — Я делаю то, что человек просит, как можно быстрее, потому что могу найти десяток способов провести своё свободное время с большей пользой и удовольствием.

Хайден чувствовал, как под ним ходуном ходит повозка, стонет дерево и скрипит железо.

Тазовые кости, казалось, растрескаются на мелкие осколки.

Он вцепился в бортик одной рукой, а в ружьё — другой.

Гроб позади него дребезжал, как игральные кости в стакане.

— Твою мать! — прокричал он. — Мы везём простой гроб. Обычный труп! Мне плевать, опоздаем мы или нет!

Гуд лишь рассмеялся.

Дорога ушла вниз, затем поднялась на холм, прошла через заросли кедра и, наконец, вышла на каменистую равнину.

Луна освещала всё вокруг лёгким, безжизненным светом.

— Туда, — кивнул Гуд. — Обойдём Уиспер-лейк и спустимся в то грёбаное ущелье. Там пойдём тише. Вот, малец, держи вожжи.

Он передал поводья Хайдену, чиркнул спичкой о подошву сапог, дал огню разгореться, прикрыв его ладонями, и закурил очередную сигарету.

Он выдохнул дым и закашлялся.

— Хорошо идём. Если повезёт, буду в городе как раз вовремя. Поем, повеселюсь...

Хайден видел, как на боках лошадей, как роса, блестит пот.

Или кровь...

Старик с такой силой хлестал кнутом, что Хайден не удивится, если бока коней будут изодраны в кровь.

Хайден вздохнул и осмотрел окрестности. Из-за усталости ему начало казаться, что в воздухе резвятся маленькие летающие тёмные человечки.

«Я устал, слишком устал... Глаза закрываются... если я сейчас не лягу и не посплю хоть чуток, то свалюсь прямо за борт повозки».

Хайден прищурился: ему показалось, что впереди извилистую дорогу перебежала какая-то фигура. И побежала отвесно...

— Видели? — повернулся он к Гуду.

Из ноздрей Гуда вырвались два облачка табачного дыма.

— Не-а. Ничего не видел, — ответил он. — Потому что не смотрел. А если там что-то и есть, то я не хочу этого видеть.

— Оно выглядело, как... — Хайден вздохнул. — Ладно, ничего.

— Конечно, ничего. В этих чёртовых горах полным полно этого «ничего». Вот поэтому-

то я и гнал лошадей так быстро. Если там что-то и есть, я не хочу об этом знать. Особенно, если оно выглядит, как мелкий человек, но человеком не является.

— Значит, вы это видели?

— Нет. Я не видел ничего, что не должен был видеть, — Гуд потянулся и похлопал себя по пояснице. — Послушай меня, сынок. Через час-полтора мы уже приедем в Уиспер-лейк. А пока просто думай о женщинах, выпивке и грехах отцов наших.

Хайден покачал головой.

Иногда он просто не мог понять Гуда.

Сукин сын обладал способностью говорить об одном, имя в виду совсем иное.

Хайден внимательно осмотрел местность, но больше не заметил никаких силуэтов.

«Воображение. Простое воображение. И усталость».

Он не верил в сказки о маленьких человечках.

Это была какая-то легенда шошонов.

Джо, дедушка Хайдена, иногда рассказывал о них. Когда не был занят бутылкой виски и воспоминаниями о прошедших золотых деньках его молодости.

Джо говорил, что эти человечки существуют.

Говорил, что видел их в горах.

Рассказывал, как один знакомый охотник подстрелил такого, сделал чучело и продал его знакомому в Иллинойсе за бутылку бурбона из Кентукки и карабин Шарпса.

Но дедуля Джо давно умер.

Хайден достал свёрток с самокрутками и прикурил одну.

Они были в дороге с прошлого полудня.

Везли сосновый гроб и его обитателя из племенных земель гошуттов, расположенных в Долине Черепа, в Уиспер-лейк округа Бивер.

Какой-то краснокожий заплатил им по пятьдесят на брата.

Только для того, чтобы доставить тело домой.

Чёрт, вот это жизнь!

— Эй, сынок, а сколько тебе лет? — спросил Гуд.

— Весной будет двадцать три.

— Двадцать три! — рассмеялся Гуд. — Когда мне было грёбаных двадцать три года, у меня уже была жена из сиу и трое пацанов в Дакоте. И почти сотня тысяч долларов.

— Тогда какого хрена ты возишь трупы за какие-то сто баксов в эти богом забытые земли?

— А я всё потратил.

Гуд задумался.

— Двадцать три, двадцать три... А ты вообще когда-нибудь был с женщиной? С белой? Я знаю нескольких кошечек в Флагстаффе, на их теле больше изгибов, чем в скрученной верёвке. Одна из них, мадам Лоррейн, сначала парит тебя в горячей ванне, натирает тело маслами и луизианскими благовониями, а потом так усердно сосёт твоего дружка, что глаза от удовольствия закатываются...

— Тише, — прервал его Хайден. — Я что-то слышал.

— Да это моё пустое брюхо бурчит, сынок.

— Да не это, мать твою!

Гуд прислушался.

Но не услышал ничего, кроме воя ветра среди деревьев и меж скал.

И цокота конских копыт.

Больше — ни хрена.

— Сынок, — вздохнул он, — не стоит волноваться из-за этого мелкого народца. Ты сам себя пугаешь. Напоминаешь мне енотовую гончую, да и выглядишь сейчас не намного умнее.

— Но я что-то слышал.

Хайден бросил взгляд через плечо на узкий сосновый гроб.

Отметил, как лунный свет отражается от медных полос окантовки и квадратных шляпок гвоздей.

— Там что-то двигается.

— Да хватит уже! Мертвяки не двигаются, зуб даю!

Хайден отвернулся в другую сторону, но вокруг было так мрачно и уныло, что отвлечься не получалось.

Он начал думать о Уиспер-лейк.

О мягкой постели.

О горячем ужине.

И снова слышал этот звук... Удары.

Он был уверен, что они доносятся изнутри гроба.

Гуд даже не повернул туда голову.

Он снова взял поводья в свои руки и гнал лошадей сквозь морозную ночь.

Несколько снежинок блеснули в воздухе, как светлячки.

Если повезёт, они успеют добраться до Уиспер-лейк ещё до начала метели.

— Что тебя тревожит, сынок? — спросил, наконец, Гуд.

— Содержимое этого гроба.

— Это просто труп.

— Я знаю, что это просто труп, — ответил Хайден. — Но я думаю...

— Значит, хватит думать, — отрезал Гуд. — Мы прошли слишком долгий путь из ниоткуда, чтобы задумываться о таких вещах. Мёртвый индеец — всего лишь мёртвый индеец. Они могут навредить тебе не сильнее, чем кресло-качалка, помни об этом.

Хайден закусил губу и крепко сжал ружьё.

— Мне вот интересно, что в этом гробу. Он мне не нравится.

— Чёрт, малец, а мне не нравится то, что ты себе напридумывал! Но я же не жалуясь!

Луна спряталась за тучей; ночь стала ещё темнее, и зловещие тени, казалось, сжались, обступили повозку со всех сторон.

— Зажги фонарь, сынок.

Хайден потянулся через сидение и замер, когда ему показалось, что он снова услышал стук из гроба... Затем быстро схватил фонарь и поджёг фитиль спичкой.

Тени отступили, но ночь по-прежнему обступала их, как пытающийся схватить и сжать их кулак великана.

Мрак стелился по обеим сторонам бортов.

Повозка мрачной тенью катилась за ними.

— Ты слышишь оттуда какие-то звуки, да? — заговорил Гуд. -

Вообще-то, это не так уж и странно. Дорога плохая, и тело подпрыгивает, как и мы с тобой, и ударяется о стенки гроба. Не обращай на это внимания, сынок.

Но Хайден не мог не прислушиваться к этим жутким ударам, и внутренности его

скручивало узлом.

— Я просто подумал тут... — начал Хайден; облачко пара сорвалось с его губ. — О Долине Черепа, откуда мы забрали тело. Жутковато там. Зброшенное, унылое место... Непрошенные мысли приходят сами собой.

— Какие мысли?

— Долина Черепа... Это земли Духа Луны.

Старик медленно облизал губы.

— Я слышал, что Дух Луны мёртв.

— Кое-кто говорит, что он умирает не так, как другие.

Гуд рассмеялся.

— Брехня. К тому же, Дух Луны — дитя Великого Змея[1], сынок, а Долина Черепа — это земли гошуттов. Что там делать Духу Луны?

— Но Змеи — это шошоны, а гошуты тесно с ними связаны. Я слышал, что они бывают вот на тех холмах.

— Может и бывают, сынок, но то, что ты слышал о Духе Луны... Это всего лишь сказки. Индейцы считают его своим великим злобным шаманом, но уж белым-то лучше знать! Он обычный колдун Змеев. Чёртов краснокожий, которого я не боюсь!

Но Хайден в это не поверил.

Гуд даже имя «Дух Луны» произносил низким шёпотом... Словно боялся, что старый индеец услышит его из своей могилы.

А может, действительно боялся?..

— Ты когда-нибудь слышал о Стелющемся Тумане, сынок?

Хайден кивнул.

Он был ещё одним шаманом Змеев много лет назад.

— Так позволь рассказать тебе о нём поподробней. Стелющийся Туман был, как и Дух Луны, шаманом Змеев. Фактически, он был его дедом. В 30х годах в Уосатче, как мне рассказывали, Стелющийся Туман разозлил нескольких охотников на бобров из форта Крокетт. Трое мужчин выпивали и искали повод для драки. Они столкнулись со Стелющемся Туманом, и тот, как утверждают люди, отказался выдать за них замуж своих сестёр. Они застрелили индейца, отрубили ему голову и захоронили её в ящике, а тело закопали в другом месте.

Лицо Гуда было серьёзным и хмурым.

— У Стелющегося Тумана была жена — какая-то негритянка из плантаций в Батон-Руж. Поговаривали, что она тоже умеет колдовать, варить приворотные зелья и исцелять больных. Она создавала из глины и мешковины маленьких кукол, колдовала над ногтями и волосами тех, кто ей не нравился, и насылала на них проклятия. И люди ей за это платили... Лошадьми, скотом, шкурами, оружием — кто чем мог. В общем, эта негритянка во время одного из своих шаманских трансов отыскала голову Стелющегося Тумана с помощью срезанного с ясеня прута. Она открыла тот ящик, и оказалось, что голова Стелющегося Тумана — безумного могущественного шамана — была всё ещё жива. С открытыми глазами. И голова сказала колдунье, где захоронено остальное тело. После этого люди видели, как Стелющийся Туман разгуливает по округе с пришитой головой и весёлым блеском в глазах.

— А что стало с охотниками?

Гуд усмехнулся, оскалив зубы.

— Их потом нашли. Им в задницы были воткнуты шестиметровые колья, которые

прошли через всё тело и вылезли там, где должна была быть глотка. Тела качались на ветру на вкопанных в землю кольях. А головы их так и не нашли...

Гуд выбросил окурок в темноту за бортом повозки.

— Я слышал это от одного старого индейца из племени юта, с которым как-то выпивал.

— Думал, ты не любишь индейцев.

— Он был не таким, как остальные.

Хайден покивал головой.

— Я верю в эту историю. Мой дедуля Джо рассказывал, что Дух Луны был наполовину демоном, а наполовину человеком. Он мог сотворить всё, что захотел. Дедуля рассказывал, что один шахтёр в пещере лишился руки, так Дух Луны втирал в культю какие-то травы и шептал заклинания небесам, и спустя месяц рука отросла вновь. Дедуля Джо говорил, что это правда. Говорил, что у Духа Луны глаза, как угли. И если он взглянет на тебя своими глазами, ты больше никогда не останешься прежним.

— Брехня это всё, сынок.

— Кое-что правда.

— Ну, может и так.

— У одного пайюта из Банды Кедрра было две головы, — сказал Хайден. — Я видел его как-то раз. Это правда.

Гуд захохотал.

— А сейчас ты начнёшь мне рассказывать, что можешь заарканить дикого мустанга своим членом и тебе ещё хватит, чтобы оприходовать девчонку в тёмном переулке.

Хайден почувствовал, как его уши запылали.

— Если ты ни во что не веришь, зачем рассказывал мне историю Стелющегося Тумана?

— Чтобы скоротать время, сынок. Скоротать время и увидеть, какой ты наивный, малец. Чёрт, а ты и вправду легко купился! Индеец, который мне это рассказал, действительно верил в свои рассказы, но я не думал, что белый в такое поверит. Если бы я знал, что ты боишься привидений, то взял бы себе в напарники другого.

— Мой дедуля Джо...

— В твоём дедуле Джо было больше дерьма, чем в выгребной яме, — отрезал Гуд. — Не пойми меня неправильно, сынок, но твой дед любил поболтать. А теперь хватит всякой брехни.

Хайден замолчал.

Он думал о Долине Черепа.

Накануне они проезжали небольшое поселение гошуттов, расположенное у основания горы с выдолбленными пещерами.

Какой-то парнишка в армейской рубахе и шляпе-котелке ожидал рядом со стоящим в дорожной грязи сосновым гробом.

Несколько стариков, завернувшись в покрывала, стояли вокруг гроба и бормотали всякую чушь.

Парнишка, абсолютно не похожий на шамана, без слов заплатил Гуду и, казалось, вздохнул с облегчением.

Тело принадлежало какому-то белому, у которого родня жила в Уиспер-лейк.

Они никогда не узнают, что тело делало у гошуттов, да и не стремились об этом спрашивать.

Но теперь, сидя в повозке, Хайден задумался: о чём бормотали те старики? А может

этот парнишка — родственник Духа Луны?

Сложно сказать.

Хайден не знал, были они гошутами или Змеями.

Он лишь однажды видел Духа Луны.

Это было около магазина в городе Офир округа Тул.

Дух Луны был там с сыновьями, которые грузили повозку.

На старике была одежда из шкур бизона, а в волосы были вплетены перья и бусины. Лицо его напоминало лабиринт из мелких шрамов, которые, казалось, извивались, как черви.

Хайден отвернулся до того, как старик посмотрел на него.

До того...

В гробу что-то зашевелилось, и на этот раз звук услышали двое.

В жутком, мерцающем свете фонаря они посмотрели друг на друга, и лица их исказил ужас.

Оба быстро отвернулись к гробу спиной.

Хайден облизал губы, но во рту тоже пересохло.

Что-то происходило.

Он мог притвориться, что это не так, но вокруг повозки будто формировалась особая атмосфера, и оба мужчины её чувствовали.

Но они же мужчины, в конце концов! Взрослые люди, которые должны сделать порученную им работу!

Из гроба донёсся глухой удар, затем шорох.

— Сынок, — еле-еле выдавил из себя Гуд, — во имя всего святого, глянь, что там происходит... Что за херню я слышу?!

У Хайдена от ужаса сдавило грудь, и он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он перегнулся через сиденье, сжимая в одной руке ружьё, а в другой — фонарь.

Волоски на коже поднимались дыбом. Мороз пробирал до костей... Но далеко не из-за сырой апрельской ночи!

Он глянул на гроб; пламя фонаря отбрасывало на его крышку пляшущие тени.

Медные шляпки гвоздей были ещё на месте.

Все до единого — Господи Иисусе, порядка сотни! — вколочены в крышку гроба.

Только... Только Хайдену показалось, или прямо на его глазах пять или шесть гвоздей выскочили из дерева?!

Словно что-то выдавливало их *изнутри* гроба?!

Хайден почувствовал, как ему на плечи словно опустилась тяжёлая гранитная могильная плита.

Его будто парализовало. Конечности не слушались.

Воздух сгустился, и в нём витало то, из-за чего сердце практически останавливалось в груди.

Он смотрел, как ещё два гвоздя выскальзывают из крышки гроба с протяжным скрипом. И с громким стуком падают на дно повозки.

— Какого хрена?! — сухим, надтреснутым голосом прохрипел Гуд.

На небе вновь появилась луна, освещая мертвенно-бледное лицо мужчины.

— Посмотри на меня, сынок! Что это было?

— Гвозди... — попытался ответить Хайден, но в лёгких не осталось воздуха.

Туда словно насыпали мелкого песка.

— Гвозди... Они выпадают из крышки...

— Тебе снова всякая хрень мерещится! — рявкнул Гуд. — Или тело просто раздулось после смерти и теперь приподнимает крышку... Случается такое...

Но Хайден лишь затряс головой.

Подобные вещи не происходят в холодное время года.

А затем оба услышали, как...

Как по внутренней поверхности деревянной крышки гроба скребут ногти.

В глазах обоих мужчин застыло выражение животного ужаса.

Огромного, безысходного кошмара, который плескался в темноте ночи, окружал их, заключал в свои ледяные объятия и оборачивал плотным саваном.

Темноту заполнили шёпоты.

А затем...

Бам! Бам! Бам!

Колотящие о дерево кулаки.

Гуд резко втянул в себя воздух.

— Скорей! Скорей! — крикнул он лошадям, взмахивая хлыстом. -

Торопитесь, сукины вы дети! Скорее!

А Хайден не сводил взгляда с гроба. Интересно, будет ли дробовик хоть чем-то полезен против того, что пытается выбраться изнутри?

Что бы ни происходило сейчас, добром это не закончится...

Это неестественно.

Тайны, секреты, мистика, алхимия и спиритизм — всё смешалось в голове мальчишки.

В той беспроглядной, вонючей темноте что-то дышало и мыслило. Нечто гораздо более мерзкое, чем Хайден мог себе даже вообразить.

Повозка летела вперёд меж холмов по скрипучему деревянному мосту, перекинувшемуся через несущийся ледяной поток.

— Осталось всего пару миль! — крикнул Гуд.

Повозка гремела по дороге, ведущей к пункту назначения, а лошади неслись так, словно за ними гнался сам дьявол.

А может, так оно и было...

Гуд с опаской косился то на Хайдена, то на гроб.

— Держись! Только продержись! Я... Я уже вижу впереди огни!

Хайден поверил ему на слово.

Он боялся повернуться к гробу спиной и взглянуть на дорогу самому.

Он не мог отвести взгляд. Он даже моргнуть боялся, хотя морозный ветер бил его по лицу и выедал глаза.

Только Хайден этого даже не ощущал. Не ощущал онемевших пальцев, сжимающих борт повозки. Не ощущал ледяного могильного холода, пробиравшего его до костей.

Всё, что сейчас его волновало, — это гроб.

Вся вселенная сузилась в данный момент до одного единственного деревянного ящика.

Гроб был тёмной звездой, а он, Хайден, пылинкой, попавшей на гибельную орбиту.

И юноша мог лишь смотреть, как гвозди, один за другим, вываливаются на пол повозки.

И слушать глухие, скребущие и шуршащие удары изнутри.

Внезапно что-то в голове Хайдена щёлкнуло.

Его накрыл дикий, животный ужас, и парень заорал:

— Я убираюсь отсюда! Я спрыгну на ходу! Это безумие...

Но Гуду удалось усадить его обратно.

— Закрой рот, сынок, закрой, мать твою, рот!

«Закрой рот». Единственная мысль, что крутилась сейчас в голове старика...

От одной мысли о том, что он может остаться наедине с этим гробом и его содержимым...

Гуд понимал, что в одиночку не справится. Не сможет.

Уиспер-лейк уже рядом. На другой стороне, где виднелись вышки, грузовые стрелы и десятки покосившихся хибар рядом с горными шахтами.

За его спиной что-то громко щёлкнуло, треснуло, и Гуд, даже не оборачиваясь, понял, что одна из медных пластин оторвалась от крышки гроба... А значит, скоро за ней последует следующая и следующая... А потом...

Рядом шумно, тяжело дышал Хайден.

Его трясло так сильно, что он не мог удержать ружьё. Оно бесполезно валялось у его ног.

Они въехали в город, и то, что находилось в гробу, казалось, почувствовало это, улеглось на место и затихло, затаившись.

Гуд и Хайден дружно вздохнули, но не расслабились до тех пор, пока не нашли гробовщика и не избавились от этой проклятой вещи.

— 3-

Они нашли Хайрама Каллистера.

Полного, даже жирного Хайрама Каллистера, гробовщика и мебельщика.

Он готовил тела для погребения и создавал гробы, в которых их отправляли в последний путь.

Дешёвые гробы из сосны или дорогие, импортные, из красного дерева, которые доставляли по железной дороге для богатых шахтёров и железнодорожников.

В отличие от своего младшего брата Калеба — совладельца «Похоронного бюро братьев Каллистеров», который работал при свете дня, — Хайрам предпочитал искусственное освещение от лампы.

А когда Хайрам не занимался обработкой дерева, он запирался в своих комнатах на втором этаже и рассматривал коллекцию порнографических снимков.

Большую их часть ему доставлял друг из Нового Орлеана. Там такие вещи были легко доступны для узкого круга ценителей... Но не за малую сумму.

Хайраму никогда не удавалось поладить с женщинами.

Да и с людьми вообще.

По крайней мере, с живыми.

В детстве он был пухлым, домашним ребёнком, и затем превратился в грузного, неприглядного мужчину с несколькими подбородками, свисающими к груди, как куча розовых поросят, тянущихся к корыту.

Ему нравились печенья и сладости.

Из-за патологии потовых желез он постоянно обильно потел.

Его руки всегда были ледяными, и при разговоре с людьми он начинал заикаться.

Дети часто тыкали в него пальцами на улице.

Нередко он по ночам ел ириски, шоколадки и взбитые сливки. Посреди морга, рядом с укрытыми простынями телами, вытирая мокрый лоб и нос носовым платком.

Ведь именно морг был его миром — миром гробов и химикатов, трупов и серебристых сверкающих инструментов.

Мир тусклый и закрытый для посторонних, пропахший йодом, спиртом и другими менее приятными вещами.

Но это был мир Хайрама. Такой, каким он его желал.

А Калёб пусть забирает себе день.

Ведь он и сам был похож на солнце — красивый, очаровательный, уверенный в себе.

Днями он утешал вдов, а вечера проводил в игорных домах и борделях, развлекая собеседников похабными историями о мёртвых.

Люди называли Калёба «любимым другом», а Хайрама — «упырьём и асоциалом», распуская о нём нелицеприятные сплетни.

Хайраму было плевать.

В конце концов, все попадали к нему — и мужчины, и женщины, и дети.

Ему нравились женщины.

Особенно молоденькие.

Не добропорядочные жёны и сёстры — если, конечно, в бурлящем шахтёрском городке Уиспер-лейк такие были, а проститутки.

Их любили в течение жизни, их касались, поэтому Хайрам решил, что не будет грехом поступать с ними так же и после смерти.

Но только с проститутками.

Больше ни с кем. Никогда.

Не важно, что шептали за его спиной люди. У него были свои правила и профессиональная этика.

Когда двое мужчин с гробом постучали в его дверь, перед Хайрамом как раз лежало, подобно кедровой доске, тело юной проститутки.

Она перерезала себе вены на запястьях.

Хайрам касался её, потел, тяжело дышал... Когда двое мужчин забарабанили в дверь.

Один был старой седой пустынной крысой, а второй — ещё ребёнком с веснушками на щеках.

Оба смотрели на Хайрама широко распахнутыми глазами и не могли сдержать дрожь в руках.

Будто они столкнулись в тёмном переулке с призраками.

Хайрам никогда не видел мужчин такими... напуганными.

Они затащили гроб внутрь, поставили на пустой стол и быстро убрались, чуть не столкнувшись в дверях и отодвигая друг друга плечами.

Но Хайрам списал всё на то, что некоторые люди чувствовали себя неуютно среди мёртвых.

А, не важно!

Он занялся гробом.

Внутри лежало тело Джеймса Ли Кобба.

Кобб был наёмным убийцей, разбойником, известным садистом и в целом злобным человеком. Без него мир точно стал лучше.

Его единственный родственник жил в расположенном неподалёку поселении мормонов. Сводный брат Юстис Хармони, желавший закопать Кобба как можно глубже...

А его «друзья»-индейцы даже были готовы за это заплатить.

И вот он здесь.

Хайрам осмотрел гроб и заметил, что некоторые гвозди, удерживавшие крышку на месте, отсутствуют.

И один из медных запоров сорван.

Грубое обращение.

Именно то, что и заслужил Кобб.

Хайрам оставил гроб там, куда его поставили.

Его ждали более насущные дела, чем мёртвые преступники.

— 4-

Было уже далеко за полночь, когда в нём прочно укоренилось чувство страха.

Хайрам не мог его объяснить.

И даже не пытался.

Он закончил приводить в порядок тело проститутки, закрыл его в дешёвый кедровый гроб, оплаченный её хозяйкой, и принялся за братьев Бердов — Томаса и Хека.

Он откинул простыни и начал изучать их серые лица.

Позор.

У каждого был свой бизнес: Томас владел конюшней, а Хек — мясным рынком. А теперь они и сами стали обычными кусками мяса.

Ни для кого не было секретом, что они оба состояли в отношениях с одной и той же женщиной. С женой Хека...

Был лишь вопрос времени, когда подобное варварское поведение приведёт их на стол Хайрама.

Хайрам знал не много.

Они ввязались в пьяную драку в салуне «Приют с сидром»: Хек вытащил старый армейский кольт и выстрелил в Томаса, а Томас до того, как истёк кровью, выхватил из-за голенища нож для разделки туш и снятия шкур и метнул его в горло братцу.

Они умерли, сражаясь до последнего, в луже общей крови, обхватив друг друга в последний раз.

В такой позе их и принесли в похоронное бюро.

Хайраму с братом пришлось повозиться, чтобы расцепить окоченевшие конечности братьев.

Жена Хека, Кларисса, оплачивала похороны. Она хотела, чтобы их похоронили в самых лучших гробах и привели в презентабельный вид — она собиралась сфотографировать их напоследок бок о бок, «щека к щеке» и послать фотографию родне в Миссури.

Она могла себе это позволить, ведь как единственная наследница получала теперь и конюшню, и мясные лавки.

Хайрам приступил к работе.

Его ловкие пальцы не останавливались ни на минуту: перебирали, разминали,

разрезали, выщипывали. Он сшивал, пришивал, подклеивал...

Замелькали ножи и пилы, в отверстия полился воск, а кетгутовая нить намертво запечатала посмертные тайны внутри тел.

Хайрам забальзамировал братьев раствором мышьяка и покрыл чистыми простынями. Так они будут лежать, пока не придут заказанные гробы.

Набирая воду в таз, Хайрам стянул резиновые перчатки и тщательно вымыл руки.

За окном поднялся ветер, и ветка дерева заскребла по крыше.

Хайрам не понимал, почему вдруг вдоль позвоночника пробежал холодок.

Снова это чувство страха. Оно грызло его уже несколько часов... Но почему?

Вдруг в голове мелькнули образы двух мужчин, привезших гроб с телом. Они были напуганы до чёртиков.

Почему?

Отчего?

Может, просто устали... Ведь они два дня добирались из округа Тул в Уиспер-лейк. А погода тогда была холодной и суровой. Это может творить с людьми странные вещи.

Хайрам отполировал инструменты, планируя сегодня заняться Кобббом.

В углу тихо пофыркивала масляная печка, но Хайраму всё равно было холодно. По коже, не переставая, бегали мурашки.

Ему было так плохо, что хотелось поскорее убраться из морга, и Хайрам не мог понять отчего.

Мужчина замер. Капелька пота протекла по его щеке.

Здесь что-то было. Что-то было. Он не слышал никаких посторонних звуков, но...

Хайрам повернулся и уставился на гроб.

Он стоял и смотрел на деревянный ящик, а голова наполнялась тёмными мыслями.

Смешно и нелепо, но Хайрама не отпускало чувство, что за ним наблюдают, следят и изучают.

Может, детишки подглядывают?

Нет, уже слишком поздно. Да и шторы плотно задёрнуты.

Хайрам медленно, осторожно подошёл к окнам и тихонько выглянул из-за штор.

Нечищенные улицы были пусты. Он мог окинуть взглядом почти весь расстилающийся перед ним город. Крыши домов, то поднимающихся на холмах, то ныряющих в лощины.

Он слышал, как в пустых закоулках завывает ветер. Где-то вдалеке едет повозка. Со стороны салуна доносятся голоса. Как и всегда рокочет оборудование в шахте.

Но никто не заглядывал в его окна.

Тени на полу покойницей становились всё длиннее, словно выползали из щелей, трещин и укромных мест, извивались и сплетались, как змеи в клубок.

И, несмотря на горевшие по-прежнему ярко фонари, вокруг было необъяснимо мрачно.

«Глаза следят за мной».

Воображение?

Хайрам не был суеверным. Не верил во всякий вздор.

И, тем не менее, внутри него жило какое-то беспокойство. Возможно, даже страх.

Он пересёк комнату и подошёл к гробу.

Он облизал губы и провёл пальцами по неотёсанным кедровым доскам с дырами и торчащими щепками.

«Глаза смотрят на меня».

Это тело в гробу...

Джеймс Ли Кобб...

Стоило Хайраму начать над этим задумываться, как его охватило непонятное чувство, но такое слабое, что он едва ли отдавал себе в этом отчёт.

Всё, о чём он мог сейчас думать, это тело в гробу. Тело в гробу...

Хайраму говорили, что Кобб умер в Долине Черепа.

Индейцы приготовили ему гроб и заплатили, чтобы тело вернули обратно в Уисперлейк.

Зачем же индейцам делать такое для белого?

Хайрам вытер пот со лба. Он знал, что для этого существует причина, но не мог понять какая.

Кобб вернулся домой к единственной родне, которая у него была.

Точно!

Сводный брат в поселении мормонов «Избавление», находившемся западнее Уисперлейк!

Вот почему Кобба отправили сюда.

Сводный брат сказал, что заберёт гроб с телом послезавтра.

У Хайрама начали дрожать руки. Он снова промокнул платком вспотевший лоб и подумал: «Какого хрена со мной творится?»

Он не мог размышлять трезво. Его голову наполняли дикие, сменяющие друг друга в бешеном темпе мысли, которые нельзя было объяснить логически.

Во взгляде появилась напряжённость.

Пот покрывал всё лицо, заливал глаза и стекал по щекам и подбородку на шею и грудь. Несколько капелек пота упали на поверхность гроба.

Кап. Кап. Кап.

На одно короткое мгновение Хайраму показалось, что это была кровь.

Словно жертвоприношение. Проливание крови в честь злобного языческого божества.

Кровь.

Самосожжение.

Дань из крови, плоти и сожжённых внутренностей.

Искупление.

Расплата.

Некоторые боги требовали подобное, они...

Хайрам начал хныкать. Слезы смешивались с потом.

«Глаза, что не закроются, не умрут, не перестанут смотреть».

Хайрам доковылял до скамейки с инструментами и нашёл небольшой ломик.

Став над гробом, он поднял глаза вверх, но увидел лишь цветные плитки на потолке. А возможно, он так надеялся на божье вмешательство... На вмешательство Господа нашего Иисуса Христа. Хотя Хайрам никогда и не верил ни в него, ни в кого-либо другого.

Но всё же что-то удерживало Хайрама; его мысли напоминали гудящий рой пчёл, и мужчина никак не мог с ними совладать.

Хайрам широко распахнутыми глазами, не мигая, смотрел перед собой, и вместе со слезами из него утекал рассудок. Губы шевелились, но из приоткрытого рта не вылетало ни звука.

Кровавое жертвоприношение.

«За мной наблюдают».

Он начал лихорадочно вытаскивать из гроба гвозди, разрывая в труху дешёвые доски. Один за другим, пока не сбилось дыхание; пока сердце не начало выскакивать из груди; пока кровь не начала стучать в висках.

Он сорвал последний медный засов, и он с грохотом свалился на пол вместе с ломиком.

«Глаза, что наблюдают за мной».

Он сорвал крышку с гроба, и она тоже упала на пол. Хайрам заглянул внутрь и увидел... Он сам не понял, что увидел.

Тело в чёрном похоронном костюме. Да. Но неправильное, неправильное...

Слишком много теней шевелилось, сплеталось, ползло от него. А может и не тени, а само тело...

Сердце Хайрама глухо колотилось о рёбра, дыхание спёрло.

Что-то внутри него разлетелось на тысячу осколков, когда он увидел глаз. Зелёный, широко распахнутый, уставившийся прямо на Хайрама. Как серебряная монета, он светился и блестел, отражая горящий свет.

Затем в руке Хайрама оказался скальпель, и мужчина вскинул левую кисть.

Кровавое жертвоприношение.

Искупление.

Хайрам резанул себя по запястью, и тёмная венозная кровь спиральями и завитками полилась в гроб.

Внутри ящика что-то зашевелилось.

— Господи, помоги мне...

Голос Хайрама эхом отразился от стен.

Из сгустка копошащихся теней внутри гроба высунулась костлявая, почти бесплотная рука и схватила мужчину за горло.

Словно длань Господня...

— 5-

Следующим утром на рассвете Калев Каллистер нашёл тело своего брата. Оно лежало в гробу. Бледное, обескровленное и высохшее.

Калев не стал кричать и плакать на публику. Он спокойно вызвал coronera, ибо привык к смерти в любых её, даже самых неприглядных проявлениях.

Coroner пришёл и вынес вердикт: самоубийство.

Довольно странное самоубийство. По непонятным причинам Хайрам сперва перерезал себе левое запястье, а затем правое. Затем залез в гроб. Всё ещё сжимая скальпель.

В гроб с телом Джеймса Ли Кобба.

Но куда после этого делось тело, никто понять не мог.

Что ж, самоубийство так самоубийство.

Единственное, что насторожило coronera — это синяки на шее и сломанная трахея.

Но Калев не был заинтересован в тщательном расследовании причин смерти брата, и coroner решил не акцентировать внимание на деталях, которые не мог объяснить.

«Пусть мёртвые покоятся с миром», — сказал ему Калев.

Во веки веков.

Аминь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРЯМИКОМ В АД

— 1-

Семь месяцев спустя...

Тёмные небеса разверзлись, проливая на землю ледяной дождь. Порывистый сильный ветер подхватывал потоки воды, с рёвом несущиеся по окрестностям, сметая и ломая всё на своём пути.

Пыльная, потрескавшаяся на солнце земля превратилась в грязь.

Грязь стала болотом.

А из болота вытекли ручьи и реки, которые вышли из берегов и затопили весь мир.

Через два часа после захода солнца вода начала замерзать, дождь превратился в снег, и горы Сан-Франциско оказались закованными в лёд.

В вихре показался одинокий, пробирающийся сквозь грязь, снег и воду всадник.

Его звали Тайлер Кейб, и был он охотником за головами.

Кейб ехал в Уиспер-лейк. Жёлтый плащ-дождевик прилип к нему, как вторая кожа.

Сквозь стену снега, превратившуюся в проливной дождь, а затем вновь в снег, Кейб плохо различал город, но в такую погоду он был рад оказаться, где угодно. Главное, чтобы там были камин и горячая еда.

Он пустил свою чалую лошадь галопом и остановился у первой же конюшни. Снял седельные сумки и оружие. А затем перешёл дорогу с жидкой, чавкающей грязью и оказался в салуне под названием «Оазис».

Пол внутри был покрыт древесными опилками.

В салуне имелась барная стойка и несколько столов из соснового дерева с пододвинутыми скамейками.

Из дровяной печки в углу тянулся сизый дым, который смешивался с запахом табака, дешёвого одеколona и невымытых тел.

Десяток уставших, сгорбившихся мужчин потягивали пиво и виски.

Одинокий игрок раскладывал в углу пасьянс.

Кейб знал, что Уиспер-лейк был городом, где всё принадлежало одной компании. Все эти люди и их окружение существовало благодаря позволению руководства.

Кейб стряхнул со своей широкополой шляпы с полоской змеиной кожи капли дождя, стянул дождевик и повесил одежду на крючок возле печки.

Оставшись в полосатых штанах, сапогах с высоким голенищем и чёрном сюртуке, мужчина отыскал себе место у барной стойки и принялся рассматривать висевшую на стене, написанную маслом картину, на которой некая пышная распутница демонстрировала свои прелести.

Краем глаза Кейб заметил себя в зеркале: тянущиеся через худое лицо шрамы, пронзительно-зелёные пронизательные глаза...

— Выпьешь, друг?

Кейб взглянул на бармена — грузного мужчину с толстой, как старый тополиный пенёк, шеей. Нос его был сломан и приплюснут, и мужчина хмуро смотрел исподлобья. Весь его вид говорил об одном: перед Кейбом стоял кулачный боец.

— Да, — кивнул Кейб. — Ещё как, мать его, выпью!

— Пиво? Виски? Есть даже остатки хлебной водки, если хочешь.

Кейб покачал головой.

— Не, не то. Мне бы согреться. А то я даже не уверен, что у меня сейчас между ног висит: член или сосулька!

Бармен захохотал.

— Фрэнк Карни, — произнёс он.

Кейб тоже представился.

— Дерёшься? — поинтересовался он.

— Один раз, — покачал головой Карни. — Давным-давно.

— И как прошло?

— За себя постоять смог. Левым глазом больше ничего не вижу — слишком много ударов на лицо пришлось. Но с тех пор... Мудрый человек не использует свою голову в качестве боксёрской груши.

Кейб кивнул: в словах бармена был смысл.

Один из шахтёров у барной стойки засмеялся.

— Ты откуда?

— Из Невады, — ответил Кейб. — Ехал весь день. Думал, уже никогда не доберусь.

— Да, хреновый день для поездок, — кивнул шахтёр и повернулся к бармену. — Приготовь ему что-нибудь особенное, Фрэнк.

Карни ухмыльнулся.

— Пробовал когда-нибудь «Бригама Янга»?

Кейб непонимающе уставился на бармена.

— Кого?

— «Бригама Янга», — повторил шахтёр. — После такого ты станешь убеждённым многожёнцем[1].

Кейб улыбнулся.

— Или «Дикий Билл Хикок[1]»? Два глотка — и вот ты уже смелый меткий стрелок, тыкающий во всех стволом.

Кейб откровенно захохотал.

Бармен покачал головой.

— Не-а. Думаю, нашему другу нужен «Неистовый Конь[1]». Выпьешь один — и тебя можно принимать в ряды Седьмого кавалерийского.

Карни начал смешивать ингредиенты, и от запаха алкоголя у Кейба волосы на затылке стали дыбом.

Бармен поставил перед ним стакан.

Кейб даже не стал спрашивать, что входит в напиток. Он поднёс стакан к губам, сделал вдох и почувствовал, как пары спирта врываются через ноздри напрямик в его мозг. Кейб залпом осушил стакан.

Господь милосердный!

Напиток осел в желудке смесью расплавленного металла, тающего льда и подпаленного трута, выжигая внутренности.

Кейб подавился, закашлялся, начал чихать и одно короткое мгновение ему показалось, что он видит лицо Иисуса...

А затем его с головой накрыло тепло, плавя места, которые Кейб и не подозревал, что

могут гореть.

— Чёрт, — пробормотал он. — Чёрт возьми!

Несколько шахтёров засмеялись.

Карни улыбался.

Кейб снова уселся на своё место и заказал ещё порцию. Скрутил сигарету и закурил.

Всё в нём сейчас ярко пылало, и, если честно, в тот момент Кейбу было плевать на окружающий мир.

Он уже шесть недель выслеживал одного человека — убийцу — но прямо сейчас он бы с удовольствием выпил с ним виски.

«Неистовый Конь» был чертовски хорошим напитком.

Кейб осторожно отхлебнул из второго стакана.

— Похоже, господа, моя задница так основательно не горела со времён войны.

Карни кивнул, протирая стакан.

— На чьей стороне воевал?

— Конфедерации, — ответил Кейб, не вдаваясь в подробности.

Не прошло ни дня, чтобы он не думал о войне, но вслух о ней не говорил. Пока не встречал такого же ветерана войны, как и он сам.

Некоторые события лучше оставить в прошлом.

— А ты?

Карни покачал головой.

— Я — нет. А вот мой брат погиб в сражении при Шайло со стороны Соединённых Штатов. Восьмой Иллинойский.

— Мне жаль, — искренне произнёс Кейб. — Правда, жаль. С обеих сторон на этой войне пало множество прекрасных парней. И чем старше я становлюсь, тем чаще задаюсь вопросом, а за что мы вообще воевали.

— Аминь, — кивнул шахтёр.

Кто-то закашлялся, затем подавился и начал что-то бормотать.

В дальнем конце бара голову поднял мужчина в грязном тулупе. Он опрокинул стакан, выливая оставшийся в нём виски в рот, а затем сплюнул его на пол.

У мужчины была косматая чёрная борода и налитые кровью глаза.

— Война, говорите? — попытался он выговорить; из уголка его рта грязной лентой свисала слюна. Он стёр её немойтой ладонью.

— Война между Штатами. Нет... Война северной агрессии. Да, сэр. Я воевал. Ещё как воевал! Чёртовы «синие мундиры», чёртовы янки. Сукины дети!

Шахтёр вздрогнул, когда заметил, что бородатый мужчина начал шататься. Может, он распознал неприятности издали, а может, отшатнулся из-за неприятного запаха от мужчины, потому что вонял тот, как куча прогнивших шкур.

Кейб поднял на него глаза, и увиденное ему не понравилось.

Длинные спутанные волосы и такая же неряшливая борода, которой он явно вытирал рот после еды.

Он смотрел перед собой воспалёнными, слезящимися глазами, но за этой дымкой алкоголя Кейб видел пустые, как могилы, дыры.

Очередной пьяный невежа.

Карни прекратил протирать стойку.

— Сядь на хрен обратно, Орв! Просто сядь на место. И получишь ещё стакан виски за

счёт заведения. В противном случае можешь выметаться отсюда к чертям!

— Да пошёл ты! — огрызнулся мужчина, почёсывая колтуны.

От него безумно воняло мочой. Пятна на брюках в области промежности говорили о том, что мочился он прямо в штаны не в первый раз.

— Чёртова война. Да, сэр, я был на войне! Был! И потерял в этих грёбаных сражениях двух братьев.

Он посмотрел на Кейба, и тот ему точно не понравился.

— Янки, да?

Кейб вздохнул.

— Нет, конфедерат. Второй Арканзасский. Первая битва при Уилсонс-Крике, а при Пи Ридж я потерял свою душу.

Мужчина, казалось, даже не слышал его. Или не хотел.

— Ты был на нашей стороне? Можно подумать! Наверно, был каким-нибудь грёбаным партизаном, убивающим детей и грабящим фермеров. Ошивался с Кровавым Биллом, да? И с его трусливыми дружками — убийцами и насильниками? Ты не такой, как я! Нет, сэр, не такой! Не настоящий солдат.

Шахтёр покрутил пальцем у виска, давая Кейбу понять, что этот мужчина был безумнее, чем стая напившихся валерьянки кошек.

Но Кейб и сам уже всё понял. Для этого не нужно было быть семи пядей во лбу.

— Послушай, Орв, — начал Карни. Он говорил тихо и спокойно, словно с любимым биглем, нагадившим на ковёр. — Этот парень зашёл выпить. Ему не нужны неприятности. Он не янки, как я или Боб. Он истинный южанин, как и ты, и настоящий солдат. Поэтому оставь его в покое, пусть спокойно выпьет.

Мужчина плюнул Карни на сапог.

— Да хрен вас знает, сукины вы дети.

Кейб подумал, что старик Орв совершает ошибку. Судя по внешнему виду Карни, он мог голыми руками подковы гнуть. Даже не хотелось думать, сколько лиц он изуродовал и сколько черепов пробил своими кулаками.

Не стоило задевать такого парня. Это было чертовски опасно.

Такие мысли проносились у Кейба в голове... пока из-под распахнутого кожуха у мужчины не выглянул внушительный флотский кольт 1851 года калибра.44.

Кейб в один момент перестал думать о расквашенном лице Орва, и все его мысли заняла лишь картинка крови, вытекающей из его собственного, развороченного сорок четвёртым калибром живота.

И течь она явно будет быстро.

Кейб облизал пересохшим, как в пустыне, языком губы, и его рука небрежно поползла вниз к рукояти револьвера «Старр» двойного действия калибра.44.

Его револьвер был поменьше, чем у Орва.

Кейб ни минуты не сомневался, что сможет выхватить своё оружие быстрее, чем Орв... Только убийства — последнее, чего он хотел сейчас.

Он сюда приехал не за этим.

Мужчина по-прежнему шёл вперёд, но не спешил, как бешеный пёс, прикидывающий, куда ему вонзить свои зубы.

— Позволь я угощу тебя выпивкой, друг мой, — произнёс Кейб. -

Вышьем за Конфедеративные Штаты и отличных парней, которых мы все потеряли. Что скажешь?

Рука Орва скользнула к ремню, зацепила рукоять ожидающего своего часа в кобуре револьвера... опустилась ниже и начала почёсывать промежность.

Кейб слегка расслабился.

Несколько шахтёров вылезли из-за столов, тихонько извинились и выскользнули в темноту ночи. А те, кто остался в салуне, постарались держаться от разбирающихся на расстоянии.

Кейбу всё происходящее страшно не нравилось.

Если завсегда и начали сбегать из бара, значит, перед ним не простой пьяный безумец.

Перед ним пьяный безумец, любящий убивать.

Карни потянулся за чем-то за барной стойкой, и в этот момент мужчина, возможно, не настолько пьяный, как хотел показать, развернулся к бармену и плавным, отточенным движением выхватил свой кольт.

Но и Кейб уже вскочил на ноги, сжимая револьвер.

Наступила мучительная, напряжённая тишина; настолько густая, что её можно было резать ножом.

Мужчина рассмеялся, но в глазах его стояли слёзы.

— Да у тебя «Старр», парень? Повидал я их на войне. Капсюльный с замкнутым корпусом, да?

— Переделанный.

Кейб и сам поражался абсурдности ситуации: двое мужчин, готовых застрелить друг друга, обсуждают оружие.

— Патрон с металлической гильзой. Так удобнее.

Его противник загоготал. Из уголков дрожащих губ побежала слюна.

— А мне нравится мой 1851 года. Да, сэр! Отличный револьвер, правда? Сколько янки я убил с его помощью при Форт-Донельсон, да! «Синие мундиры» умоляли пощадить им жизнь, но я разнёс их мозги по земле!

Он начал хихикать, как безумный, и револьвер затрясся в его руке, жаждая крови.

— Десятый Теннессийский, да, сэр. «Кровавый Десятый», как нас называли. И знаешь почему? Потому что оставляли за собой кучу трупов. Кровь... хе-хе... кровь повсюду. Течёт, льётся... И нельзя никуда от неё деться, от этой крови. Я до сих пор не могу смыть её со своих рук. Нас захватили янки, слышишь? Мои братья были все мертвы, все мертвы. Да, сэр, я уверен, что мертвы. Они отправили меня в Кэмп-Дуглас — лагерь для военнопленных недалеко от Чикаго. О Боги, как же янки с нами развлекались! По ночам они стреляли через стены барачков, делая ставки на то, скольких Джонни-ребов[1] они смогут убить одним выстрелом.

Кейб откашлялся от пыли.

— Я тоже был в плену, Орв. После сражения при Пи Ридж. Я был в Кэмп-Дуглас. Позже нас обменяли, и мы вновь бросились в бой...

— Лжец! Лжец! Лжец! Чёртов брехливый «синий мундир»! — с запинкой произнёс Орв.

Из его рта во все стороны летела слюна, а жёлто-бурые зубы клацали, как медвежий капкан.

— Ты янки! Я чувствую твою вонь! Мерзкие ублюдочные янки, убившие Роя и Джесси!

Грёбаные «синие мундиры»! Я убиваю их на месте, убиваю их на месте!

Он вскинул револьвер.

Кейб начал надавливать на спусковой крючок «Старра».

— Если ты убиваешь их на месте, — произнёс Карни, — то готовься, потому сейчас сюда зайдёт один такой.

Дверь распахнулась, и в салун вошёл высокий мужчина.

На нём было пальто до колена, воротник и манжеты которого были отделаны мехом. На голове — круглая меховая шапка из шкуры бизона.

У мужчины были точёные черты лица, а усы под острым носом были тщательно подстрижены волосок к волоску.

Мужчина был красив; его голубые глаза горели властностью и уверенностью в себе. К пальто на груди был приколот значок.

«Шериф округа Бивер, штат Юта».

Орв не спускал с вошедшего глаз. Как и Кейб.

Кейб просто потерял дар речи. Волна жара разлилась внутри него, заставив трястись, злиться и кипеть.

Но он ничего не сказал. Пока.

— Орв, — спокойно произнёс шериф. — Отдай мне оружие. А если откажешься — клянусь Богом, я застрелю тебя прямо на месте.

Шериф даже не распахнул полы пальто, чтобы показать своё оружие... Если оно у него вообще было.

Но его глаза...

Кейб помнил эти глаза. Безжалостные. Беспощадные.

Когда они смотрели на тебя, смотрели в тебя, твои внутренности начинали таять, как кусок масла на разогретой сковороде.

Орв почти в отчаянии посмотрел на Кейба. Его голова слегка покачивалась из стороны в сторону.

Шериф подошёл ближе.

— Револьвер, — произнёс он. — Сейчас же.

Орв выглядел так, словно сейчас обделается. Хотя, возможно, это уже так и было.

Его пальцы судорожно стискивали кольт 1851 года выпуска. Костяшки побелели от напряжения. Он перевёл взгляд с Кейба на Карни, глянул на шахтёров.

Орв выглядел удивительно беспомощным.

Шериф расстегнул пальто, специально для Орва делая это медленно, спокойно и уверенно.

И убедился, что смутьян хорошо разглядел рукоятку короткоствольного кольта «Миротворец» калибра.45, что висел у его бедра.

Шериф протянул руку.

— Револьвер, — повторил он, и металлом в его голосе можно было резать.

Старый Орв протянул руку, чтобы сдать револьвер, но затем... Может, в нём заговорило чувство собственного превосходства, а может дело в напряжённости момента, но его рука остановилась на полпути, а глаза потемнели и свирепо заблестели.

Но шериф был гораздо быстрее. Гораздо увереннее.

Он схватил Орва за кисть правой рукой, резко дёрнул на себя, вывернул запястье — и револьвер старика оказался в левой руке шерифа.

Он взял револьвер за дуло и с непроницаемым выражением лица пять или шесть раз с размаху ударил рукоятью Орва по лицу, пока тот не упал на колени.

Орв схватился окровавленными пальцами за разбитое лицо и застонал.

В дверях показался крупный мужчина в дождевике, к которому была приколоты звезда. Он посмотрел сначала на Орва, затем перевёл взгляд на шерифа.

— Приберись здесь, — кивнул ему шериф и повернулся к Кейбу. — Сэр, я бы попросил вас опустить револьвер.

Кейб, даже не задумываясь, выполнил его приказ.

Этот голос, эти глаза... Они практически гипнотизировали.

Но когда заместитель шерифа не слишком осторожно потянул Орва к выходу, Кейб пришёл в себя. Его лицо искривила дерзкая, нахальная ухмылка.

— Так, так, так, Джексон Диркер, — протянул Кейб. — Собственной персоной.

Шериф вскинул брови, но на его лице не промелькнуло ни намёка на узнавание.

— Я вас знаю, сэр?

Кейб снова усмехнулся, и эта улыбка обжигала ненавистью.

— Должен знать.

Он коснулся старых шрамов, берущих своё начало на одной щеке и перебежавших через переносицу на вторую.

— Эти метки на моём лице..., - начал Кейб.

— И что с ними?

— Это ты их оставил.

— 2-

Офис шерифа округа Бивер.

Грязное одноэтажное кирпичное здание стояло между зданием окружного суда и офисом брокера; его окна выходили прямоком на городскую площадь и таверны, выстроившиеся в ряд, словно предлагающие поразвлечься проститутки. Кейб стоял рядом с домом на продувающем ледяном ветру; на ботинки налипла, как мокрый цемент, грязь.

Он не совсем осознавал, что чувствует в тот момент, но точно мог сказать, что чувство это было не из приятных.

Часть него жаждала вломиться внутрь и застрелить к чертям этого грёбаного сукина сына — шерифа округа.

Но Кейб понимал, что не станет так поступать. Дела так не делаются.

Он столько лет думал о Джексоне Диркере, раз за разом проигрывал в голове фантазии об их очередной встрече... И вот — свершилось.

Но эти фантазии были мёртвыми, как сброшенная змеёй кожа.

Кейб вошёл в помещение и увидел крепкого мужчину — заместителя шерифа — потягивающего из оловянной кружки кофе.

Это был крупный, внушительный мужчина средних лет с широкими плечами.

Он не носил оружие. Как и совсем недавно в салуне.

Кейбу подумалось, что этот мужчина был точной копией старины Тома Смита из Абилина, который вершил правосудие и обеспечивал порядок голыми руками.

— Чем могу помочь? — спросил мужчина. — Я Генри Уилкокс, заместитель шерифа.

— Тайлер Кейб. У меня дело к шерифу Диркеру. Он здесь?

— Здесь, — кивнул Уилкокс. — Я позову его.

Кейб пододвинул стул с прямой спинкой к столу, который, как он полагал, принадлежал Диркеру — массивный, старинный, бумаги на котором лежали в строгом порядке.

Да, таков Джексон Диркер.

Официозный, суровый, живущий по законам военного времени.

Можно даже не сомневаться.

Кейб бывал в офисах шерифов десятков, если не сотен, городов.

Большинство из них представляли из себя полуразвалившиеся лачуги, в которых к бетонным блокам были прикреплены кандалы для удержания заключённых. А письменными столами служили наполовину сгнившие бочки.

Но не здесь.

Не в зажиточном шахтёрском городке.

Здесь работа шерифом округа была весьма прибыльной.

Меньшего от Джексона Диркера ждать не приходилось.

Кейб ждал, закурив сигарету, и изучал прикреплённые к доске изображения разыскиваемых жуликов, последние городские постановления и запертые в шкафу на ключ винтовки.

Отворилась дверь в задней части комнаты — Кейб решил, что она ведёт к камерам задержанных — и вошёл Диркер, а у Кейба внутренности скрутило в узел.

На Диркере был костюм в полоску с галстуком, а из кармана свисала золотая цепочка от часов.

Такой наряд уместнее смотрелся б на банкире.

Но манеры и поведение у Диркера были отменные, и он выглядел бы уверенным в себе лидером даже в платье с корсетом.

Он сел за стол напротив Кейба.

— У тебя здесь дела, Кейб?

У Кейба спёрло дыхание, и он ощутил, как слова застряли в горле, как зацепившаяся за гвоздь ткань.

На секунду ему показалось, что он перепутал...

Нет. Существует лишь один Джексон Диркер. Кейб знал, что это был он с тех пор, как вошёл в «Оазис».

Он выглядел старше, лицо испещрено морщинами от пережитого. На висках виднелась проседь. Но эти глаза... Их невозможно забыть.

Двадцать лет не сгладили горящую в них жестокость. Эти глаза по-прежнему могли прожигать дыры в стенах.

— Помнишь меня, Диркер?

Шериф кивнул.

— Помню.

— А вот в салуне, похоже, не вспомнил...

— Не сразу.

— Шрамы освежили твою память?

Диркер выгнул бровь.

— Думаешь, шрамы в этом округе в новинку, Кейб? Чего ты хочешь? — прямо спросил он. — Зачем ты сюда приехал?

— Увидеть океан, почувствовать солёные брызги на своём лице...

— Океан в сотне миль отсюда.

Кейб хлопнул шляпой по колену.

— Чёрт, кажется, я чуть сбился с курса.

Диркер не удивился.

— По личному делу или по работе?

Он умел задавать вопросы.

Старый добрый Безумец Джек Диркер.

Этого человека нельзя было заболтать.

Он мог рассуждать о расчленении младенца с таким же непроницаемым лицом, как и о подравливании собственных ногтей. Это точёное лицо никогда не отражало эмоции. Оно не ведало ни ненависти, ни злости, ни любви, ни радости.

Лишь глаза горели жизнью из-под этой маски.

Правда, когда Кейб в последний раз видел Диркера, на том была тёмно-синяя форма лейтенанта Армии Союза.

Кейб затянулся сигаретой.

— Знаешь, Безумец Джек... Кстати, люди ещё зовут тебя так?

— Нет. Похоже, меня так звали только повстанцы во время войны.

Он произнёс это абсолютно равнодушно.

Имена для него ничего не значили.

Вы могли назвать его мать шлюхой, но если бы он до этого не намеревался всадить в вас пулю, то и данная фраза не заставила бы его это сделать.

Но если он был не в настроении — берегитесь!

— Ты и вообразить не можешь, как часто я представлял нашу встречу! Как часто думал, что сделаю с тобой, когда мы вновь столкнёмся.

— Война закончилась, — произнёс Диркер. — Будь мужчиной и живи дальше. Юг недооценил волю и силу Севера. Из-за подобного высокомерия и проигрывают войны. Каждый поступал так, как считал нужным. Но теперь всё закончилось. Мы объединились. Мы едины уже столько лет. Мы должны смотреть в будущее и учиться на ошибках прошлого.

Кейб стиснул зубы.

— Ну, конечно, конечно... Я бы хотел забыть всю эту херню, но каждый раз, глядя в грёбаное зеркало, я вспоминаю, Диркер! Эти шрамы не дают мне забыть.

Кейб попытался остыть.

Диркер держал себя в руках. Как и всегда.

Кейб не даст этому человеку выиграть спор и превратить себя во вспыльчивого дурака с Юга.

Не в этот раз.

— Мы проиграли, Диркер. Когда терпишь поражение, не так-то просто забыть и простить. Начинаешь думать, что ты мог изменить. Это тяжело для мужчины.

Диркер приподнял бровь.

— Иногда для победителя это не менее тяжело. Размышляешь над тем, что совершил и над тем, что мог обращаться с врагами цивилизованнее, прощая им их грехи.

Твою ж мать.

Сейчас этот сукин сын вёл себя, как поэт, проповедник и политик в одном лице. Заставляя Кейба поверить, что в этой пустой груди бьётся сердце.

Но Кейб не верил.

— Пи Ридж. Помнишь? Я помню. Наши задницы порвали там на лоскуты. Ваши солдаты разбросали нас во все стороны. Я и мои парни... Мы даже не были уверены, куда угодили. Ни обуви. Ни еды. Ни оружия. Вы окружили нас, Диркер. Этот ублюдок сержант из твоего войска застрелил Мальша Вилли Гибсона! А потом ты исхлестал нас, оставшихся в живых, кнутом. И когда я попросил... попросил тебя остановиться, ты сделал вот это с моим лицом. Я потерял сознание, но ты продолжал стегать меня хлыстом...

Диркер сжал плотно губы, и рот стал напоминать разрез на маске.

— Твои парни... Да, я их помню. Как и помню то, что осталось от моих солдат. Их трупы были изуродованы, обезображены, Кейб. Это было отвратительно. Я должен был убить и тебя, и твоих бесхребетных ублюдочных южан. Но не убил.

Кейб вскочил на ноги.

— Ах ты, сукин сын! Чёртов грёбаный ублюдочный янки! Я говорил тебе тогда и повторю сейчас: мы не трогали тех солдат! Когда мы наткнулись на них, они уже были в таком виде: выпотрошенные кишки, разрубленные лица... Нам нужны были лишь их ружья и провиант! Мы голодали, во имя всего святого!

Диркер смотрел на представление Кейба и не верил ни единому слову.

— Мы можем обсуждать это до посинения, Кейб, но это ни к чему не приведёт. Я не верю тебе. И никогда не верил.

Шериф опёрся ладонями о столешницу.

— Итак, ты пришёл сюда, чтобы обсудить войну, или у тебя было на уме что-то ещё?

Кейб опустил в кресло, чувствуя манящую тяжесть кобуры.

Когда человек что-то решил, его уже не переубедить. Остаётся только принять, нравится вам это или нет.

— Ладно, Диркер, ладно. Я выслеживал одного парня. Следовал за ним от Невады, и похоже, где-то здесь он залёг на дно. Я не знаю его имени, у меня есть лишь смутное описание этого животного. Но я знаю, что он совершил...

— Так ты охотник за головами?

— Надо же чем-то на жизнь зарабатывать.

— Я не осуждаю, просто констатирую факт. Продолжай.

Кейб понял, что ему гораздо легче говорить, когда он не видит Диркера, поэтому он устался в стену и попытался притвориться, что у него до сих пор не стоит в ушах свист хлыста.

— Газеты окрестили этого парня «Душител ь Города Грехов». Он переезжает из одного шахтёрского городка в другой, пытаюсь затеряться в наплыве чужаков.

Диркер кивнул.

— Я слышал о нём.

— Не сомневаюсь. Этот сукин сын любит проституток, Диркер. Как ты бы сказал, у него к ним «особое отношение», — мрачно произнёс Кейб. — Он любит заводить их в укромные места и накидывать шарф на горло, слышал? Ему нравится трахать их, пока они задыхаются. А затем он достаёт огромный нож — возможно, разделочный или для освежевания туш — и потрошит их, раскладывая внутренности вокруг тел.

Диркер не мигая смотрел на Кейба.

— Отвратительно, — произнёс шериф, но сложно было сказать, действительно ли он так считает.

На этот раз Кейб был с ним согласен. Это было отвратительно.

За прошедшие пять месяцев Душитель Города Грехов убил шесть проституток.

Первой была проститутка в отеле «Барбари» в Сан-Франциско, за ней — ещё две девушки из шахтёрских городков в округе Черчилль в Неваде.

Затем Эврика, Осеола, и наконец, Пинош — все они были шахтёрскими городками, раскинутыми по штату, «истинными колыбелями разврата», как говорили проповедники и реформаторы.

Когда прямо из земли можно было делать деньги, в такие городки слетаются, как мухи на падаль, все халявщики и дармоеды.

Первым сумму за голову Душителя назначил разъярённый шахтёр.

Тысяча долларов. Несмотря на то, что никто понятия не имел, как выглядит преступник.

Свидетельства очевидцев были абсолютно противоположными: одни сообщали о высоком белом мужчине, другие — о приземистом и смуглом. Одни говорили, что Душитель был мексиканцем, который сбежал из психиатрической лечебницы, другие уверяли, что он мигрант из Европы.

В общем, жители шахтёрских городков устали от совершаемых преступлений и стали собирать деньги для смельчака, который возьмётся отыскать Душителя, и теперь размер вознаграждения приближался к пяти тысячам.

К тому же губернатор Территории Юта обещал тысячу долларов тому, кто предоставит любую информацию о личности или местонахождении Душителя Города Грехов.

— Я выслеживал этого ублюдка от Эврики, — произнёс Кейб. — Там началась моя погоня. В Осеоле мне представилась прекрасная возможность взглянуть на его творчество... Это ужасно, Диркер. Мы с тобой разное видели на войне, но это... Господи, я никогда не сталкивался ни с чем подобным.

— Думаешь, это животное здесь? — спросил Диркер.

— Думаю, он в округе Бивер. А Уиспер-лейк — именно из таких городков, в которые он навевается для охоты... Мне просто нужно затаиться и подождать. Рано или поздно, он угодит в мою ловушку.

Диркер вздохнул, качая головой.

— Кейб, ещё десять лет назад Уиспер-лейк был городком рядом с прииском, в котором был один магазин, один салун и несколько лачуг. А потом здесь нашли серебряную руду, и множество горнодобывающих компаний начали скупать всё — и «Аркадиан», и «Саутвью», и «Хорн сильвер». В нашем городе и его окрестностях находится около пяти тысяч людей, а во Фриско — ещё порядка восьми тысяч. Суть в том, что за один месяц через наш город проходят сотни человек... И найти одного-единственного человека в этой кутерьме — адская работёнка.

— Я возьму его, живым или мёртвым, — ответил Кейб.

— Только убедись, что поймал того, кого надо.

Кейб встал, потянулся и надел на себя дождевик.

— Настанет день, Безумец Джек, и мы поговорим с тобой о войне. Только ты и я.

— Убирайся, Кейб, — произнёс Диркер. — И не создавай проблем. У меня и без тебя дел по горло.

Кейб вышел на улицу под ливень и ухмыльнулся.

Если всёйдёт правильно, то дел у Диркера только прибавится.

Его звали Орвилл дю Чен.

Его камера в Уиспер-лейк была два с половиной метра в длину и полтора в ширину. Кирпичные стены, устланный соломой пол.

Здесь было холодно и сыро, а с потолка капала вода.

Летом в камерах кишели насекомые, а зимой помещение промерзало, как ледник.

Раскладушка, на которой сидел Орв, едва вмещала взрослого мужчину, а единственное выданное солдатское одеяло практически не спасало от холода.

Орв сидел в собственной вони, почёсывал бороду, думал и вспоминал, и запутывался ещё больше. Он был уверен, что должен что-то вспомнить, но, хоть убей, у него ничего не выходило.

Иногда его разум начинал выкидывать фокусы. Он был похож на школьную доску: на ней было написано много важной и полезной информации, но если тотчас не подбежать к ней и не прочесть записи, то всё исчезало.

Поэтому Орв сидел в камере и радовался холоду, ведь в холоде вши и гниды в его бороде и волосах издыхали. А эти чёртовы букашки с их зудом могли и здравомыслящего человека свести с ума!

«Хватит думать об этой живности, чёртов идиот! — приказывал себе Орв. — Ты здесь не из-за этого! Ты здесь из-за того... из-за того, что...»

Чёрт, эти воспоминания снова ускользали.

Как осколок льда на июльском солнце, они таяли и исчезали.

Иногда Орв начинал думать, что он безумен. Хотя, возможно, так оно и было. Но то, что его голова превратилась в пастбище для вшей, ещё не значит, что он бредит.

Нет, конечно, иногда он бредил и даже терял над собой контроль.

И когда это случалось, кто-то из помощников Диркера — Генри Уилкоккс или Пит Слейд, или любой другой его заместитель — запирали Орва, как горошину в банке. И он не жаловался.

Тюрьма в округе Бивер?

Чёрт, да она была отелем по сравнению с лагерем военнопленных у янки в Кэмп-Дуглас!

И кормили здесь гораздо лучше.

Заклѳченных здесь не били и не использовали в качестве мишени для тренировок.

Не нужно было пить из выгребной ямы или смотреть за тем, как голодные парни бродят вокруг тебя, как живые дышащие скелеты, перепутавшие сторону могилы.

И становилось ещё печальней от того, что у державших их под стражей солдат еда была. У них была куча еды, но им нравилось смотреть, как их враги умирают от голода.

Голод.

Теперь было ясно, что в этом состоял целый план.

Один сержант из Алабамы в Кэмп-Дуглас просто сошёл с ума. Он был таким худым, что мог спрятаться за листом бумаги.

За всё время, что Орв находился в лагере, он слышал от сержанта лишь одну здравую мысль.

«Сынок, — говорил он, — посмотри на меня. Я в десяти сотнях километров от дома и в десяти сантиметрах от ада».

Орв никогда этого не забывал.

Большую часть времени сержант пытался выкопать жуков из грязи или прятал трупы крыс под стенами лачуг, чтобы потом перекусить, или говорил охранникам, что ему нужно поговорить с президентом Линкольном, а Эндрю Дэвис может поцеловать его белую алабамскую задницу за то, что оставил его гнить в этой дыре.

А если старина Энди Дэвис хочет трахнуть свою сестрицу Нелл, то пусть не тушует, ведь она сама трахалась уже со всеми, вплоть до индейцев и диких свиней, и лживый политик впишется в эту компанию как нельзя лучше.

Орв попытался перестать думать о войне, но это оказалось непросто.

Иногда все, кого он видел, были янки. Мёртвые и живые.

Диркер был янки. Генри Уилкоккс был янки. И Питер Слейд тоже...

Хотя нет, это не так.

Слейд был родом из Миссисипи. Но от него всё равно несло за милю янки.

Орв ненавидел исходивший от них запах северян. Как от того янки в «Оазисе». Этот сукин сын сказал, что был во Втором Арканзасском! Сказал, что был у Пи Ридж.

Ложь!

У этого сукина сына был револьвер Старр, светлые волосы до плеч и шрамы по всему лицу!

Наверно, какой-то канзасский ублюдок, убивающий мирных жителей. Да, лживый янки! Грёбанный лживый янки!

Да кем он себя возомнил?!

Орв приказал себе не думать о том, что произошло столько лет назад.

Нет, нет! Это не так!

Это было вчера. А может и сегодня.

Ну, конечно! И Диркер забрал его флотский кольт 1851 года — тот револьвер, что остался у Орва со времён «Кровавого Десятого», где он служил. Он подобрал его, когда прятался под телами... И где, чёрт возьми, были тогда Рой и Джесси?!

Мертвы. Оба мертвы.

Уже давным-давно.

Погибли на войне.

Орв обхватил голову руками и попытался заставить её работать, но голова не желала включаться. Да и как мог соображать мешок с бобами?

Стоп. Слушай.

Разум Орва начал немного проясняться.

Он слышал на холмах нечто. Нечто нехорошее. Нечто верхом на лошадях. Оно выглядело, как человек, но человеком не являлось.

Ох, это плохо. Плохо. Плохо!

Его род был родом из Теннесси близ Смоки-Маунтинс.

Народ матери практически весь обладал способностью к колдовству и предсказаниям, и иногда у Орва тоже случались видения. Иногда в его голове возникали картинки того, что скоро произойдёт... Только ему это никак не помогало, потому что он очень скоро обо всём забывал.

Таким был материнский род.

И Дедушка Джереми Хилл был таким же.

Однажды фермеры из округа Хокинс обманули его при продаже скота, но сделали так, что комар носа не подточил бы, и Иеремиа мог лишь ругаться и плевать.

Хотя нет, не только... В гневе он проклял всех мужчин в том роду, и ночью с неба упали вороны и выклевали у его недругов глаза. И это было даже милосердием, ведь роду тех фермеров больше не пришлось смотреть на последствия колдовства Джереми Хилла.

Орв подошёл к крошечному зарешёченному окну.

Сырой ветер дунул в лицо, и Орву полегчало. Он смотрел на тёмные холмы, возвышающиеся над городом, и знал, что там притаилось зло.

Он видел в голове их лица и фигуры, но они были размытыми, а голоса — нечёткими.

Орва начало подташнивать, потому что он явственно ощутил запах смерти.

Смерти, окружающей город.

Точно так же, как ощущал её в Кэмп-Дуглас. Он слышал её ночами, рыщущую среди груд костей, лохмотьев и непогребённых трупов.

И теперь смерть пришла сюда. Орв видел её в своих мыслях; он знал, как и прежде, что смерть всегда голодна и ненасытна.

И понимая это, Орвилл дю Чен соскользнул вниз по стене и начал хныкать, молясь о скорейшем рассвете.

— 4-

Тайлер Кейб укрылся от грозы на постоялом дворе «Святой Джеймс».

Дождь капал с полей его шляпы.

Мужчина отряхнул грязь с ботинок и направился к горевшему в очаге огню, чтобы согреться.

Стройная женщина в синем платье с турнюр[1] протирала перила.

— Добрый вечер, — произнесла она.

— Мадам, — поклонился Кейб. — Мне нужна комната. На неделю. Может, дольше. Может, меньше.

Женщина подошла к столу и открыла книгу регистрации.

— Уверена, мы можем вас поселить, мистер...

— Кейб. Тайлер Кейб.

Он внимательно посмотрел на женщину и отметил, что она очень симпатичная. У неё были высокие скулы, чёрные, как смоль, волосы и глаза цвета тающего шоколада. И приятный голос. Мягкий, бархатный. С заметным южным акцентом, смягчённым воспитанием в высшем обществе.

Кейб решил, что она была из хорошей семьи.

— Ваш род занятий? — спросила женщина.

Кейб пристально взглянул на неё.

В большинстве гостиниц и постоялых дворов не задавали подобных вопросов. Но, судя по всему, Уиспер-лейк был беспокойным городом, так что нельзя было винить леди за уточнение.

— Я охотник за головами, мадам, — ответил Кейб, не гордясь, но и не стыдясь своего занятия. — Я охочусь за людьми ради выживания. Иногда на животных. Некоторых это беспокоит. А вас это беспокоит, мадам?

— Нисколько.

Она записала что-то в книгу.

— Просто давайте сразу расставим всё по местам, мистер Кейб. То, чем вы занимаетесь, касается только вас, пока вы не втягиваете в это мою гостиницу. Это приличное место для приличных людей. Хотите выпить, сыграть в карты или развлечься с проституткой — ваше дело, но занимайтесь этим за пределами этого здания. Я не потерплю подобного под своей крышей. Вам всё ясно, мистер Кейб?

Он отошёл от камина, потирая согревшиеся руки.

— Да, мадам. Всё ясно. Я здесь ради дела, а не ради кутежа.

— Отлично. Комната стоит пять долларов в день. Завтрак — в восемь утра, ужин — в пять вечера. Обед — ваше личное дело.

— Пять долларов... Дороговато, мадам, не находите?

Женщина кивнула.

— Согласна. Но это шахтёрский городок, мистер Кейб. У нас есть гостиницы, берущие по пятьдесят долларов за ночь. Но если вы предпочитаете что-то более экономичное, то могу предложить вам бараки для рабочих. Там вас ждёт соломенный тюфяк за два доллара, ещё тёплый от предыдущего постояльца. А у нас комнаты чистые и не кишат насекомыми. Да и кормят неплохо.

Кейб заплатил за два дня.

— Похоже, вам удалось меня уговорить.

Кейб схватил свои сумки и начал подниматься за ней по лестнице.

Его комната была небольшой, но уютной. Кровать, письменный стол, умывальник и маленький шкаф. Окна выглядывали на улицу, где сыпал мокрый снег.

Женщина зажгла масляную лампу.

— Значит, вы охотник за головами. Хм, никогда прежде не встречала охотников за головами. Вы отслеживаете людей и получаете награду. Что вы чувствуете, мистер Кейб? Ваше занятие позволяет чувствовать себя важным человеком?

— Нет, мадам. Скорее, обычным человеком. Но сытым.

Женщина улыбнулась.

— Дерзкий ответ на невежливый вопрос.

Кейб сел на кровать.

— Я бы хотел принять ванну, мадам, если вы сможете её организовать. Кстати... Я не расслышал ваше имя.

— Ах да! Как грубо с моей стороны... Меня зовут Дженис Диркер.

— 5-

Да, похоже, эта работка обещает быть весёлой.

Кейб опустил в горячую воду и начал думать о войне, о Джексоне Диркере, о его жене и о гостинице, владельцем которой он является. И чем больше он над этим размышлял, тем забавнее ему начинала казаться сложившаяся ситуация.

Рано или поздно всё возвращается на круги своя.

Прошрое Кейба было как призрак, которого он запер в ящике, стараясь забыть навсегда. Но вот сейчас оно вырвалось на свободу и вернулось к нему.

А Диркер? Джексон Диркер? Что Кейб на самом деле чувствует к нему?

Хороший вопрос.

Да, ему не нравился этот человек... Но Кейб не мог сказать, что ненавидел его. Время

притупило его злость. Чувства были неопределёнными.

Если бы Диркер начал оскорблять Кейба или кичиться тем, что он совершил в войну, Кейбу было бы легче его ненавидеть. Но Диркер не был таким человеком. Конечно, Кейб по-прежнему считал его грязным сукиным сыном, но шериф не походил на того демона, который изводил Кейба в воспоминаниях все эти годы.

И от этого всё становилось лишь запутаннее.

«Ты здесь не для того, чтобы обижаться на прошлое, — напомнил себе Кейб. — Не забывай. Если попытаться устроить проблемы для Диркера, денег мне это не прибавит. Я приехал, чтобы отыскать Душителя и закопать этого ублюдка. Вот и всё. Если начать связываться с Диркером, ничем хорошим это не закончится. Он шериф округа. Он может сделать мою жизнь невыносимой. Но как же Сэмми, Пит, Малыш Вилли Гибсон? Как же быть с ними?»

Гибсон умер в тот день в лесу. Сэмми — позже в Кэмп-Дуглас. Пита обменяли вместе с Кейбом, но перебросили в другое подразделение. Неужели это оправдывало ненависть, сжигавшую Кейба последние двадцать лет? Библия проповедовала терпимость, но Кейб никогда не признавал всепрощение и не очень следовал Священному Писанию.

Но с другой стороны, несмотря на свой род деятельности, не был он и жестоким, полным ненависти человеком. Он всегда старался по возможности использовать ум, а не грубую силу, предпочитая обхитрить противника.

Но Джексон Диркер... Чёрт, этот человек знал, как раздражить его!

Кейб пришёл в кабинет шерифа, собираясь держать себя в руках, но этот сукин сын вывел его из себя, даже ни разу не повысив голос.

Юг проиграл войну. Это факт.

Как и любой приверженец Конфедерации, Кейбу было больно от этого. Но он не собирался сидеть и ныть, что янки разрушили всё имущество его семьи, как и сотен других семей.

Родственники Кейба были бедными арендаторами из округа Йел в штате Арканзас, и у них не было никаких сбережений. Если бы янки сожгли их ферму, это значило бы, что у них вообще была ферма. Кейб не мог цепляться за это.

Иногда он задавался вопросом, а за что ему тогда цепляться?..

Пробежав пальцами по шрамам на лице, Кейб решил не связываться с Диркером. Ну его к чёрту! Он разберётся с этим позже, когда придёт время. Если придёт...

А сейчас пришло время разобраться с заданием и получить деньги.

— 6 —

Иногда Каллеб Каллистер думал о своей жизни и о кирпичиках, из которых она была возведена.

Но не очень часто.

После смерти Хайрама прошло уже почти семь месяцев. Каллеб остался единственным владельцем «Похоронного бюро братьев Каллистеров», которое вскоре будет переименовано в «Похоронное бюро Каллистера».

Иногда Каллеб скучал по своему брату. Но не очень часто.

Они давным-давно договорились: Каллеб делает гробы, а Хайрам бальзамирует тела. Работа с трупами Калеба не заботила. После смерти Хайрама Каллеб некоторое время

пытался сам этим заниматься, но ему становилось нехорошо от прикосновения к ледяной плоти, поэтому он нанял бальзамирщика из Стоктона по имени Мосс.

Мосс был способным малым и мечтал о собственном бизнесе, что играло Калебу на руку. Не то, чтобы Каллеб что-то рьяно скрывал, даже после смерти Хайрама, но последнее, что ему было нужно — это чтобы какой-то молокосос, только выпустившийся из училища, совал нос в его дела.

Каллеб был игроком и бабником. Многие это знали, но мужчина всё же предпочитал это не афишировать. Ибо днём он был уважаемым владельцем похоронного бизнеса. А ему не нужно было, чтобы Мосс начал трепать языком о девчонках-подростках, которых Каллеб приводил в бюро, или о том, что он делал с ними в жилых комнатах над покойницей.

Некоторые истории лучше держать в тайне. Как, например, историю братьев Каллистеров.

Никто в городе не знал подробностей их жизни.

Как и все в этом местечке, они залетели сюда, как пожелтевшие листья, гонимые осенним ветром. Они приехали в город и открыли магазинчик мебели. А потом умер местный гробовщик, и Хайрам решил, что они должны заняться делом покойного, ведь большинство изготовителей мебели были и гробовщиками.

Так они и сделали. А городе с очень высоким уровнем смертности, таким как Уисперлейк, этот бизнес оказался весьма прибыльным. Чрезвычайно прибыльным.

В конце концов, после массового приезда новых жителей, Каллистеры отказались от производства мебели и сосредоточились на создании гробов и похоронном деле.

Вот и всё, что люди знали о Каллистерах, если не считать сплетни и пересуды.

Они не знали, что братья были родом из Логанспорта из западной Луизианы. Что их отец и дед владели мебельным бизнесом. Они не знали, что значит расти с физически сильным мужчиной, закалённым жизнью за бессчётное количество лет тяжелого ручного труда. Мужчиной, любившим выпить и поколотить домочадцев.

И Каллеб, и Хайрам не раз испробовали на себе ярость его побоев.

А когда их старик застал Хайрама в сарае с другим мальчишкой, вытворявшими отвратительные вещи, он чуть не забил мальчика до смерти. Только вмешательство Калеба спасло ему жизнь.

Иногда Каллеб задавался вопросом: почему он вообще вмешался, ведь, как говорил старик: «Хайрам был отмечен дланью, но далеко не Господней».

Хайрам был странным малым: толстый книжный червь. Он не бегал по двору, не играл с другими детьми. Он собирал жуков и жаб, и любую дохлую тварь, на которую натёкался. Любил высушивать под солнцем мёртвых животных и наблюдать за этим.

Каллеб был уверен, что он болен. Но Хайрам был его братом, родным человеком. Как он мог его не защитить?

Только чем старше они становились, тем своеобразнее становился Хайрам. И юный, недавно разменявший второй десяток Каллеб лично заплатил тому мальчишке после того, что с ним сделал Хайрам.

И это было уже не в первый раз. Ибо Хайрам был извращенцем: ему нравились дети, особенно мальчики. И Каллеб защищал его, хранил его секрет, хотя иногда он просыпался среди ночи в холодном поту, дрожа от воспоминаний того, чему стал свидетелем.

Но это была тайна. А Каллистеры умели хранить тайны. У старика тоже их было немало.

К пятнадцати годам Калёб уже был частым посетителем местного борделя, где он завязал дружбу с несколькими девчонками. Большая их часть была едва ли старше его самого. И девчонки по секрету рассказали ему, что его отец мог завалиться к ним пьяный, швырнуть деньги и потащить наверх в комнаты кого-то из девушек. А там он любил использовать на них свой ремень.

Это была его первая тайна.

Вторая заключалась в том, что случилось с их матерью. Старик считал, что братья не знают, но они знали. О, да, они знали! Они не верили, что она сбежала. Они знали, что старик пришел однажды вечером домой в пьяном угаре, воняя духами проституток из борделя, и их мать ему это высказала.

И старик жестоко избил её.

Он продолжал бить женщину даже тогда, когда она потеряла сознание, кроша её череп мощными кулаками, пока у их матери не случилось внутримозговое кровоизлияние, и она не умерла.

Братья знали, что старик сбросил её тело в заброшенный колодец... Где до сих пор лежат её кости. Да, мальчики знали это. Но держали в тайне.

Тайны, тайны...

Знали они и о том, что старик стал регулярно избивать Хайрама, потому что стыдился «этого странного маленького ублюдка». И, тем не менее, Хайрам остался жить дома даже после того, как оттуда съехал Калёб.

Беда должна была случиться, и она не заставила себя долго ждать.

Калёб вернулся домой после трёхдневной пьянки и обнаружил голого, окровавленного Хайрама, стоящего над трупом старика с топором в руках. Хайрам практически отрубил ему голову.

Так родилась ещё одна тайна.

Они засунули тело старика в мешок, утяжелили его камнями и забросили в глубины реки Сабин, где он мог провести вечность наедине с ему подобными — крокодилами, водяными щитомордниками[1] и остальными скользкими и мерзкими кошмарами, обитающими на тёмном дне.

Вскоре после этого, старика объявили мёртвым. Он ведь просто исчез, а в городе его всё равно все недолюбливали.

Братья продали всё имущество и бизнес и переехали на запад.

Жители Уиспер-лейк об этом ничего не знали. Как и не знали они о том, что делал Хайрам с телами молодых проституток, поступавшими в морг. О том, как Калёб однажды заявился в бюро среди ночи и застал брата, трахающего труп.

К тому времени Калёбу уже до чёртиков надело прикрывать грёбаные отклонения Хайрама, даже несмотря на то, что тот был его братом. И когда Калёб нашёл брата мёртвым — и пусть коронер сказал, что это было самоубийство, они ведь оба прекрасно знали правду! — это было истинным благословением. Ведь рано или поздно Хайрама застали бы за неприличным занятием, и это разрушило бы всё, над чем трудился Калёб.

А с похоронами Хайрама были погребены и многие тайны.

Но существовали и другие тайны. Тайны, о которых Калёб не знал.

Например, о том вечере, когда голову Хайрама населили мрачные, злобные голоса, которые заставляли его видеть, слышать и чувствовать отвратительнейшие вещи.

О том, как Хайрам открыл гроб Джеймса Ли Кобба, и там оказался Кобб —

проснувшийся, смотрящий на Хайрама единственным глазом, пылающим, как раскалённый уголёк в печи, и принявший, в конце концов, кровавую жертву.

О том, как Хайрам сошёл с ума, когда Кобб схватил его за горло. Как он пытался закричать, но не получалось. Как сердце, наконец, не выдержало. А ведь Хайрам знал, понимал, что ничто не может быть живым и выглядеть, как Кобб.

Кaleb не знал об этом, но иногда догадывался, что правда была куда ужаснее разговоров.

Жители города не могли знать об этом. Да и не хотели, если честно.

Как и не знали они того, что Кaleb Каллистер ненавидел мормонов и состоял в банде линчевателей, убивших не менее двенадцати членов общества. Они и не подозревали, каким всемогущим чувствовал себя мужчина, надевая белый капюшон и приступая к делу.

Они не догадывались о том, как банда линчевателей наткнулась в лесу на двух девчонок-мормонок, собиравших ягоды. Как они насиловали девушек, пока те истекали кровью, а потом перерезали их тонкие белые шеи и закопали в неглубоких могилках в овраге, чтобы никто не отыскал их тела.

Как линчеватели хохотали, когда в пропаже девушек обвинили индейцев-изменников.

Никто не знал об этом.

Никто не знал, что линчеватели устраивали набеги, называя это движением «Освобождения», на поселения и деревушки мормонов, разбросанные по холмам и долинам. Потому что даже сами мормоны сторонились этих мест, а всё, что там происходило, было проделками дьявола.

И главное: никто и помыслить не мог, что исчезновение тела Джеймса Ли Кобба и превращение богобоязненного мормонского поселения в место мрачный безымянных обрядов — это не совпадение.

Эти тайны, как и тайны семейства Каллистеров, хранились в пустынных глубинах омерзительной души городка.

— 7-

Несмотря на то, что Тайлер Кейб согрелся после горячей ванны и расслабился, как свернувшийся калачиком на диване кот, ему пришлось натянуть куртку и серые шерстяные штаны и выйти на улицу.

Дождь прекратился, ветер утих, но на улице было так же холодно, а сапоги Кейба погрузились в дорожную грязь на добрых десять сантиметров.

В «Оазисе» по-прежнему работал Фрэнк Карни.

Уборщик сметал с пола окровавленные опилки. Кейб понял, что здесь произошла поножовщина. Никто не умер, но шороху навёл знатно. Несколько мужчин играли в покер, а остальные сгрудились около барной стойки и рассказывали друг другу байки о забастовке на прииске в Монтане.

Кейб заказал пиво и рассказал Карни, зачем он приехал в этот городок, и двое мужчин начали серьёзный разговор.

— Жаль слышать, что вы с шерифом не ладите. Но насколько я могу судить, он хороший человек, — произнёс Карни. — Нравится он тебе или нет, но ты должен признать, что у мужика стальные яйца. Чёрт, да я пошёл бы на любого с голыми кулаками! Но на вооружённого револьвером... На хрен надо! Я лучше прослышу трусом. А Диркер? Он

схлестнётся с любимым, кто, по его мнению, становится причиной проблем на его земле.

Кейб отхлебнул пива.

— Я не говорю, что он плохой человек, Фрэнк. Вовсе нет. Просто нас с ним объединяет неприятное прошлое. Между нами столько всего произошло...

Кейб не рассказал Фрэнку Карни всего. Только то, что нужно тому для понимания сложившейся ситуации. Понимания того, кем был Тайлер Кейб, и кем ему приходился Джексон Диркер. Кейб решил, что это важно. Ему ведь нужен был в городе товарищ, которому он смог бы доверять, и который был бы в курсе местных толков и сплетен.

Иногда крохотное признание располагает собеседника. Иногда необходимо открыть фланг, чтобы выиграть битву.

Карни опёрся ладонями о барную стойку и пристально посмотрел Кейбу в глаза.

— Слушай, Тайлер, ты мне кажешься хорошим парнем, поэтому я тебе кое-что расскажу. У Диркера в городе много друзей... И много врагов. Я говорю это тебе на случай, если ты решишь пооткровенничать с неправильным человеком. Мне нравится Диркер... Но я много дерьма повидал в этой жизни и понимаю, каково тебе сейчас. У меня тоже куча шишек и шрамов, но я их получил из-за своей дурной головы. А у тебя другой случай, так ведь?

Кейб сделал ещё глоток.

— Так.

Карни налил и себе пива из бочонка.

— Могу я сказать прямо, Тайлер?

— Конечно.

Карни одним глотком опрокинул в себя полкружки пива и вытер с жёстких усов пену.

— Война — грязное дело. Я не участвовал ни в одной из войн, но для понимания этой простой истины не надо бросать себя под пули. Вы с Диркером... Вы были тогда моложе лет на двадцать. С кучей желчи и дерьма в голове. Вы оба рвали задницы за дело, в которое свято верили. Но вы были ещё детьми, не имеющими ни здравого смысла, ни терпимости, которые приходят с опытом и возрастом. Помни об этом.

Кейб облизал губы.

— Молодые и безбашенные?

Карни рассмеялся.

— Точно! Горячие головы, опьянённые безумием, которому подвластна только молодость и которое ублюдки, начинающие войны, так любят использовать. Просто не забывай это, друг мой. Я думаю, что ни ты, ни он — больше не те, кем были раньше.

Часть Кейба была недовольна тем, что Карни говорит ему, что он должен чувствовать и думать... Но вашу ж мать! Разве не за этим он сюда пришёл?!

Карни дал ему пищу для размышлений. И Кейб понял, что Фрэнк не так уж и неправ.

Тайлер не ненавидел янки, как некоторые. Ну, может богатеев, дёргающих за ниточки, но точно не простых жителей или солдат. Они были лишь винтиками большого механизма. Чёрт, да на территории Дакоты он завязал дружбу с одним ветераном Союза, который потерял ногу в битве при Геттисберге. Ведь в итоге не важно, были вы раньше врагами или нет; только бывший ветеран войны может понять другого ветерана и то, через что они оба прошли.

— Я не забуду твои слова, — искренне ответил Кейб.

Карни подал несколько кружек пива и стаканов виски и вернулся к Кейбу. Он обрезал

кончик сигары и поджёт её, помогая с этим Кейбу.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, понимая друг друга без слов.

— Расскажи мне о Уиспер-лейк.

— Это шахтёрский городок, Тайлер. И главенствует тут не одна компания, а несколько: «Аркадиан», «Саутвью» и «Хорн сильвер». Они владеют почти всем в Уиспер-лейк. Они постоянно пытаются купить один другого, переманить рабочих, дёргая за ниточки. Здесь живут шахтёры и старатели, и те, и другие — жёсткие ребята. Они приезжают и с востока, и из-за моря — отовсюду. Вдобавок к ним — обычный набор проституток, картёжников, стрелков, бандитов и мелких преступников. Владельцы бизнеса тоже увязли в этом дерьме. Уиспер-лейк — это один большой бурлящий котёл, в котором, как ты уже догадываешься, могут происходить и происходят самые отвратительные вещи.

— Похоже на любой шахтёрский городок, который я знаю.

— Ну, естественно. В мире куча таких мест, как Уиспер-лейк, Тайлер. Стоит им найти руду — и вокруг появляются лишь заговоры, махинации и смерти. Приезжаю люди, начинает накапливаться мусор, а мусор привлекает мух.

Кейб слушал и не слышал ничего нового. Но его не отпускало ощущение, что Карни пытается ему на что-то намекнуть.

Кейб допил пиво.

— И? — произнёс он.

— Что «и»?

Кейб долго и упорно изучал Карни, не мигая.

— Есть что-то ещё. И я хочу услышать это от тебя.

Карни затушил сигару и снова опёрся руками о барную стойку.

— Я же сказал тебе: это место похоже на котёл. И он скоро выкипит. Несчастья случаются одно за другим: в холмах пропадают шахтёры с рудников, а люди поговаривают, что это дело рук повстанцев-мормонов.

— Ты в это веришь?

Карни покачал головой.

— Нет, не верю. Чёрт, да территорию Юта в основном населяют мормоны! Только в таких шахтёрских городках, как наш, проживают язычники. Мормонам не нравятся эти, как они говорят, «оплоты греха», но я не верю, что из-за этого они могут убивать людей. Да, на их руках немало крови после резни в Маунтин-Медоуз[1], но в целом, это довольно мирный народ. Живущий обособленно, но всегда готовый помочь незнакомцу. Ты же понимаешь, как им не нравятся подобные города — города, где могут развратить их сыновей и дочерей.

Кейб понимал.

В этом отношении мормоны ничем не отличались от обычных христиан. Места, подобные Уиспер-лейк, расширяли свои границы, привлекая худших из худших.

— И ты не считаешь, что они каким-то образом причастны к исчезновениям?

— Нет, не считаю.

Карни закурил новую сигару.

— Но люди в окрестностях верят в это. Чёрт! Я слышал даже, что они создали банду линчевателей, которая планирует отомстить мормонам и напасть на их поселения.

— Похоже, у Диркера дел невпроворот.

— Ты даже не представляешь насколько, друг мой.

Голос Карни упал до шёпота.

— Видишь ли... Это были не просто исчезновения, а убийства. И я говорю не о стрельбе или поножовщине, потому что на такое здесь обращают внимание не больше, чем на шлюх и картёжников. Убийства, о которых я говорю... Господи, Тайлер, людей убили, как скот! Тела изуродованы и обезображены: головы и конечности оторваны, а животы вспороты. Ходили слухи, что трупы были обглоданы.

С кончика сигары Кейба упал на столешницу пепел.

— Обглоданы? Чёрт, это больше похоже на волков или диких кабанов. Я слышал разные байки про мормонов, но ни одной, где бы они ели трупы.

— Согласен. Но повторяюсь: многие жители в это верят. Они сформировали отряды вооружённых линчевателей. Люди сходят с ума, и становится только хуже.

Это Кейб понимал.

Мормоны. Они отличались от всех и становились из-за этого прекрасной мишенью. Мишенью, на которой можно было выместить всё скопившееся недовольство. Ведь когда люди напуганы, они сбиваются в банды, а всем бандам нужен общий враг. И если они не могут его найти, то смогут его создать.

— Я веду к тому, — продолжил Карни, что твой Душитель Города Грехов не мог найти лучшего места, чтобы залечь на дно. Он вписался в этот бедлам как нельзя лучше.

В этом Кейб даже не сомневался.

— 8-

Позже в своей комнате Кейб начал размышлять.

Шахтёрский городок. Клубы, игорные дома, салуны и бордели. В подобном месте нет ничего, что нельзя было бы купить за деньги. Идущее в руки прямо из-под земли богатство привлекало и убийц, и воров, и негодяев всех мыслимых мастей.

Иммигранты из всех закутков страны съезжались сюда, привозя с собой всю грязь.

Добывающие компании готовы были платить мужчинам по три доллара в день за десяти- или двенадцатичасовую рабочую смену. Бурильщики, хамы и бандюги. Они готовы были разнести в клочья все горы и склоны, чтобы отыскать руду.

Шахты станут гудеть круглые сутки, а деревья вырубят для барачков, лачуг и офисов. Отходы от переработки по сточным трубам отравят всю растительность и воды в реках, ручьях и озёрах. Большая часть рыбы погибнет, а та, что останется, будет до жабр нашигована токсинами. И сам город станет таким же грязным и отвратительным, как буровая установка.

Компания — а точнее, все три — будут владеть всем и всеми.

В магазинах станет продаваться всё: от говядины до библии и постельного белья. Владельцы станут расплачиваться с рабочими акциями компании, всё глубже загоняя их в долги.

Вокруг появятся лишь доктора, принадлежащие компании, жильё, принадлежащие компании, и конюшни, принадлежащие компании. А если всё предприятие провалится, то будет ещё и гроб, принадлежащий компании, закопанный в землю, принадлежащую компании.

Люди станут приходить сотнями, чтобы продать души гибельному Богу Компании.

Многие погибнут в шахтах — от обвалов, газа, взрывов или от опасного оборудования — но компаниям будет на это глубоко плевать, ведь к ним выстроилась очередь из десятков

других добровольцев, готовых приступить к работе, как только с их дороги уберут очередной труп.

Вот он — Уиспер-лейк.

Огромный человеческий улей, в котором плоть и кровь дешёвы, как песок в пустыне, а богачи-владельцы и их советы директоров сидят в высоких кабинетах в белоснежных накрахмаленных рубашках. Они никогда не заботились о том, сколько крови было на их руках; её всегда можно смыть. А если зелёная река достаточно широка, то она всегда затмит собой кроваво-красную.

Уиспер-лейк.

Выгребная яма, где человечность можно было купить, как шкуру или шляху. Добавить ко всему сочетание убийств проституток, мормонов, линчевателей, кучку сорвиголов — и вот вам неприятности, которые сами просятся навстречу.

Такова была голая правда Уиспер-лейк, и Кейб её знал.

Ободранный до костей, кровоточащий скелет городка, насквозь пропитанного коррупцией. Великолепное место для Душителя Города Грехов.

Кейб смотрел из окна своей комнаты на грязную улицу и ждал.

Возможно, Душителя.

Возможно, чего-то ещё.

Но чем бы это ни было, Кейб чувствовал его приближение. И оно не предвещало ничего хорошего.

— 9 —

Проститутку звали Кэтрин Модин, но жители Уиспер-лейк знали её как Миззи Модин или Грязную Миззи. За спиной её также называли «Королевой коготков округа Бивер», и подтвердить это мог далеко не один шахтёр с расцарапанной спиной.

Но в лицо её называли только Миззи.

И в основном из-за того, что она была обладательницей мерзкого характера и револьвера «Смит и Вессон» калибра.38, которым не боялась пользоваться.

Она убила одного мужчину и серьёзно ранила ещё троих.

Миззи была «свободной художницей» и работала на Пайни-Хилл, скрывающейся в тени мрачной серой шахты компании «Аркадиан»... Или «Саутвью». Или «Хорн сильвер»...

Её лачуга, пропахшая дешёвым виски, недорогими духами, запахом немых тел и сексом за двадцать баксов, была широко известна.

Когда дул ветер, её хижина качалась и трещала, хотя иногда она качалась и трещала и без ветра.

И пусть жители города называли Миззи «работницей горизонтальной плоскости», сама она себя шляхой не считала. Она продавала то, что послал ей Господь, с пятнадцати лет, проработав в десятках шахтёрских городков, фермерских угодий и военных складов от Западного Техаса до Территории Вайоминг, практически не пропустив на этом протяжении ни одного поселения.

Миззи считала себя кем-то вроде предпринимателя.

Возможно, так оно и было.

В Уиспер-лейк она обслуживала постоянный поток клиентов, которых не слишком заботило, куда приткнуться своё хозяйство. Они были просто рады, что такое место

существует.

А для тех, кто с большим уважением относился к тому, что носит между ног, всегда можно было найти разукрашенную красотку в дорогом борделе, где за десять минут с иностранкой из Франции или Португалии мужчины были готовы выложить не менее четырёхсот долларов.

Миззи же была для мужчин альтернативным вариантом и готова была раздвинуть ноги перед любым, кто заплатит двадцать баксов, вне зависимости от расовой и культурной принадлежности.

А за двадцать баксов она была лучшей. Особенно в шахтёрском городке, где цены то и дело подсакивали вверх.

А если у вас не было двадцати долларов, она всегда была готова взять что-то в доплату. Будь то лошадь, корова, шкуры бизона, винтовка «Винчестер», церемониальный индейский кинжал или пара сапог из кожи ящерицы. Потому что в те дни, когда у неё не было клиентов, она продавала товары в своём магазинчике, а на хорошую вещь у неё был глаз намётан.

Некоторые ночи были забиты под завязку, а в некоторые она успевала заскучать.

Вот и сегодня было тихо, как в мертвецкой.

Потому, когда в дверь её лачуги постучали, Миззи довольно усмехнулась и уже начала подсчитывать в голове выручку.

Она быстро зажгла красные длинные свечи, затушила масляную лампу и приготовилась встречать джентльмена.

Он вошёл в её хижину с порывом ветра. Лицо его было бледным, как молоко, и на нём ярко выделялись тёмные усы и чёрные, пылающие, как угли, глаза. Мужчина был высоким, худым, в длинном до пят фраке и шляпе-котелке.

— Входите, входите, сэр, — произнесла Миззи. — Устраивайтесь поудобней. Меня зовут Миззи. Могу я предложить вам выпить, мистер...

— Нет, мадам, благодарю. Я здесь не для этого.

Райская музыка для ушей Миззи.

Она села на кровать — полная, крупная женщина, каждая грудь которой была размером с подушку, а лицо разрисовано ярче, чем цирковые шатры.

Её посетитель бросил двадцать долларов в стеклянную вазу для фруктов и положил шляпу и пальто на шифоньер.

Миззи обожала звук монет, ударяющихся о стекло. Может ей и не нравился этот мужчина с чёрными глазами и кладбищенски-мраморной кожей, и сжатыми губами...

Но звук денег она обожала. О, да, спасибо огромное!

Мужчина был не из романтиков. Он приказал ей раздеться, что она и сделала, а потом резко вошёл в неё с тем же странным бесстрастным выражением лица, словно сам акт был для него делом скучным и банальным.

— О, да, малыш, да! — закричала Миззи, делая вид, что она без ума от его мужских способностей; она стонала, кричала и визжала — в общем, делала всё, что обычно заводит мужчин.

Но не этого.

Его движения не стали более неистовыми; они оставались такими же медленными и размеренными — действительно бесстрастные, даже равнодушные.

Лицо мужчины не выражало никаких эмоций... Бледное, гладкое с тёмными

немигающими глазами... Словно лицо манекена или статуи, вырезанной из гранита.

Миззи была деловой женщиной. Она предпочитала разбираться с делами как можно скорее. Нельзя, чтобы другие посетители ждали в очереди... Пусть этой мрачной ночью в бурю никто и не придёт к её лачуге.

Она преувеличенно громко стонала, и сама, находясь на грани при виде входящего и выходящего из неё члена, бормотала грязные словечки своим острым, как чилийский перец, язычком.

— Закрой глаза, — произнёс внезапно мужчина мёртвым, как раздавленный на дороге опоссум, голосом.

Миззи послушалась, надеясь, что он скоро кончит.

Он грубо сжал её грудь, но если ему так нравилось, она не станет сопротивляться... Пусть так и будет.

Она не открывала глаза, двигаясь в такт с женщиной. Вдруг Миззи услышала лёгкий шорох, и прежде чем она успела сделать вдох, мужчина обернул вокруг её шеи шелковый шарф и начал затягивать его всё туже и туже, как питон джунглях Амазонки, выдавливая из женщины жизнь.

Она била руками, извивалась и перепробовала все известные ей способы, как избавиться от непрошеного мужчины... Но он крепко держал Миззи, сильно входя в неё так, что у неё перед глазами замелькали чёрные точки. Лёгкие Миззи начали гореть, она чувствовала, как шарф перекрывает приток крови к голове, а лицо становится горячим, и голова вот-вот взорвётся от напряжения.

А мужчина тяжело дышал.

Пускал слюну.

Его глаза были огромными, чёрными и блестящими.

— Ты любишь меня... Не так ли? — шептал он. — Ты любишь меня... Ты любишь меня... Не так ли... Не так ли... Не так ли...

Миззи пыталась нащупать свой револьвер, но он исчез, просто пропал.

И когда шарф затянулся ещё туже, она провалилась в темноту, и словно издалека она ощущала, как он резко входит в неё, а она умирает, умирает... Но разве это уже важно?

Чего стоят борьба, жульничество и разврат?

Кому они нужны, если можно скользнуть в глубины океана и луга из чёрного бархата...

— Не так ли... Не так ли... Не так ли...

Минут через пять после клинической смерти Миззи мужчина кончил, выбрасывая своё семя в охлаждающееся чрево Миззи Модин; туда, где жизнь встречала только недавнюю смерть.

Когда мужчина успокоился и пришёл в себя, он взял разделочный нож, вспорол Миззи от пупка до шеи и начал со счастливым видом разбрасывать по комнате её внутренности. Затем он отрезал её грудь, вырезал глаза и вставил в зияющие ниши серебряные монеты.

Потом сел, закурил и с восторгом окинул взглядом свою работу.

А прежде чем уйти, в последний раз овладел телом Миззи.

Надел пальто и шляпу-котелок и выскользнул в ветреную, холодную ночь, став тенью, смешавшейся с остальными тенями и больше не существовавшей.

Это была странная зловещая ночь в Уиспер-лейк.

Дул ветер, лаяли собаки, а в воздухе переплелись и смешались зло и пороки.

Тайлер Кейб не любил вспоминать о войне, но иногда мысли о ней поднимались в его голове, пожирая изнутри, как огромная, тёмная опухоль. Чаще всего это происходило посреди ночи, когда он оставался один наедине с беспокойством, тревогой и глодающей заживо виной, отметававшей все доводы рассудка и лишая здравого смысла.

Война возвращалась, когда он пытался заснуть...

Или вырывала его из кошмаров в четыре утра, трясущегося и всего в холодном поту.

И это было не просто воспоминание, а вполне осязаемое, материальное чувство, заставляющее Кейба захлёбываться собственным ужасом.

Кейб служил во втором конно-стрелковом арканзасском полку. Первое сражение Тайлера Кейба случилось при Уилсон-крик, где из него худшим из всех возможных способов убрали наивность. Он не раз думал, что именно там лишился невинности в первый раз. Только это было не нежной любовью в темноте, а жестоким изнасилованием. У него отобрали всё, во что он верил до того момента.

В двенадцати милях от города Спрингфилд в Миссури, при Уилсон-крик, Армия Союза под предводительством генерала Натаниэля Лайона в пять утра напала на войска Конфедерации.

Развернувшаяся битва была жуткой и отвратительной.

Кейб видел, как мужчины, которых он знал и с которыми служил, падали на землю. Его всего забрызгало чужой кровью и внутренностями.

Ужасное крещение.

Он пробирался через их останки; пригибался, чтобы не коснуться повисших на деревьях, как гирлянды, кишек; ощущал вкус солёной горячей чужой крови на губах. Среди клубов дыма, в неразберихе, практически сойдя с ума, он слышал только пушечные канонады и крики умирающих.

Второй арканзасский отступил к Кровавому Холму, но затем благодаря стойкости и силе духа смог упрочить свои позиции. Силы Конфедерации атаковали позиции Союза, по меньшей мере, трижды, и неся, и причиняя чудовищные потери. После третьей атаки ряды янки отступили обратно в Спрингфилд, но 2-ой арканзасский был слишком изранен и измучен, чтобы преследовать противника.

Победа Конфедератов — если можно так назвать сражение с 1200 погибшими — укрепило симпатии к южанам в Миссури. Но цену пришлось заплатить ошеломляющую.

Кейб вышел из этого сражения избитым, раненым и почти сошедшим с ума.

Это был его первый бой. Введение в самую старейшую мужскую профессию.

После этого 2-ой арканзасский был отправлен на индейские территории для подавления восстания криков и семинолов. К тому времени Кейб уже привык к сражениям и яростно кидался в битву вместо того, чтобы бежать и прятаться, как при Уилсон-крик.

Бой с индейцами всегда был ближним, диким, первобытным, и Тайлер осознал, что ему это нравится. Было что-то безличное в том, чтобы пускать пулю в голову с далёкого расстояния или расстреливая без разбора ряды солдат. А вот когда выходишь с ножом на противника, чувствуешь его кровь на своих руках и видишь его агонию... Тогда в Кейбе просыпался первобытный зверь, жаждавший большего.

И всегда получавший желаемое.

Затем была битва при Пи-Ридж.

Второй арканзасский полк под командованием генерала Прайса и генерала Мак-Каллоха в составе Объединённой Армии Запада начал кровавую битву на южной оконечности гор Озарк.

Объединённые силы достигали 20 тысяч человек, включая 5 тысяч индейцев из Пяти цивилизованных племён[1].

Конфедераты, имея практически двукратное преимущество в численности войск и предвкушая скорую, уверенную победу, разделились на два отряда и атаковали врага и с фронта, и с тыла. Но Кёртис, коварный генерал Армии Союза, обошёл с боков оба отряда Конфедератов, и артиллерия безжалостно расстреливала врагов, пока южане не были вынуждены отступить.

Для Кейба и всего Второго арканзасского это был настоящий ад.

В течение последних нескольких дней бушевала метель, и погода была чертовски холодной. Все были жутко уставшими, голодными и замёрзшими, когда генерал Армии Конфедератов Эрл ван Дорн отправил их в бой.

Их лагерь располагался к востоку от Литауна в Морган-Вудс.

Мак-Каллоха и Макинтоша — генералов Конфедерации — убили через два часа от начала битвы, и Второй арканзасский остался без лидера, свирепо терзаемый 36-ым и 44-ым иллинойскими. Армия Конфедератов была практически полностью растерзана, зажата между Первым и Вторым Дивизионами Союза.

Кейб с товарищами, отрезанные от войска, нашли убежище на заброшенной ферме.

Солдаты дрожали от холода в порванных в клочья шинелях и разбитых сапогах. Умиравшие от голода, в изодранной одежде, избитые и расцарапанные, они ожидали облегчения, которому не суждено было прийти. Ни еды, ни одеял, ни шинелей, которыми можно было бы укрыться и согреться. Патроны давно закончились.

Многие были ранены, некоторые даже серьёзно.

Шайка оборванцев в пропитанных кровью бинтах и с быстро исчезающим чувством собственного достоинства.

А спустя час начался обстрел. Стены обвалились, крыша рухнула. Раненые и ослабевшие оказались заживо похоронены под обломками. Джонни Миллеру, лучшему в мире другу Кейба, оторвало голову осколком гранаты.

Выжившие пытались в спешке откопать товарищей под завалами, и в морозном воздухе эхом разносились всхлипы и стоны.

Когда начали наступать жаждающие крови и расправы янки, Кейб и ещё трое его приятелей — Сэмми Морроу, Пит Оланд и Малыш Вилли Гибсон — ускользнули в лес. Они тащились через болото, продирались сквозь заросли ежевики, исцарапав лица, разодрав мундиры и испачкавшись в грязи.

Малыш Вилли сошёл с ума, начиная поочерёдно то хихикать, то хныкать, и Сэмми Морроу не переставая орал на него, называя маменькиным сынком, только оторванным от сиськи. Но Малыш Вилли не обращал на его крики внимания, продолжая разговаривать с давно погибшими товарищами.

— Он сбрендил, Тайлер, — сказал Сэмми Кейбу. — Мы не можем бежать с этим ублюдком за плечами. Он нас выдаст.

— Мы не можем его оставить.

— Это почему же? — поинтересовался Сэмми.

«Если ты сам не понимаешь этого, то какой смысл тебе объяснять?» — подумал

Кейб.

Ближе к заходу солнца дрожащие и уставшие мужчины, не евшие практически сутки, готовы были упасть и умереть на месте.

Отправившийся вперёд на разведку Пит Оланд нашёл в мрачных зарослях группу мёртвых янки.

Кейб насчитал десятерых. Десять человек в синих мундирах, изувеченные до неузнаваемости. Расчленённые. Оскальпированные. С оторванной от костей черепа кожей. С распоротыми животами, с вытянутыми наружу и разбросанными по земле, как тартальные провода, внутренностями.

— Вашу ж мать, — прошептал Пит Оланд. — Вы когда-нибудь такое видели?

— Индейцы, — произнёс Сэмми. — Это точно индейцы из Пайка.

Кейб подумал, что он, скорее всего, прав.

Чероки и крики, чокто и чикасо.

Не в первый раз индейские отряды, войдя во вкус кровавой бойни, решили вернуться к своим жестоким корням.

— Не люблю этих ублюдочных янки, но это... — продолжил Сэмми. — Господь милосердный! Какие могут быть для такого причины?! Вот скажи мне, какие?! Грёбанные индейцы! Цивилизованные племена, мать их!

Кейб приказал всем взять себя в руки.

Эти люди умерли жестокой и страшной смертью. Но они уже умерли. И ничего с этим не поделать.

Он приказал своим парням обшарить одежду, накидки и рюкзаки погибших. Им пригодится любая еда и оружие. Кто бы ни убил этих людей, винтовки Энфилд он оставил нетронутыми.

Кейб понимал, что если его небольшой отряд хорошо вооружится, то они смогут пробраться к отступающим войскам конфедератов. Таков был план.

Только ему не суждено было свершиться.

Пока они с брезгливостью ворочали трупы, их окружило войско кавалерии янки, затягиваясь вокруг четвёрки солдат Конфедерации, как петля виселицы.

Никакого спасения.

Никакой пощады.

Ничего.

Кейб через многое прошёл за свою жизнь... Но быть застигнутым врасплох, грабящим трупы, как какой-то упырь...

Это был конец.

Янки спешили. Они тоже были грязными, измотанными войной и жестокостью, в изодранных мундирах, но в сравнении с Кейбом и его людьми выглядели довольно неплохо.

Солдаты янки заволновались, когда увидели состояние тел своих павших товарищей. Сержантам пришлось буквально удерживать своих подчинённых. Они напоминали свору диких бешеных собак, окруживших южан.

Сквозь ряды протиснулся офицер.

Высокий, жилистый лейтенант в синем мундире и форменной шляпе, с висящей на боку, ловящей последние отблески заходящего солнца шпаге. Его лицо было словно высечено из мрамора, и на нём, как две шаровые молнии, горели глаза.

Он обошёл груды погибших янки. Перевернул одного из них носком блестящего чёрного сапога. На лице не отразилось никаких эмоций, только изогнулась левая бровь и зубы обнажились в жуткой ухмылке.

Кейб знал, что должен разрядить обстановку и сгладить неприятную ситуацию.

— Капрал Тайлер Кейб, Второй конно-стрелковый арканзасский полк, сэр.

Лейтенант тоже представился. Джексон Диркер, пятьдесят девятый иллинойский.

От стали в его голосе и выправки у Кейба кровь застыла в жилах. Перед ним стоял несомненно уважаемый руководитель и прекрасный солдат... Но ещё перед собой Тайлер видел человека жестокого, несмотря на внешнее безразличие и равнодушие. Человека с дикой, необузданной аурой, которая кипела в этих кристально-голубых глазах, словно готовая пожрать плоть и кости кислота.

— Сэр, мы... Мы нашли эти тела уже в подобном состоянии. Наш отряд оказался отрезан от основного войска у Пи Ридж, и со вчерашнего дня мы плутаем в лесу. Мои люди не видели нормальной еды уже несколько дней, — пояснил Кейб.

Его голос дрожал и прерывался, потому что... Чёрт, Кейб прекрасно понимал, насколько хреново всё выглядит.

— Мы просто хотели отыскать среди этих... этих погибших... еду и оружие, необходимое нам для выживания.

Солдаты Союза дрожали от неконтролируемой, еле сдерживаемой ярости.

Малыш Вилли начал бормотать какую-то чушь, которую никто не мог понять, и дородный сержант с ирландским акцентом сказал ему закрыть свой грязный бунтарский рот сию минуту. Но Малыш Вилли свихнулся, затерялся в своём придуманном мире грёз и продолжал бредить, выбрав весьма неподходящий момент для того, чтобы хвастаться, скольких янки из Второго полка он убил.

Сержант издал полный боли хрип, выхватил армейский кольт и выстрелил Малышу Вилли прямо в голову. Череп Малыша Вилли разлетелся на куски, как стеклянная ваза; мозги оказались на траве, а сам он упал, как срубленное дерево.

Кейб и его товарищи начали кричать и вопить, но янки быстро их одолели. Кейба ударили прикладом винтовки в висок, и он упал наземь, а с Сэмми и Пита сорвали рубашки и привязали к деревьям.

Диркер вернулся от своего скакуна с хлыстом в руке, напоминавшим свернувшуюся кольцами злобную ядовитую гремучую змею.

— Расхитители могил, осквернители трупов, — неожиданно тихим голосом произнёс он. — Убийство человека — это одно... Но подобное изуродование... Что-то подобное...

Кнут рассёк воздух, его витая плеть свернулась и развернулась, разматываясь...

И тогда Диркер дал волю чувствам.

Хлыст упал на голую спину Пита и Сэмми, оставляя на теле кровоточащие алые глубокие раны.

Диркер продолжал взмахивать кнутом, пока оба мужчины не перестали кричать и не обмякли, а спины их не превратились в кровавые куски мяса.

С последним их криком Кейб пришёл в себя и бросился на стоящих неподалёку двух янки, пытаясь добраться до Диркера, но спустя пару мгновений лицо обожгло страшной болью — удар кнута пришёлся на лицо, заставляя мужчину от боли свалиться на колени. Плеть вгрызлась в его щёки и скулы, раскроила нос.

Кейб упал и практически потерял сознание, а плеть всё продолжала и продолжала его

стегать.

Следующее, что Кейб помнил, это переправа с сотней других солдат Конфедерации. Они направлялись к реке Миссиссипи, где их всех погрузили на сгнивающие старые пароходы. Солдат определили на нижнюю палубу, где всю следующую неделю они прожили в холоде, голоде и мрачной тишине, пытаясь урвать частички сна на кучах каменного угля.

Пароход доставил их вверх по Миссиссипи через Сент-Луис в Олтон, где мужчин погрузили в вагоны для скота и отправили в Чикаго. К тому времени, как они достигли порта, на палубе вперемешку с живыми лежали уставившиеся в потолок остановившимися глазами трупы...

Трупы людей, не сумевших пересилить холод, голод и болезни.

В Чикаго солдаты Конфедерации брели по промёрзшей грязи и стоячей воде ещё три километра до Кэмп-Дуглас. Мокрая одежда замёрзла и затвердела, напоминая дублёную кожу. Люди вышли поглазеть, потаращиться и поиздеваться над колонной поверженных южан...

Хотя многие, казалось, сочувствовали им, а некоторые и вовсе прятали от стыда глаза.

Иногда дети бросали в них что-то.

Но чаще махали и улыбались. По крайней мере, пока родители не одёргивали их.

Кейб провёл шесть месяцев в Кэмп-Дуглас. Изначально он был построен в качестве тренировочной базы для армии Союза, но позже, после поражения Конфедератов в битве при Форт-Донельсон, Кэмп-Дуглас превратился в лагерь для военнопленных.

На семь тысяч заключённых был лишь один хирург.

Лагерь был выгребной ямой со стоячей водой, непогребёнными телами, гниющими костями, бушующими болезнями и кишачными паразитами. Крысы свободно бегали по земле и жрали мёртвых. А иногда и живых, если те были слишком больны и слабы, чтобы отбиться.

Люди умирали от переохлаждения.

Людей забивали до смерти.

Людей казнили и пытали за самые незначительные проступки.

Голод убил сотни.

Вспышки оспы и дизентерии убили тысячи.

Вода была загажена стоками из туалетов, а промытые такой водой раны моментально загнивали и превращались в гангрены.

А летом лагерь превращался в улей из жужжащих мух и жалящих комаров, клубящихся над головами целыми тучами. Не похороненные, сваленные в кучи тела были просто пиршеством для крыс и червей.

Охранников называли «больничными крысами». Большинство из них были чертовски жестокими безо всяких на то причин. Им было приятнее выбросить паёк в выгребную яму, чем отдать на ужин заключённому. Они безжалостно избивали мужчин, заставляли их голыми стоять на снегу и часто делали ставки на то, кто из узников дольше продержится без еды и медицинской помощи.

В среднем каждый день здесь умирали восемнадцать заключённых.

«Повозки смерти» время от времени проезжали через их лагерь, загружая изломанные синюшные мёртвые тела, как вязанки хвороста. А иногда вместе с мёртвыми грузили и ещё живых; тех, кто уже одной ногой в могиле. Часто повозки оставляли под палящим солнцем на несколько дней, пока гора трупов не начинала буквально шевелиться от кишачных среди них крыс и расширяющих тела газов.

Кейб не мог сказать, что за время службы в Армии Конфедерации его кормили на убой. К моменту битвы у Пи-Ридж он похудел с семидесяти семи килограммов до шестидесяти трёх. Но в тот день, когда его, пленного солдата, обменяли и забрали из Кэмп-Дуглас, он едва дотягивал до сорока пяти... Тошная фигура, завёрнутая в драные лохмотья кое-как держащейся униформы и сплошь покрытых грязью тряпок.

После недолгого пребывания в госпитале конфедератов, Кейб был вновь зачислен во Второй арканзасский, который был объединен с Теннессийской армией под командованием генерала Брэгга.

Кейб был свидетелем сражения у Мурфрисборо и провальной попытки генерала Джо Джонстона снять осаду Виксберга. А затем... Чикамоге, Чаттануга, битва за Анланту.

Кейба тяжело ранило шрапнелью во время сражения за Каролину, но он выжил. Выжил, чтобы сдаться вместе со всей теннессийской армией в апреле 1865 года, стоя бок о бок с братьями по оружию.

После войны он работал детективом на железной дороге, а после охранником на перевозке золотых слитков из шахты в один калифорнийский городок.

А когда ему это осточертело, он стал охотником за головами.

Но после всего, что он видел; после всего, что ему пришлось сделать; после всех кошмаров войны и ужасов Кэмп-Дуглас одно событие по-прежнему затмевало все остальные...

Его поимка в Морган-Вудс после битвы у Пи-Ридж.

Его первая встреча с Джексоном Диркером.

С человеком, ставшим личным кошмаром Кейба.

С человеком, не дающим ему покоя ни во сне, ни наяву.

— 11 —

Работа шерифом округа была не из лёгких.

Джексон Диркер был занят семь дней в неделю и зачастую проводил на работе по пятнадцать часов за сутки.

Помимо обеспечения соблюдения законности и правопорядка в округе — и это в таких-то городках, как Уиспер-лейк и Фриско — в полномочия Диркера входило поддержание порядка в местной тюрьме и контроль над исполнением предписаний суда. Несколько дней в неделю он проводил за дачей показаний в суде, организацией перевозки заключённых, обучением своих заместителей и разбором завалов бумаг и документов.

А ещё он был кем-то вроде пожарного и санитарного инспекторов вместе взятых. Его звали, когда нужно было уладить спор между горнодобывающими компаниями и местными независимыми копателями, между коренными жителями и иммигрантами, между общинами индейцев и мормонов.

Диркер был и солдатом, и дипломатом, и чиновником, и инспектором.

Он был всем и каждым в округе Бивер.

Когда происходило что-то хорошее, он узнавал одним из последних. Но стоило обрушиться на округ какому-то дождю из дерьма, и он должен был первым разгрести случившееся.

Но при всех отрицательных моментах, его профессия была весьма прибыльной. Как

высокопоставленный чиновник округа, назначенный самим правительством, Диркер являлся также и главным сборщиком налогов. Он удерживал десять процентов всех податей, а это была довольно немалая сумма. Вдобавок ко всему, Диркер собирал пошлину с салунов, борделей и игорных домов. Всё это вместе с прибылью от предоставления контрактов нужным компаниям на постройку дорог и мостов приносило Диркеру дополнительный доход в тридцать тысяч долларов ежегодно.

А ещё он владел постоянным двором «Святой Джеймс», что уже само по себе было очень прибыльным делом.

Но он не имел ничего общего с этим. Всем заправляла его жена Дженис. Начиная от покупки здания почти четыре года назад и заканчивая ремонтом и открытием.

Ведь сам Джексон Диркер был человеком занятым.

В последние дни большую часть времени он посвятил арестам и продаже имущества преступников, уклонявшихся от налогов, хотя подобную работу он обычно перекладывал на плечи своих помощников. Но Диркер до сих пор любил держать руку на пульсе.

Люди верили ему и надеялись на него.

А некоторые проблемы были слишком грязными, чтобы отдавать их для решения помощникам. И эти проблемы не давали Диркеру покоя. Потому что в тот момент, когда он проанализировал их в уме и соотнёс факты, вонь от получившегося месива чуть не заставила его вывернуться наизнанку.

Он попытался отодвинуть всё на задний план и обдумать без эмоций.

По мнению Диркера, Уиспер-лейк был бурлящим котлом, готовым вот-вот выкипеть. И когда это случится, выкипевшее варево ошпарит многих.

В городе существовала проблема линчевателей. Диркер не знал точно, кто они — хотя определённые подозрения у него были — но не сомневался ни на минуту, что они существуют. Некий комитет линчевателей, созданный, чтобы изводить местных мормонов.

Горожане обвиняли мормонов во всём и всегда. После всех исчезновений на холмах и зверских убийств не менее десятка человек люди боялись.

Диркер это понимал.

Но к чему обвинять во всём мормонов, если эти убийства без сомнений были делом стаи волков или диких собак? Диркер даже объявил награду за поимку животных. Но, чёрт бы всё побрал, это же шахтёрский городок! Люди приезжали и уезжали отсюда сотнями за месяц.

Истинными преступниками были линчеватели. Именно они и раздували все неприятности. Ходили слухи, что среди мормонов появились ополченцы, жаждущие мести. Мормоны начали строить своё поселение близ реки Бивер, и люди были уверены, что это верный знак того, что мормоны затеяли что-то нехорошее.

Безумие да и только!

Будучи шерифом округа, Диркер ясно понимал, что они были группой людей, которыми проще всего управлять.

Гораздо больше проблем ему доставляли не-мормоны.

Шахты породили захватчиков, иммигрантов и преступников. Перестрелки и поножовщина были привычным делом, но ни в одном из этих происшествий не участвовали мормоны. Да, они были замкнутыми, держались обособленно, но чтити и законы божьи, и законы земные — уж это-то Диркер за пять лет на посту окружного шерифа понял ясно.

Но остальные почему-то не могли этого осознать.

Может, из-за того, что люди всегда боялись того, чего не понимали. А может, из-за другого поселения мормонов — Избавления — в шести километрах от Уиспер-лейк.

Там что-то произошло. Что-то страшное. И это «что-то» вовлекло весь город.

Ходила куча безумных слухов о колдовстве и поклонении дьяволу, и даже сами мормоны сторонились этого места.

Диркер полагал, что тот городок откололся от учения Джозефа Смита, что привело к более пуританским и непривычным для других людей взглядам, но все эти слухи... Чуть!

Сам шериф не был в Избавлении уже долгие-долгие месяцы. Последний раз он посещал его, когда обеспечивал безопасность перевозки федеральных заключённых через округ Бивер. Их экипаж остановился в Избавлении, чтобы напоить лошадей. Местечко было весьма странным и обособленным от окружающего мира, но его жители вели себя вполне миролюбиво, а некоторые даже дружелюбно.

Нет, то поселение мормонов и приключившаяся с ним история были лишь ещё одним симптомом опухоли, пожиравшей сердце Уиспер-лейк.

Линчеватели.

Ополченцы из числа мормонов.

Преступники.

Иммигранты.

Безумные шахтёры.

Странные нападения животных.

Всё это накапливалось, и совсем скоро котёл должен был выкипеть. И в это пышущее жаром рагу вплёлся Тайлер Кейб, охотящийся за своим невменяемым маньяком.

Ещё одна головная боль Диркера.

Ему на хрен не нужен ещё один убийца, баламутящий население. И уж точно не нужен под боком постоянно раздражающий и напоминающий о войне Кейб.

Если так будет продолжаться — жди беды.

Хоть Диркер и был честным и справедливым человеком, но он полностью осознавал, что зашёл слишком далеко. И если Кейб будет его провоцировать, исход будет только один.

Да поможет ему Бог, если он станет помехой.

От всех этих мыслей, кипящих в мозгу, у Диркера начало колоть в висках, и он налил себе чашечку кофе. Но стоило ему поднести чашку ко рту, как запахнулась дверь, и порыв ветра снёс со стола разложенные бумаги.

На пороге стоял Пит Слейд, и с полей его ковбойской шляпы падали капли дождя.

— Захлопни чёртову дверь, — буркнул Диркер чуть резче, чем собирался.

Мужчина сделал, как было сказано.

Пит Слейд был помощником шерифа. Если Генри Уилкоккс был крупным и высоким, то Слейд, напротив, худым и долговязым с густыми, как ворс платяной щётки, усами. Под ними практически не было видно губ.

Слейд был надёжным, жёстким человеком. Он частенько в одиночку выслеживал в горах конокрадов и преступников.

Но сейчас он выглядел уставшим и испуганным.

— Шериф, — начал он, и в голосе его слышался ужас. — Шериф... У нас убийство.

Диркер непонимающе уставился на помощника. Что могло напугать его до тошноты и зеленоватого оттенка лица?

И в глубине души уже понимал, что дело будет непростым.

— Всё плохо? — спросил он.

Слейд кивнул.

— Я... Я в жизни такого не видел.

— 12-

Когда-то Рассвет был бурно развивающимся золотодобывающим городом, но за первые год-два всю руду добыли, и теперь он превратился в обычный прииск, коих в округе было много. Множество пустующих зданий и полуразваливающихся лачуг сгруппировались на холме меж двух высоких гор с залежами сланца, которые защищали городок от непогоды.

Рассвет находился всего в двух милях по прямой от Уиспер-лейк, но в действительности добираться из одного города в другой приходилось по множеству коварных тропинок, поднимавшихся на крутые холмы и спускающихся в глубокие овраги. Он был изолирован, труднодоступен и практически полностью забыт, находясь в столь отдалённом месте.

За исключением рабочих в приисках два-три раза в год город посещали старатели.

Рассвет был сочетанием магазина, борделя, офиса оценщика и салуна. Здесь был виски. Женщины. Азартные игры. А для невезучих шахтёров, которые не захотели уезжать, когда руда подошла к концу, город стал ещё и домом.

Если рвать задницу, промывая песок от рассвета до заката, то можно, в принципе, наткнуться на парочку самородков... Которых хватит лишь на то, чтобы купить бутылку виски, сыграть пару игр в карты, доползти до дома и проспаться к утру.

Большинство из местных домов напоминали хибары. Многие разломали и растащили на дрова.

Но если вы были не слишком привередливыми и не возражали против врывающегося сквозь разрушенные стены ветра и дождя, льющегося через дыры в крыше, то пристанище вы себе найти смогли бы.

Вот такой была жизнь в пришедшем в упадок шахтёрском городке.

* * *

Наступила ночь, и в Рассвете стемнело.

Красная земля, которая проглянула из-за пучков порея и гуттиеррезии, превратилась в жидкую грязь после прошедшего ливня. Казалось, везде лилась, текла и капала вода.

Джек Тёрнер, выдув бутылку виски, стоял и мочился на здание напротив магазина. Он обмочил всю правую штанину и уже пытался стряхнуть последнюю каплю дрожащими руками, когда заметил вдалеке всадников.

Несмотря на тёмную ночь и всё выпитое за вечер спиртное, Джек разглядел, что было их шесть или семь. Тихие фигуры на тихих лошадях. Ни разговоров, ни смеха, ни бормотания.

Ничего. Совсем.

Только чавканье копыт, погружавшихся в грязь. И ещё шорох одежды и приглушённый звон шпор и упряжи.

Они продвигались колонной один за одним внутрь молчаливого Рассвета.

Тёрнер стоял, покачиваясь, по-прежнему сжимая в руке член, и на одно безумное мгновение ему показалось, что глаза всех всадников светились в темноте ярким жёлтовато-

зелёным светом. Как у подошедших к пламени костра волков.

А затем он моргнул — и всё исчезло. Может, всё дело в кутерьме в его голове после выпивки? Иногда после неплохого кутежа и не такое привидится!

Всадники приближались, молчаливые, как мраморные надгробия.

Тёрнер хотел их окликнуть, но был слишком пьян.

Он ввалился в лачугу, стоящую в нескольких метрах, запер дверь на засов, чтобы такой же бедолага не завалился на уже занятую кровать, нашёл на полу свой спальник и упал. Всё, хватит на сегодня.

Только Тёрнер начал проваливаться в объятия Морфея, как всадники миновали его хижину и остановились напротив магазина. Лошади зафыркали.

На краткий миг Тёрнер словно ощутил какой-то запах... Резкий, мускусный, напомнивший ему вонь из гадюшника... Но тогда он не связал его со всадниками.

Может, это несло от его штанов?

И с этой мыслью Тёрнер отключился.

* * *

В магазинчике Хили рассказывал байку о том, какой гигантский самородок он вымыл из реки в далёком 1849-ом. Будто бы он был настолько огромен, что мужчина чуть не выбросил его обратно, пока тащил по склону вверх. Говорил, что потребовалось два мула и трое здоровяков, чтобы дотащить слиток до офиса оценщика.

— Но я это сделал, — говорил Хили. — Ещё как сделал! Благодаря ему два месяца не знал проблем с выпивкой, картами и горячими цыпочками. Может, будь я умнее, я бы положил часть в банк под проценты, но чёрт бы всё побрал, разве кто-то назовёт меня умником?!

— Аминь, — кивнул неопрятный шахтёр, отрывая оставшимися от зубов пеньками полоску вяленого мяса.

Все захохотали. Хили тоже рассмеялся. Он мог себе это позволить.

Если начистоту, из всех мужчин в помещении он был единственным, кому было из-за чего радоваться.

Он владел магазином. Он владел комнатами на втором этаже. Он собирал значительную часть выручки со своих шлюх. Выпивка принадлежала ему. Продовольствие тоже. Бочки солонины и горы ветчин.

В Рассвете всё, что имело ценность, принадлежало Хили.

Он уже давным-давно бросил горнодобывающее ремесло, справедливо рассудив, что торговлей заработает в разы больше, чем рытьём руды. И если все остальные мужчины в комнате выглядели тощими, доведёнными до отчаяния бродягами в изодранных тряпках, выдаваемых за одежду, то Хили был румяным дородным мужчиной, у которого рубашка еле сходилась на пузе. Его безмерный живот служил причиной бесчисленных насмешек, но Хили с горделивой ухмылкой отвечал всем, что не против такой платы за свой успех.

За несколькими столами местные шлюхи пытались развести своих потрёпанных клиентов на те крупинки золота, которые те вымыли сегодня на прииске. Около полудюжины человек играли в покер засаленными картами и замусоленными фишками в ярком свете светильников.

Шлюхи хохотали, мужчины пили, игроки проигрывали... Обычная, ничем не

примечательная ночь в Рассвете, и единственным, кто останется к утру в плюсе, был Хили.

Внезапно двери распахнулись, и в помещение вошли двое мужчин в серых плащах. У обоих на головах были надеты широкополые шляпы, отбрасывающие тень на лица. И только глаза их блестели, как надраенные медяки.

Все, кто был в комнате, замерли, не спуская глаз с незнакомцев.

А двое мужчин остановились на несколько секунд, окидывая взглядом сидящих. За их спинами в темноте всхрапнула лошадь. Или не лошадь...

Чужаки закрыли двери.

И медленно взглянули на каждого посетителя пустыми, мёртвыми, изголодавшимися глазами. Глазами волков, взирающих на стадо и прикидывающих, кого им съесть первым.

Странники переглянулись, кивнули друг другу и плавно, как змеи, скользнули вглубь заполненного людьми салуна.

Загрели шпоры, прошелестели полы плащей.

Мужчины не спешили, любясь сваленными в кучу кирками и лопатами, бочками с солониной и бобами, испачканными шахтёрами...

И, похоже, им понравилось то, что они увидели.

Незнакомцы ухмыльнулись, обнажив ряды острых жёлтых зубов.

Один из них был с бородой, а второй — гладко выбрит с испещрённым шрамами подбородком.

Они прислонились в барной стойке, положив на столешницу одинаковые обрезы Ремингтон. Они не произнесли ни слова, но никто не мог оторвать от них взгляд. Возможно, каждый присутствующий ощущал нечто странное, дикое, клубящееся внутри вошедших; то, что заставляло внутренности стягиваться в тугую узел.

Было в новых посетителях что-то необъяснимое. Тяжёлый, тошнотворный запах скотобойни и могильника. Такой запах исходит от диких собак, которые от голода жрут любую найденную в лесу мертвечину.

Хили с трудом сглотнул застрявший в горле комок.

— Хотите выпить, парни? — спросил он.

Бородатый мужчины глухо, лающе рассмеялся.

— Слышал, Худ? Мужчина интересуется, не хотим ли мы пить?

И снова рассмеялся.

— Ты хочешь пить, сынок?

Худ погладил покрытый шрамами подбородок.

— Думаю, да. Но я не вижу здесь своего любимого напитка. Похоже, мне придётся откупорить собственный бочонок. Ты же понимаешь, о чём я, Кук?

— Кажется, понимаю.

Шахтёр у барной стойки с висящим на поясе ремингтоном 1858 года калибра.44, не выдержал:

— И какого хрена это значит?

— Слышал, Худ? Человек хочет знать, что это значит.

Худ рассмеялся. Отрывистый металлический смех, напоминавший стук молотка по изгороди.

Нечеловеческий звук.

— Слышал, слышал. Похоже, этот парень просто не понимает, кто мы такие.

— Может, покажешь ему? — спросил Кук.

— Похоже, придётся.

Хили нервно облизал губы и незаметно опустил руку на лежащий под барной стойкой армейский карабин.

— Нам здесь проблемы не нужны, парни. Люди просто выпивают, расслабляются и играют в карты. Думаю, вам стоит поступить так же.

Худ снова ухмыльнулся, и эта улыбка могла принадлежать только закопанному в землю два месяца назад труп.

— Это угроза?

Шахтёр с сорок четвёртым калибром кивнул.

— Ты чертовски прав, парень. Будь мирным и дружелюбным... Иначе ничего хорошего можешь не ждать. Вас тут всего двое, а нас — человек двадцать, плюс-минус. Тебе стоит это учесть.

— Учту, — ответил Худ.

Кук провёл ладонью по бороде и произнёс:

— Вы должны нас простить. В нас говорит голод, и пустые желудки заставляют бурчать от злости.

Теперь настала очередь Хили смеяться, хотя его смех больше напоминал нервное хихиканье.

— Чёрт, парни, вам надо было просто сказать об этом!

— Кажется, мы так и сделали, — напомнил ему Кук.

Хили не стал обращать внимания на эту фразу.

Он ощущал на себе взгляды всех присутствующих, с интересом наблюдающих, как он собирается справиться с этими крепкими орешками.

Хили понимал, что мир в баре ещё до конца не установлен; большинство посетителей были вооружены, и в любой момент могла начаться перестрелка и драка.

Хили этого не хотел.

Любая драка светит ему лишь убытками. Восстановление повреждений требует немалых денег. Тела можно было бы и выкинуть вместе с мусором, но вот товары... Где он ещё наберёт столько продовольствия в этой грёбаной дыре в заднице у дьявола?!

— Всё, что вам надо, парни, — произнёс Хили, — это побольше мяса. И всё встанет на свои места.

Худ и Кук переглянулись и рассмеялись.

И окинули взглядом комнату, что-то прикидывая. На желтоватых, словно пергаментных лица блеснули огромные, немигающие, тёмные, как разрытые могилы, глаза.

— Мясо, — протянул Кук. — Слышал? Парень предлагает нам мясо.

— Слышал. Очень дружелюбный жест, — кивнул Худ, облизывая губы. — Потому что именно ради мяса мы сюда и пришли. Свежего мяса. Лично я люблю сырое мясо. Люблю привкус крови на языке, ясно? От этого чуть не кончаю.

Кто-то удивлённо распахнул глаза.

А кто-то прищурился.

И зашевелился. Потянулся к кобуре.

Одна шляха скривилась. Другая улыбнулась, находя двух новых посетителей интересными.

Первым не выдержал шахтёр с калибром.44:

— Чем вы, парни, занимаетесь?

Кук побарабанил пальцами по столешнице. Хили успел рассмотреть непривычно длинные пальцы, покрытые рыжими волосами, распространяющимися дальше на тыл кисти, запястье и дальше...

— Мы — Охотники за шкурами[1], - ответил Кук. — Только есть одна загвоздочка — мы охотимся не на животных. Нам нужны другие шкуры.

Возможно, или шахтёр, или Хили, или кто-то другой обязательно сказали бы что-то в ответ на эту реплику, но в этот момент раздался стук в дверь. Глухой звук, какой издаёт приклад ружья, а никак не человеческий кулак.

Стук повторился.

— Не ответишь, Хили? — поинтересовался один из игроков в покер, но по его голосу было ясно, что он не считает это хорошей идеей.

Хили глянул сперва на незнакомцев, затем на остальных посетителей. Тяжело сглотнул.

— Похоже, придётся.

— Это будет очень дружелюбным жестом, — заметил Худ. — Не хочется, чтобы стоящие снаружи вломились сюда без приглашения.

Хили крепко сжал ружьё и направился к двери. Никто не спускал с него глаз. Он остановился в паре метров от двери, словно услышал или почувствовал то, что ему чертовски не понравилось.

Хили оглянулся, ища то ли поддержки, то ли божественного указания, но ничего не получил ни намёка на помощь.

— Глянь, кто там, — произнёс кто-то деревянным голосом.

Снова сглотнув с трудом, Хили распахнул двери.

Сидящие внутри бара люди не увидели снаружи ничего, кроме мрака. Сгустившегося, клубящегося, перетекающего.

Затем какое-то движение... Размытое. Дикое. Резкое.

Хили закричал.

Но всё произошло настолько быстро, что никто не успел ничего сделать, кроме как вскочить на ноги и потянуться за оружием. А к этому моменту всё уже было кончено.

Хили исчез.

Двери с грохотом захлопнулись, и на одной из створок алело пятно крови.

Пронзительно закричал шахтёр:

— Что-то схватило его! Забрало Хили! Что-то утащило его в ночной мрак...

Его слова эхом отразились от стен и замерли в полнейшей тишине.

Никто не пошевелился. Не произнёс ни слова. Не сделал ничего. Наверно, каждый из присутствующих ждал, что что-то сделает кто-то другой.

Стадный инстинкт.

Они начнут что-то делать... Но лишь тогда, когда их кто-то возглавит. Именно так всё и происходит в напряжённых ситуациях, а эта ситуация была напряжённой некуда.

Тишина.

Поблёскивающая на грязной дощатой двери кровь.

Снаружи донёсся пробравший всех до костей вой.

Шахтёр с сорок четвёртым калибром приподнялся на стуле и замер. Волосы на затылке у него стали дыбом, а яйца в штанах сжались, казалось, до размера горошины. Он повернулся к чулкам, не выпуская пистолета.

— Вы двое! Чёрт, это же вы привели ту тварь к нам!

Пистолет в его руке ходил ходуном.

— Что это за мразь? В какую игру вы, мать вашу, играете?!

Кук усмехнулся, и сидящие поблизости заметили, что зубы его заметно удлиннились, а губы сморщились. А глаза стали огромными, безжизненными и зелёными, как изумруды.

И зрачки... Ужасно широкие зрачки...

— Никаких игр, друг мой, — ответил Худ, и казалось, его борода на глазах начала расти, покрывая лицо от подбородка до скул.

Кости его черепа начали ломаться, выпирать, растягивая кожу, нос стал меньше и начал напоминать собачий. Челюсти выдвинулись вперёд, зубы заблестели, как острые клинки.

Кто-то начал кричать.

Шахтёр отшатнулся.

— Господь милосердный, — пробормотал он.

— Не имею с ним ничего общего, — ухмыльнулся Кук. Теперь его лицо напоминало волчий череп. Зубы были длинными и острыми, а голос опустился на две-три октавы и стал напоминать рычание дикого пса. — Абсолютно ничего общего...

Худ направился к шахтёру. Его глаза стали жёлтыми, цвета болотного газа, с огромными чёрными безднами зрачков.

Шахтёр успел лишь рассмотреть длинные загнутые зубы... И тогда Худ прыгнул, и эти острые иглы впились в лицо шахтёра, срезая плоть с костей.

И салун ожил: начались стрельба, крики и вопли. Люди пытались убежать, наталкивались друг на друга, сбивали соседей на пол и топтались прямо по ним. Со второго этажа тоже донёсся звон стекла, удары, грохот. И крики. И выстрелы. И плач.

Сегодня в дверь бара постучал сам ад... И какой-то глупец решил открыть ему дверь.

Стоило нескольким шахтёром броситься к дверям, чтобы выбраться наружу, как трухлявое дерево разлетелось в щепки, и внутрь ворвались пятеро или шестеро мужчин на лошадях, чёрных, как самая безлунная ночь. На всех были широкополые шляпы и плащи, как и на Куке с Худом.

И, как и у последних, у них были волчьи морды и острые зубы.

Столбы переворачивались, карты и фишки взлетали в воздух. Кони опрокидывали людей на пол, топча, сминая и дробя кости копытами.

А всадники... Охотники за шкурами... Они ныряли со своих скакунов в воющую, пытающуюся сопротивляться человеческую массу. И раздирали тела покрытыми шерстью пальцами с длинными, ястребиными когтями.

Резня началась.

* * *

А на втором этаже шлюха по имени Крошка Милли пыталась втиснуть свои пышные тела под кровать.

Она как раз лежала под очередным шахтёром, когда дверь слетела с петель и внутрь вошёл некто, напоминавший человека... Но, господь милосердный, это был не человек! Он стащил мужчину с Милли и вытянул в коридор.

Она услышала треск, грохот и увидела шахтёра, пытавшегося поползти до лежащего в комнате пистолета. Но кто-то... или что-то... крепко держало его и утягивало прочь.

Мужчина пытался ногтями зацепиться за пол, но лишь оставил на нём глубокие борозды. Его серое лицо было заляпано кровью, и Милли за всю свою жизнь не видела на лице у человека выражения такого животного ужаса.

В одночасье оказавшись в шаге от преисподней, женщина попыталась спрятаться под кроватью. Но она была слишком крупной, так что её усилия больше походили на попытку просунуть бочку через пулевое отверстие.

Раздался оглушительный грохот, а затем Милли услышала лязг шпор на сапогах вошедшего в комнату. Она оглянулась, попыталась вытереть заливающий глаза пот.

И увидела пару армейских сапог. Падающие на них капли крови.

Что-то схватило её за лодыжку, перевернуло... И Милли уставилась на отвратительную морду демонического волка, чей обладатель, тем не менее, ходил на двух ногах, как обычный человек. Зверь обнажил острые, как иглы, зубы и издал глубокий, леденящий кровь рык.

Милли завопила, заметалась, и существо одним рывком подняло её на ноги, словно она ничего не весила. Она боролась, била, пинала, плакала, кричала, причитая:

— Господи... Боже мой... Что же это? Что это такое?

Чудовище притянуло её к себе, как пылкий соскучившийся влюблённый, и Милли почувствовала запах сырой окровавленной шерсти, а огромные желтовато-зелёные, подобные жутким жертвенным лунам, глаза зверя, казалось, втягивали её в себя, парализуя разум и тело. Существо щёлкнуло зубами, в лицо Милли полетела кровавая слюна, и голос — не звериный, но и не человеческий — произнёс:

— Это Кожное лекарство, мадам. Оно многое может сотворить с человеком...

Голос зверя превратился в рычание, и нечеловеческое создание сжало Милли, сминая, ломая кости, раздавливая внутренности и превращая их в желе. А затем зубы чудовища погрузились в шею женщины, практически отделяя голову жертвы от туловища одним укусом.

* * *

На первом этаже было совсем не лучше.

Чудовища скрежетали зубами, чавкали, отрывали конечности и вскрывали животы. Мощные челюсти с лёгкостью дробили кости и отрывали куски плоти.

Крики умирающих были почти не слышны за воем их мучителей и грохотом выстрелов.

Сам воздух, казалось, стал плотнее из-за мелких брызг крови и дымовой завесы. Везде была кровь, разломанная мебель и тела тех, кто ещё недавно был человеком, а сейчас оказался раздушенной, разорванной, пожираемой тушей. Всё вокруг напоминало жуткую, вызывающую суеверный ужас сцену из средневековых фресок с изображением преисподней.

Одна из шлюх попыталась убежать, спотыкаясь о поваленные тела, но её сбила с ног брошенная кем-то из монстров голова шахтёра.

Человека, взывающего к Иисусу и Марии, забили до смерти его собственными оторванными конечностями.

Двое Охотников за шкурами, заходясь отвратительным смехом, по очереди откусывали от кого-то из мужчин по куску плоти, пока тот не истёк кровью.

Один из шахтёров, паренёк по имени Денни Смит, полз сквозь реки крови и вывернутые тела, чуть не теряя сознание. Он из последних сил сжимал в руке кольт и видел, как оставшиеся пока в живых люди пытались отстреливаться от чудовищ, но в основном

попадали лишь друг в друга. Он видел, как разбилось стекло, внутрь полетели осколки, и несколько пар когтистых рук утащили во мрак двоих его знакомых. А несколько секунд спустя одного из них забросили обратно в салун через окно.

Мужчина был изодран, окровавлен, одежда болталась неряшливыми ключьями... Но он был жив. И кричал, моля о помощи. Но на его шею была накинута петля, а длинный конец верёвки уходил глубоко в ночь. И когда он попытался подползти к Смиту, верёвку дёрнули, и мужчина повалился на пол. Ещё один рывок — и его вновь утащило в окно.

Смит смотрел на распахнутую дверь; смотрел, как клубится за порогом чёрная и мрачная, как воды Стикса, ночь.

«Я смогу, — твердил Денни про себя. — Смогу. Смогу...»

И по-прежнему оставаясь на четвереньках, он рванул к единственному возможному выходу, бормоча под нос абсолютный бред.

На пороге он, наконец, поднялся на ноги и тут же очутился нос к носу с монстром в багровом от пропитавшей его крови плаще. Чудовище сжимало в лапе чью-то оторванную руку и задумчиво ударяло себя ею по колену.

Смит чувствовал исходящий от него мерзкий тухлый смрад и видел в отражении желтоватых, поглощающих глаз погосты и виселицы.

Волчья пасть оскалилась в усмешке.

— Спешешь куда-то, парень?

Смит закричал и выпустил в живот монстра две пули, но тот лишь зашёлся злобным издевательским смехом. Глаза засверкали от ликования, и рука зверя погрузилась в живот Смита.

Парнишка ощутил толчок...

«Всё хорошо. Да, точно, всё нормально...»

Смит опустил глаза и увидел, что живот его представляет собой зияющую рану, а внутренности свисают вниз, как блестящие пружины в сломанных часах.

Он стоял и изумлённо смотрел на них.

Но не долго.

* * *

А на втором этаже ещё был один выживший.

Три минуты назад были ещё двое. Одного разорвал Охотник за шкурами, а второй умер ещё до того, как его коснулись когти чудовища.

И вот теперь остался лишь один.

Мужчина.

Его звали Прово, и он прятался в шкафу.

Он был ещё одним неудачливым шахтёров с разваливающейся печенью и лёгкими, поражёнными привычной для рабочих рудников болезнью — силикозом[1].

Когда началась бойня... Когда чудовища начали вламываться через окна и двери... Он ждал пышечку-шлюху Абилин Сью. Сидел один в её комнате.

А потом быстро метнулся в шкаф.

Сидя в тесноте и темноте, он слышал шаги заглянувших в комнату чудовищ и звон шпор на их сапогах. Слышал, как они вышли из спальни.

И уже минут десять на втором этаже не пронеслось ни звука. Да и нижний этаж окутала

мрачная тишина.

Конец.

Прекращение военных действий.

С бешено колотящимся сердцем и сбивающимся дыханием он на сантиметр приоткрыл дверцу шкафа.

В комнате было пусто.

Прово прислушался, но не уловил ничего, кроме стучащей под порывами ветра доски на крыше и стука капель. Он медленно выскользнул из своего убежища. Казалось, сами лёгкие болели и отказывались делать вдох.

Он вышел в коридор... И шлёпнулся на задницу прямо в лужу крови.

В свете единственной масляной лампы Прово увидел... Господь милосердный...

Везде была разлита и разбрызгана кровь. На полу, на стенах, даже на потолке. Всего в метре от мужчины на полу виднелся размазанный отпечаток чьей-то ладони. По всему коридору были разбросаны тела. Или части тел. Головы, конечности, половины туловищ... Как в лавке мясника.

От солоноватого металлического запаха крови и распотрошённых тел Прово вырвало. И снова, и снова... Он плакал, кашлял, всхлипывал.

Хуже быть уже не могло. Не могло...

Нет. Могло.

Он услышал низкий, внезапный рык, и из соседней комнаты вышло чудовище. У него была звериная вытянутая морда, морда волка, с зелёными горящими глазами и острыми зубами. Но он был одет, как человек. Стоял, прислонившись к дверному косяку, как человек. И выглядел довольным и весёлым.

Да, весёлым.

Он обладал жадной крови обезумевшего животного, но мозгом и внешностью человека.

Монстр почесал когтем за заострённым ухом.

По ступенькам поднималось второе чудовище. Оно повело головой, раздуло ноздри, втягивая воздух... Находя новую добычу...

Находя Прово.

Из пасти зверя свисала слюна с прожилками крови, а глубоко посаженные глаза с вождедением смотрели на человека из-под выступающего, поросшего шерстью лба.

Прово обмочился.

И не мог выдавить из себя ни звука, чтобы умолять оставить его в живых. Мужчина с животным ужасом смотрел на этих созданий, этих демонов, прорвавшихся сквозь врата ада. От них шёл мерзкий, отвратительный запах крови и свежей плоти.

Чудовища переглянулись, кивнули друг другу, обнажая острые зубы.

По ступеням поднялся третий, отодвигая локтем первых двух. Твари зарычали друг на друга и защёлкали челюстями.

На последнем подошедшем были такие же, как и на всех, широкополая шляпа и плащ.

Рубашка была распахнута на груди, и покрытая шерстью мускулистая грудь вздымалась в такт каждому вдоху, сделанному этим существом с окровавленной пастью. В обеих когтистых руках чудовище держало по кольцу.

Именно в руках. Не в лапах.

В человеческих руках. Пусть и абсурдно длинными, узкими и когтистыми.

Чудовище сплюнуло на пол кровавую слюну. Его зубы разжались, как капкан с шипами,

и тварь булькающим, гортанным голосом произнесла:

— Если ты, маленький засранец, сможешь пройти мимо нас, мы оставим тебя в живых...

Двое других глухо, сдавленно засмеялись.

Возможно, у Прово сработал инстинкт самосохранения. А может, всё дело было в страхе. Или ещё Бог знает в чём... Но он вскочил на ноги и решил прорываться. Он двинулся на Охотников за шкурами с такой яростью, что те попятнулись.

Наверно, ему бы всё удалось. Наверно...

Если бы ноги в чём-то не запутались.

Он упал на пол, начал извиваться и барахтаться в человеческих останках, и заметил, что его ноги опутали чьи-то кишки. Они были разбросаны по всем доскам, и когда Прово в порыве безумия бросился вперёд, они, как мокрые верёвки, обвязали его ботинки.

Мужчина завопил и попытался избавиться от пут. Но они были влажными, скользкими и эластичными. И Прово лишь сильнее затягивал узлы.

Первые два чудовища почти равнодушно направились к мужчине. Они схватили Прово и, почти не напрягаясь, освободили его ноги. Одну за другой. Как дети, обрывающие мухам крылья.

Прово попытался уползти, но кровь толчками начала покидать его тело. У него перехватило дыхание, он закашлялся, и разум начал покидать его.

Третий Охотник с кольтами подошёл ближе. Схватил мужчину за волосы, запрокинул его голову и посмотрел в остекленевшие глаза, полные страха. И всунул дуло одного из револьверов в рот Прово.

— Терпеть не могу смотреть, как эти существа страдают, — хрипло произнёс он.

И снёс выстрелом полголовы Прово. Монстр продолжал жать на спусковой крючок, пока не закончились патроны в барабане, а продырявленный череп не начал дымиться от пороха.

Чудовище отбросило труп мужчины, не вынимая револьвер из его рта.

А затем все трое поспешили на первый этаж, пока их собраты не сожрали самое вкусное мясо.

* * *

В хижине через дорогу Джека Тёрнера — последнего живого человека в Рассвете — вырвал из пьяной дремоты звук царапанья, скрежет, словно кто-то снаружи проводил когтями по двери его лачуги.

Животное. Какое-то животное.

Может, волк.

Проклятье.

Наверно, голодный, раз решился заявиться в населённый город. Но сегодня он еды не получит.

Тёрнер слышал, как зверь тяжело дышит, сопит и царапает лапой, как пёс у кроличьей норы.

Тёрнер откинул в сторону спальник и вытащил кольт «Патерсон» калибра.36. Он тихо и осторожно откинул засов и резко распахнул дверь. И увидел далеко не волка. Отнюдь нет.

В небе светила не скрытая тучами луна, и было достаточно светло, чтобы Тёрнер понял,

что смотрит он на человека. На человека с мордой зверя. Кто бы или что бы это ни было, на нём было пончо из шкур, которой трепетало на ветру, как флаг. И от него исходил тошнотворный запах.

Тёрнеру показалось, что его внутренности начали плавиться, как свечной воск.

Это лицо...

Отвратительнейшее из ликов дьявола. С правой стороны он выглядел, как морда волка с густой шерстью, жёлтыми клыками и ярко-зелёными глазами... А с левой — голый, не обтянутый кожей череп чудовища; лишь связки и мышцы, да чёрные впадины глазниц. Лицо было разделено пополам идеально ровной линией, словно кто-то провёл невидимую черту через центр черепа. Пол-лица — плоть, пол-лица — кость.

Бледный язык облизал кончики острых зубов.

До Тёрнера донёслись слова — далёкие, тихие, словно за несколько миль произнесённые, отразившиеся эхом в горах и прилетевшие с ноябрьским ветром обратно:

— Добро пожаловать в ад.

Тёрнер ждал, что в него вопьются когти и клыки. Но чудовище вскинуло обрез и выстрелило в мужчину из обоих стволов в упор. Удар разнёс его грудную клетку на клочки и отбросил тело внутрь хижины.

А затем чудовище двинулось дальше.

И начало напевать.

Весело и удовлетворённо.

— 13-

В то время, как в Рассвете разверзся ад, а шериф Диркер осматривал останки Кэтрин Модин, Тайлер Кейб сидел из-за бессонницы в салуне «Винодел» и чередовал пиво с кентуккийским бурбоном.

Он пообещал себе, что такие посиделки не войдут у него в привычку. Он приехал сюда работать, выслеживать Душителя Города Грехов. Если тот и вправду притаился где-то поблизости...

Но иногда человеку нужно расслабиться.

Особенно, если этим человеком был Тайлер Кейб, которого повсюду преследовал жуткий запах смерти и пороха. А когда воспоминания становились настолько живыми, что мужчина начинал ощущать на языке привкус крови и стали, только алкоголь мог их заглушить.

Салун «Винодел» был, по сути, обычным деревянным зданием с бревенчатыми стенами и грубо сбитыми досками на полу, между которыми виднелись немалые щели. Крыша была собрана из неровных досок и обрезков древесины и сильно протекала во время дождей. На подоконниках лежал слой многолетней рудной пыли, а пыльные окна выходили на грязную дорогу. У дальней стены располагалась барная стойка из резного красного дерева, и она явно выделялась из общего вида и бросалась в глаза, как кружевная лента на диком борове.

Этот салун был похож на десятки других салунов в Уиспер-лейк: денег у владельцев хватало, чтобы держаться на плаву, но не для того, чтобы сделать ремонт или достроить здание.

Мужчины всех мастей собрались за стальными кружками и стаканами — скитальцы, бродяги, шахтёры, работники компаний, охотники, спустившиеся с гор на несколько дней

ради выпивки и секса — и обстановка в салуне была тесной.

Вонь немых тел и мокрых седел, грязной шерсти и испачканной оленьей кожи, перегара и табачного дыма.

Кейб слушал высокого худощавого парня по имени Генри Фримен, который утверждал, что он тexasский рейнджер, и даже показывал всем в доказательство свою звезду.

Одет он был в плащ и широкополую шляпу. Блестящие, новенькие и без единого пятнышка. На вытянутом отталкивающем лице выделялись мёртвые и пустые глаза.

И хоть он и утверждал, что был тexasским рейнджером, тexasского акцента слышно не было.

С другой стороны, рейнджеры ведь набирали в свои ряды людей из разных местностей. Но его речь... Она не была похожа на речь южанина или янки. Абсолютно безэмоциональная, ровная.

Кейб пил виски и тёплое пиво, не особо заботясь о вкусе, и слушал то, что говорил ему парень.

— Знаешь, что я понял, Кейб? — произнес Фримен, изучая собственное мрачное отражение в треснувшем зеркале бара. — Наш друг, Душитель Города Грехов, как его любят называть, очень умён. Это не обычный преступник. У него прекрасный интеллект. Думаю, он играет с нами в некую игру, вроде «Поймай меня, если сможешь». За его голову назначена большая сумма, и он получает от этого удовольствие.

Кейб глотнул пива.

— И почему ты считаешь, что он так чертовски умён?

Фримен ответил, не глядя в глаза собеседнику:

— Это очевидно, не так ли?

— Может, тогда будешь настолько любезен, что объяснишь свои догадки простому арканзасскому парню?

Фримен тонко улыбнулся.

— Он переходит от одного шахтерского городка к другому, как рыба... Нет, как акула в море людей! Загадочный. Таинственный. Никем непойманный. Просто еще одно лицо в толпе. Думаю, не надо тебе напоминать, что шахтерские городки не похожи на те, в которых мы с тобой привыкли работать. Люди постоянно приезжают и уезжают. Десятками. Сотнями. Как среди этого потока можно найти нужного человека?

Кейб задумался, нахмутив брови.

— Точно так же, как с поисками горной кошки, которая стащила твои запасы. Нужно затаиться и ждать. Рано или поздно этот сукин сын проявит себя. У него слишком большое самомнение, слишком много дерьма в голове. И когда он покажется, я возьму эту сволочь.

Фримен бросил на него почему-то обиженный взгляд.

— Ты всё упрощаешь, друг мой. Даже слишком.

— Вот такой я простой парень, — ответил Кейб. — Когда хочу есть — ем. Когда хочу спать — сплю. Когда хочу пить — пью. А когда вижу, как какой-то ублюдок убивает женщин, я открываю на него охоту и отрабатываю свои деньги.

Фримен утверждал, что тоже охотится за Душителем. Но в отличие от Кейба, который шел за преступником из Невады, Фримен поведал, что напал на след убийцы в Западном Техасе. Он рассказал, что Душитель начал убивать в Мексике, продолжил в Техасе, следующую остановку сделал в Калифорнии, и только потом отправился в Неваду. А оттуда, возможно, и в Уиспер-лейк...

Всё это несколько смущало Кейба.

С тех пор, как Кейб начал выслеживать преступников — а он уже переловил их несколько десятков, от угонщиков скота до грабителей банков — он взял за правило узнавать о своей цели всё, что возможно. Он выслушивал любые факты, слухи и предположения. Читал всё, что было напечатано. Разговаривал как с законниками и тюремщиками, так и с простыми жителями. Следовал за любой ниточкой.

Он верил, что нужно быть готовым ко всему.

И теперь Фримен утверждает, что Душителю начал убивать в Мексике и Техасе, прежде чем перебраться в Калифорнию.

Ни в одном из своих расследований Кейб не слышал об убийце до Сан-Франциско. Как же такое могло случиться?

Кейб достал сигарету и задумался.

И пока мысли крутились в голове, мужчина рассматривал распятую над зеркалом бара шкуру гремучей змеи.

Утром он собирался узнать у парочки законников, с которыми был знаком по Техасу, как обстоят дела на самом деле.

Воздух в салуне был грязным и прокуренным, как и сами посетители. Стены украшали натянутые шкура черного медведя, лисы и чернохвостого оленя. Между ними на стене висели головы лося, снежного барана и волка. А среди бутылок со спиртным была зажата голова арizonского ядозуба с открытой пастью.

За столом, окруженным людьми, соревновались в армрестлинге двое дюжих мужчин. Посетители так громко делали ставки, что за их криками было сложно расслышать ворчание, бормотание и кряхтение борцов.

В десяти метрах группа охотников развлекалась со шлюхой, обнимая её, целуя и перебрасывая друг другу. Она была абсолютно пьяна, и с каждым поворотом кто-то из охотников снимал с неё очередную деталь одежды. Выше пояса женщина уже оказалась голой, и худощавый охотник в беличьей шапке пытался ущипнуть её за подпрыгивающую грудь.

Пока Кейб наблюдал за этим — не слишком удивленный, но определённо развеселившийся — она, в конце концов, упала на грудь оленьих шкур.

И мужчины ей занялись.

Но никто вокруг, казалось, этого даже не замечал.

Кейб знал, что после частого времяпрепровождения в таких местах перестаешь обращать внимание на подобные вещи.

— Знаешь что, техасец? — сказал он Фримену. — Мне на минутку показалось, что ты уважаешь этого Душителя. Считаешь его ловким и выдающимся сукиным сыном, играющим в Господа Бога. А на самом деле он больной ублюдок.

Фримен откинул полу плаща, и Кейбу стали видны оба его Ремингтона сорок четвертого калибра с рукоятью из слоновой кости. Кейб на секунду задумался, не для его ли устрашения это было сделано.

Фримен отхлебнул виски.

— Я не хотел, Кейб, чтобы у тебя сложилось такое впечатление. Я лишь имел в виду, что наш парень не похож на других.

— Чёрт, да он больной!

— Этому нет никаких доказательств.

— Никаких доказательств...

Кейб ощутил, как бурбон начал согревать его изнутри.

— Эй, техасец! Во имя Иисуса, Марии и всего народа сиу! Он душил женщин, насилует их и оставляет выпотрошенными, как свиней на ярмарке в Арканзасе. И ты по-прежнему не считаешь его психом?!

— Во-первых, Кейб, перестань называть меня «техасец», — спокойно, но немного раздражённо ответил Фримен. — И во-вторых, женщины, которых он убил, были шлюхами. Я не говорю, что то, что он сделал, правильно. Я лишь намекаю, что женщин подобного рода не приходится насиловать: они и сами с готовностью всё предложат. Любому мужчине, в любое время за определённую плату. У них нет ни капли уважения к своей женственности. Они лишь товар, не так ли?

Кейб прищурился.

— Они зарабатывают тем, что дал им Бог, вот и всё. А почему нет, собственно говоря? Я не вижу в этом ничего предосудительного, пока всё происходит по доброй воле. Чёрт, разве можно сидеть на мешке с золотом и не пользоваться им?!

Фримен скорчил обиженное лицо, и Кейб понял, что разговор зашёл не туда. Возможно, техасский рейнджер был верующим и носил Иисуса в сердце. Наверно, так оно и было.

Фримен кашлянул.

— Мы же говорим с тобой не о полезной части нашего общества, Кейб. Речь о шлюхах и проститутках. О мусоре. Разве нет?

— Не знаю, как ты, техасец, а я считаю этих дам очень полезными. И не только в том смысле, о котором ты сейчас подумал... Некоторые из них чертовски неплохие люди.

— Ну, конечно!

— Ты на них за что-то в обиде, техасец?

Фримен поставил свой стакан на стол и, наконец, посмотрел на Кейба темным, пронзительным взглядом.

— Я же сказал, чтобы ты меня так больше не называл.

Кейб, порядком опьяневший, отвесил преувеличенно вежливый поклон.

— Прощу меня простить... Техасец.

Кейб заметил по всколыхнувшейся в глазах Фримена тьме, что тот собирается резко ответить, но тут внимание мужчины отвлекла пара посетителей бара.

Первый был гладко выбрит, одет в серый льняной костюм и шляпу, и кривил рот в высокомерной ухмылке. Второй, напротив, заросший, в куртке из оленьей шкуры и ковбойском сомбреро.

И этот второй пристально наблюдал за Кейбом и Фрименом.

Он вытащил охотничий нож, отковырнул щепотку табака и заложил на десну. А затем сплюнул окрашенную коричневым слюну на пол. Он обвел всех взглядом, словно интересуясь, посмеет ли кто-то сделать ему замечание. Никто не захотел рисковать.

Кейб, как и все, наблюдал за мужчиной.

Он понятия не имел, кем был мужчина, но догадывался, что его компаньоном был сэр Том Йен, легендарный стрелок.

Йен пришёл в эти места в семидесятых годах вместе с каким-то британским герцогом в составе охотничьего отряда. Герцог и его люди уехали, а Йен остался. Он приобрёл репутацию отменного стрелка, и, в зависимости от рассказчика, застрелил на своём веку от десяти до двадцати человек. Это он победил ни кого иного как Джона Уэсли Хардина,

после того как тот убил чернокожего солдата в Талсе.

Иногда служил наемником.

Насколько Кейб знал, за ним никто не охотился. Он был просто еще одним везучим стрелком, который ходил по грани закона, и который, возможно, время от времени её переступал.

Фримен повернулся к Кейбу.

— Ты знаешь, кто это, Кейб?

— Догадываюсь, это сэр Том Йен.

— Ты правильно догадываешься, — ответил Фримен. — А тот грубоватый тип рядом с ним — Вирджил Клей. Он помешанный маньяк.

Да, Кейб слышал о нём.

Он не был похож на сэра Тома, но недостаток мастерства и профессионализма мужчины с лихвой компенсировал чистой яростью.

Он был хладнокровным убийцей и никогда не стеснялся бить в спину.

Сэр Том приподнял свой стакан с ржаным виски и кивнул Кейбу с Фрименом.

— Ваше здоровье, джентльмены.

Они вежливо кивнули.

Клей залпом проглотил две порции виски, рыгнул и вытер рот. Поднялся со стула и неторопливо пошёл вперёд, ненавязчиво приоткрыв висящий на левом бедре кольт калибра.36. Проходя мимо Кейба, он сплюнул, и слюна оказалась всего в нескольких сантиметрах от ботинка Кейба.

— Слышал, вы тут говорили о шляхах? — слегка невнятно, но настойчиво произнес он.

Кейб собирался ответить, но Фримен его опередил:

— Меня зовут Фримен, я из Техаса. А это мой друг Тайлер Кейб из Арканзаса. Он охотник за головами и сейчас выслеживает Душителя Города Грехов.

По подбородку Клея стекла струйка бурой слюны.

— Что ещё за Тужитель Города Грехов, мать его?

— Душитель, — поправил Кейб, сомневаясь, что вообще строило ввязываться в разговор.

— Я так и сказал. Ты что, хочешь сказать, что я сказал что-то не так?

Фримен шагнул вперёд и встал между ними.

— Душитель Города Грехов — это парень, который убивает и потрошит проституток.

Клей кивнул.

— Я слышал о нём, — рассмеялся он. — Да ведь это шляхи... Кому какое до них дело?

Фримен ухмыльнулся.

Единомышленник.

— А вот мистер Кейб склонен с вами не согласиться. Он считает, что этого парня нужно поймать и вздернуть.

Клей оттолкнул Фримена в сторону.

— Вот как, мистер Грёбанный Охотник за Головами из Арканзаса? А если этот парень — я? Схватишь меня? Скорее сдохнешь! Может, мне нравится резать шлях, а ты и слова вякнуть не посмеешь. Или рискнёшь? Хотел бы я на это взглянуть.

Кейб медленно окинул его взглядом с ног до головы.

— Сынок, — произнёс он. — Да я за месяц видел дерьма больше, чем ты — за всю жизнь.

— Я еще не встречал человека, который так мечтает сдохнуть, — ответил ему Клей.

— Наш мистер Кейб, — вмешался Фримен, — никогда не бросает дело на полпути.

Кейб облокотился о стойку бара.

Краем уха он отметил, как в баре кричат, спорят и травят байки другие посетители. Это был привычный монотонный шум. Неутихающий.

Как впитавшаяся в их одежду вонь.

Но всё это отошло на второй план. Кейб видел лишь Вирджила Клея, ищущего драки, и Генри Фримена, натравливающего его.

Потому что только это сейчас имело значение.

Фримену не нравился Кейб. Не нравилось, как он одевался, что говорил и как называл его «техасцем» несмотря на то, что Фримен приказал так не делать... И вот он изо всех сил пытался доставить ему неприятности. Вот таким он был ублюдком.

Глаза Клея напоминали стеклянные шарики. Они не мигали, не выражали эмоций... Просто смотрели.

— Значит, ты никогда не бросаешь дел, да? Это дело чести, грёбаный ты ублюдок? Так?!

Кейб поднялся.

— Да, ты слышал верно, болван. Вытри слюни с губ и вынь дерьмо из ушей.

Клей тяжело задышал.

— А у тебя есть хребет, Кейб. Признаю.

Он кивнул и, казалось, расслабился... Но лишь для видимости.

Запугивание не сработало с арканзасским охотником за головами, и он не задрожал от одного лишь упоминания о репутации Клея.

Действительно затруднительная ситуация.

Весь вопрос в том, как поставить Кейба в ситуацию, в которой Клей безоговорочно одержит победу?

Потому что, честно говоря, во всех предыдущих стычках счёт был явно не на стороне противников Клея.

Пуля в спину.

Выстрел из укрытия.

Клей наносил удар еще до того, как у его противника появлялся шанс задуматься о защите. Неожиданность — вот что работало Клею на руку. Он предпочитал именно такой способ.

Но даже в такой битве, один на один, он не чувствовал ни капли сомнения.

Что ж, начнём со словесных оскорблений.

— Что с твоим лицом, парень? — протянул он. — Собирался прокатиться на лошади, да не удержался и брякнулся о землю?

Послышались несмелые смешки.

Кейб улыбнулся.

— Да нет... Это твоя мамаша расцарапала мне лицо, пока я её трахал.

Клея перекосило, словно в задницу ему засунули раскаленный прут. Он сделал шаг вперёд, остановился, качнулся с пятки на носок и резко обернулся.

Сэр Том улыбнулся ему, и несколько мужчин быстренько убрались подальше от барной стойки.

Клей окинул взглядом Кейба и облизнул губы. Он понимал, что намечается драка, но не мог придумать, как её начать. Точнее, как начать её так, чтобы победить.

Рука Клея потянулась к револьверу.

— Если ты наставишь на меня оружие, — произнёс Кейб, — то завтра утром твою задницу уже будут хоронить в холодной земле. Подумай об этом, дятел.

— А я уже подумал, засранец, — огрызнулся Клей, и на губах у него запузырилась пена, как у бешеной собаки. — Я подумал и решил, что должен завалить твою гребаную задницу раз и навсегда!

Он был готов в любой момент выхватить оружие, осознавая, что не существует другого пути для спасения репутации. Если он сейчас не убьёт этого ублюдка, то с завтрашнего дня любой сопляк станет бросать ему вызов. Каждый день.

— Доставай револьвер, Кейб. Я готов начать. Дожидаемся только тебя.

Кейб усмехнулся.

— Ну, конечно. Ты и вправду надеешься, что я любезно отвернусь, чтобы ты смог всадить мне пулю в спину, как проделывал это с другими? Так? Боюсь, Клей, я не доставлю тебе такого удовольствия.

Его слова сводили Клея с ума. Он трясся, дрожал и шипел.

— Возможно, ты не в курсе, кто я, мать твою, такой. Наверно, в этом всё и дело, Кейб. Поэтому я дам тебе последний шанс встать сейчас на колени и умолять пощадить твою чёртову жизнь. А если нет... Чёрт, парень, когда я с тобой закончу, ты будешь сосать мой член и называть меня папочкой.

— И не надейся, Клей. Этого никогда не случится. Я не отступаю перед мужчинами, которые ссут сидя.

Оскорбление подобного рода не могло остаться без ответа, и Кейб это прекрасно понимал. Внутренний голос шептал ему, что он снова возвращается к своим старым привычкам: напиться и ввязаться в драку. Подсознательно Кейб понимал, что, скорее всего, совершает большую ошибку, но ему и плещущемуся в нём виски было плевать.

Клей стоял перед ним, и его заметно колотило.

Кто-то попросил их продолжить разборки на улице. Посетители быстро расступились в стороны.

Фримен выглядел самодовольным. Сэр Том ухмылялся.

Кейб почувствовал, как внутри у него всё сжимается в тугой комок. В мгновение ока он изменился и начал напоминать хищника, готового к прыжку.

Клей выругался:

— А, чёрт тебя дери...

Он повернулся к Кейбу спиной, прошел два-три метра, а затем резко развернулся, выхватив кольт калибра.36. Он выстрелил как раз в тот момент, когда Кейб плавным, отточенным движением взвёл курок своего револьвера.

Пуля прошла мимо Кейба, попав в бутылки на барной стойке.

Клей продолжал стрелять, и Кейб бросился в сторону, упал на пол и сделал единственный выстрел. Пуля пробила дыру в груди Клея, встретила с ребром, поменяла свою траекторию и, прошив на своём пути внутренние органы, вышла под левой подмышкой. Клей издал странный клокочущий звук и упал на пол. Из его рта полилась кровь. Он дернулся в последний раз и замер. Кровь, пузырившаяся на его губах, была очень темной.

— Сдох, — произнёс кто-то. — Этот сукин сын сдох!

Чьи-то руки попытались поднять Кейба с пола, но он стряхнул их, недоумевая, как и каждый раз в подобные мгновения, каким же образом ему снова удалось выжить. Кто-то хлопал его по спине, кто-то восхищался метким выстрелом, а кто-то поражался, какими крепкими должны быть его яйца, чтобы связаться с самим Вирджилом Клеем.

Другие называли его убийцей и что-то шептали про отца Клея, упоминая его скверный характер.

Кейб понял, что еле стоит на ногах. С ним всегда было так.

Он всегда вступал в бой смело и уверенно, а когда всё заканчивалось, ощущал лишь слабость и шум в голове. Кейбу казалось, что из его ног вытащили все кости и набили мокрой соломой.

Сэр Том пнул тело Клея носком ботинка. Большой палец правой руки будто случайно опустился на поясной ремень рядом с револьвером.

«О, Боже, — подумал Кейб, — вот оно... Я и сэр Том... Надеюсь, меня похоронят под прекрасным деревом, которое укроет меня в тени своими ветвями...»

Сэр Том улыбнулся. Выражение лица его было спокойным и приятным.

— Прекрасный выстрел, мистер Кейб. Снимаю шляпу.

И похоже, он говорил это искренне.

Безумие.

Будто Клей не был ему другом. Будто он был бродячей собакой, которая бегала за ним. А бродячих собак иногда затапывают лошади...

Жизнь продолжается.

Кейб собирался что-то ответить, но вдруг заметил, как через всю толпу к нему направляется Генри Уилкокс, заместитель шерифа Диркера. Все заговорили одновременно, а Уилкокс слушал, прекрасно понимая, что Вирджил Клей — кусок мусора, и когда-нибудь это должно было случиться. Он сказал Кейбу, что всё пройдёт как самооборона, но есть такое понятие как «надлежащая правовая процедура». И пока коронер не даст свое заключение, Кейба должны содержать под стражей.

— Отдай мне своё оружие, — кивнул Уилкокс, — и пойдём.

Кейб сделал шаг назад... Но знал, что выбора у него нет. Поэтому он вздохнул и протянул револьвер заместителю шерифа.

— Верните только его потом, — попросил он. — Этот револьвер у меня ещё со времён войны, и я сам переделал патронник...

— Ты получишь его обратно, — пообещал Уилкокс. — Идём.

— В тюрьму?

Уилкокс кивнул.

Кейб пошёл за ним, но в дверях не выдержал:

— Скажи мне одну вещь... Диркер ещё хранит тот кнут?

— 14-

Итак, через две камеры от Орвилла дю Чена сидел взаперти Тайлер Кейб.

Ему выдали армейское одеяло, ведро для справления нужды, кувшин с водой и попросили по возможности не пачкать укрытый соломой пол.

Кейб сказал, что постарается.

Уилкокс заметил на прощание, что ему искренне жаль сажать Кейба за решётку, но

шериф установил особые правила в отношении подобных случаев. Если человек застрелил кого-то или зарезал, его лишали свободы до тех пор, пока всё точно не выясняли. Никаких исключений.

Вот так Кейб стал заключенным.

Он не злился, прекрасно понимая, что сам виноват: не надо было заедаться с этим чертовым ублюдком Клеем. Ну, по крайней мере, он оказался за решеткой, а не в морге...

Это уже хорошо.

Его камера была достаточно большой для раскладушки и небольшого кусочка пола, по которому можно было пошагать. От другой камеры его отделяли лишь прутья решетки.

Он решил походить по камере, но голова гудела, как улей, от дешёвого виски и от всего пережитого.

Затем он сел, массируя виски.

Кейб вспомнил ферму в округе Йел у подножья горного хребта Уошито. Он не мог назвать это место «домом»; просто кусок земли с растущей кукурузой, бегаящими за забором цыплятами и хрюкающими свиньями. Старик Кейба взял её в аренду у богатого ублюдка Коннелли из Литл-Рок, который владел практически всем и каждым в округе. Но отдавать приходилось чуть ли не больше половины урожая. Оплата аренды была настолько высока, что отец Кейба еле-еле сводил концы с концами даже если дела на ферме шли хорошо, а случалось это нечасто.

Тайлер потерял двух сестер при вспышке дифтерии.

У отца однажды случился сердечный приступ в поле.

А его мать перенесла инсульт и умерла, пока Тайлер сражался в войне между Штатами.

Земля и жадность Коннелли уничтожили его родню. Во время войны янки сожгли и разграбили всё имущество Коннелли. И это был единственный раз, когда Тайлер Кейб радовался за Север.

Но сейчас Кейб вспоминал о той ферме... Видел, как наяву, своего старика, сидящего на пне; грязного, измученного, всего в поту от попыток выжать хоть что-то из этой неплодородной земли.

— Тайлер, — говорил он, — ты мой единственный сын. Может, ты и не самый умный из всех, но черт меня подери, самый решительный! Уверен, ты со всем справишься. По крайней мере, я на это надеюсь. Но чтобы ты не делал... Не позволяй другому человеку командовать тобой.

И Тайлер Кейб никогда не позволял. И не позволит. Даже если у него не будет денег, у него останется чувство собственного достоинства.

Уилкоккс позволил ему оставить табак, лист папиросной бумаги и спички, поэтому Кейб скрутил себе сигаретку и сел в углу.

«Чёрт, а старому Безумцу Джеку это пришлось бы по душе», — подумал он.

«За решеткой, да, Кейб? Убил человека? Похоже, ты так и остался вспыльчивым южанином, я прав? К этому всё и шло, мальчик мой. Не дал Господь ума пьяному задире».

Черт.

Сверху на Кейба капала вода. Всего пару капель в минуту, но к утру он явно промокнет насквозь. Промокнет и замёрзнет. А разве он этого не заслужил?

— Кровать не прикручена к полу, — произнёс голос из соседней камеры. — Сдвинь её к стене, а то к утру одеяло закорееет.

Кейб зажёл спичку и поднёс её к прутьям решётки слева.

Там он увидел старого индейца, сидящего на кровати, скрестив ноги. На нём было шерстяное пончо, а из-под шляпы выглядывали длинные седые волосы. Его глаза казались чёрными точками на изможденном лице, испещрённого морщинами больше, чем неубранное покрывало на кровати.

— Просто совет, — заметил индеец. — Я неплохо умею давать советы, но вот сам следовать им ещё не научился.

Кейб усмехнулся, несмотря на давящую головную боль.

— Меня зовут Тайлер Кейб... А тебя?

В слабом свете камеры Кейб видел, что старик по-прежнему смотрит в одну точку, будто видит то, что недоступно обычному человеческому глазу.

— Ты хочешь знать моё индейское имя или вариант для белых?

— Индейское будет лучше.

Старик поправил шляпу.

— Нет, ты не сможешь его произнести, да и я, если честно, не могу его вспомнить. На языке белокожих оно означает «тот, кто ждёт». Что-то вроде того, если мне не изменяет память.

— И чего же ты ждёшь?

— Я точно не знаю. Наверно, я буду сидеть и ждать, пока оно само меня не найдет.

— Просто ждать? — удивился Кейб.

Индеец пожал плечами.

— Конечно. Я всегда чего-то жду. Когда я ещё был свободными индейцем, я ждал, когда правительство Штатов заберёт мои земли. Когда это произошло, мне оставалось только ждать в резервации свой ежедневный паёк из говядины, кукурузы и хлеба. Он был невелик, но я исправно его ждал. Теперь я жду здесь, в Уиспер-лейк. И если я слишком долго жду в одном месте... Обязательно найдётся белоглазый, который захочет меня вышвырнуть. Но такова жизнь индейца: если ждать достаточно долго, что-то непременно произойдёт.

Кейб не знал, что и думать. Казалось, старик одновременно и шутил, и был чертовски серьезен. Но Кейб знал одного индейца чероки ещё в молодости и понимал, что они не похожи на белых и не вписываются в их рамки.

— И каково же твоё белое имя?

— Чарльз Седобровый, — ответил он. — Седобровый — это тоже немного индейское. Означает человека с седыми бровями.

— Правда? Никогда бы не подумал.

— Старайся каждый день узнавать что-то новое, Тайлер Кейб.

Кейб снова потер виски.

«Господи, до чего же жутко болит голова!»

Чем старше он становился, тем сильнее было похмелье. И разговоры с Седобровым нисколько не помогали. У Кейба создавалось впечатление, что его оскорбляют и поддерживают одновременно.

— Держи, — произнёс индеец. — Это поможет твоей голове.

Кейб протянул руку, и в ладонь ему лёг маленький кожаный мешочек. Пальцы индейца были шершавыми, как необработанная шкура.

— Что это?

— Магическая смесь индейцев, — ответил Седобровый. — Хотя некоторые белые называют это порошком от головной боли.

Кейб запил щепотку порошка водой, умылся. И передал мешочек обратно через решетку.
— Почему тебя арестовали, Тайлер Кейб?

Кейб хмыкнул.

— Потому что я дурак. Остановился в «Виноделе», чтобы выпить и отдохнуть. А следующее, что помню, это то, что я убил человека. Застрелил. Мне сказали, что его звали Вирджил Клей. Чёрт, ну хоть ещё на одного мудака в мире стало меньше.

— Вирджил Клей? — Седобровый прищёлкнул языком. — Плохи дела, плохи. И если индеец говорит, что дела плохи, значит, ты вот-вот вляпаешься в кучу дерьма.

— Точно?

— Ага.

Седобровый поведал Кейбу, что Клеи были злобным семейством с востока Западной Вирджинии. Что-то произошло с ними во время Гражданской войны, и у них осталось лишь два пути: покинуть свои любимые горы либо предстать перед судом. Насколько Седобровый помнил, это семейство промышляло убийствами и конокрадством, поэтому их преследовала большая часть населения округа. Так они оказались на территории Юты, привлеченные гористой местностью.

Сегодня их род потихоньку вымирал. Насколько знал Седобровый, поблизости жили лишь пару человек, и они очень не любили незнакомцев. Не один охотник и горняк убедились в этом на собственной шкуре.

Кейб спросил про Вирджила.

— Мудак, — ответил индеец. — Как ты и сказал. Кусок мусора в выгребной яме под названием Уиспер-лейк. Он считал себя самым метким стрелком после Дикого Билла[1]. Хотя назвать его «стрелком» язык не поворачивался. — Чёрт, — сплюнул индеец, — да назвать его человеком тоже язык не поворачивается!

Вирджил был любителем лёгкой наживы, членом сумасшедшего рода, который возвращал своих детей на насилии, ненависти и нетерпимости. Если нужно было подобрать к Вирджилилу подходящий эпитет, «убийца» подходил как нельзя кстати. Или «проньера». Или «подлец».

Седобровый ещё раз подчеркнул, что Вирджил Клей был злобным и подлым убийцей с моралью и честью падальщика-аллигатора.

— Вот такой он человек. И знаешь что, Тайлер Кейб? Винить нужно не только его, но и его мать, которая дала жизнь такому отродью, и отца, который вырастил из него подобную мразь.

Кейб слушал, но, в конце концов, не выдержал. Он спросил Седобрового, не точил ли тот зуб на старину Вирджила Клея.

Старик вздохнул.

— Точил ли я зуб? — переспросил он. — Я индеец, Тайлер Кейб. Мы точим только ножи и томагавки, разве ты не знал?

Седобровый снова вздохнул.

— Однажды, около года назад, я и мой свояк Роберт Солнечная Птица — самый добрый, самый весёлый человек, которого я когда-либо встречал, да простит он меня за женитьбу на моей языкастой гадюке-сестрице! — шли по дороге из Фриско...

Они везли с собой повозку с брёвнами для пристроек в резервации. Они заплатили за них серьёзные деньги.

Мимо проезжали повозки с рудой, и никто не обращал внимания на двух индейцев, пока

не появился одинокий всадник.

Вирджил Клей.

Вначале он показался вполне приятным: остановился около повозки Седобрового и спросил о погоде, утверждая, что только индейцы умеют точно предсказывать погоду. Солнечная Птица кивнул, соглашаясь с этим утверждением, поднял лицо к небу и пообещал, что всю следующую неделю сохранится сухая погода.

Клей поблагодарил индейцев и попросил спичку, чтобы поджечь сигару.

— Да, он казался тогда приятным человеком, — вздохнул Седобровый. — И только эти глаза... Крохотные, близко посаженные бусинки, в которых плескалось безумие...

Скорпион в человеческом облики.

Клей поджёт сигару, затянулся, выхватил пистолет и застрелил Роберта. И прежде чем Седобровый успел стереть с лица брызги крови своего свояка, Клей сдёрнул его с повозки и бил рукоятью пистолета до тех пор, пока лицо индейца не отекло настолько, что он не мог открыть глаза.

— Так что ты прав, Тайлер Кейб... Наверно, мне стоит не забывать точить томагавк. Наверно, в глубине души я по-прежнему не даю ему затупиться.

Седобровый рассказал всё, что знал о Вирджиле Клее.

Ходили слухи, что он негласно властвовал над всеми индейскими территориями, продавал виски, убивал и грабил как краснокожих, так и белых везде — от Арканзаса до Канады.

Однажды его отдали под суд в Форт-Смит за что-то, связанное с кражей скота и подделкой клейм... Но оправдали и отпустили.

В Уиспер-лейк он крепко держался за сэра Тома Йена с тех пор, как последний появился в городе около месяца тому назад.

— Полагаю, остальное семейство не лучше? — хмыкнул Кейб.

— Хуже, — ответил Седобровый. — Намного хуже.

По словам индейца, единственным человеком, посмевающим перечить семье Клеев и оставшимся после этого в живых, был Джексон Диркер.

Шериф сразу же ясно дал понять Клеем: пока они соблюдают закон, он не вышвырнет их из города, но стоит кому-то из их вшивого семейства плюнуть на тротуар, и Диркер отправит отряд в их горное поселение и выжжет всё к чертям собачьим.

Да, осталось Клеев немного, но и один старик Элайджа Клей — отец Вирджила — стоил десятка. Он был вылитый сынок, но более крупный, более злой и более грубый. Возможно, он даже считал, что запекание младенцев на вертеле на лужайке перед домом — обычное времяпрепровождение для воскресного вечера.

— Всё настолько хреново, да?

— Да, тёмная сторона его велика, — кивнул старик. — И когда индейцы так говорят, это значит...

— Да, я знаю.

Кейб решил, что ничего хорошего в этом нет. Даже если он выберется из этой передраги, семейство Клеев в покое его не оставит.

Придётся постоянно оглядываться.

Наверно, Диркер найдёт это забавным: один безумный южанин охотится на другого.

— Но знаешь, Тайлер Кейб, я — индеец, и иногда мы переходим черту. У меня хорошее воображение, и я умею читать. Веришь? Мне нравится читать их повести и романы, и я верю

всему, что там написано. Все эти рассказы о том, как краснокожие нападают на поезда, похищают женщин и детей... Это позор на весь наш род. Я уверен, что белые бы так никогда не поступили. Не убивали и не жгли селения. Хорошо, что белые пришли на эти территории и разобрались с нами, краснокожими дьявольскими язычниками. Я действительно благодарен им за это.

Кейб проигнорировал это замечание и закурил новую сигарету.

— Если завтра или послезавтра ты увидишь, что за мной едет это ублюдок Элайджа Клей, предупреди меня, — попросил он.

— Предупрежу... Если буду трезв.

Кейб спросил, за что индеец угодил за решётку.

Седобровый некоторое время молчал.

— Точно не скажу. Я был тогда пьян. Но полагаю, я что-то вытворил. Может, снял скальп с какого-то невинного, богобоязненного белого, а может, помочился на кого-то. Что-то вроде того. Меня часто ловили за подобными занятиями, и иногда — одновременно за тем и за другим.

Индеец запнулся. Наконец, он прищёлкнул языком и вздохнул.

— В общем, что бы я ни сделал, это должно быть чем-то плохим, ведь так? Никто же не бросает в камеру только за то, что ты индеец?

— Нет, белые так не сделали бы. Мы слишком уважаем ваш народ.

Старик хлопнул себя по колену.

— Ты прав. Но на минуту... я испугался, мальчик.

— Ты не похож на человека, которого можно легко испугать, старик.

Седобровый вздохнул и разразился тирадой о том, что он простой дикарь, а мир белых так сложен и так быстро меняется... И это его пугает.

Всё, чего индеец хотел от жизни, это небольшой вигвам и костёр, вокруг которого можно танцевать нагишом.

И бизонью шкуру.

И жевательный табак.

И женщину... или даже двух.

Несколько лошадей и стадо.

И свой участок земли у реки.

И нарядное платье, раз уж Кейб спросил...

— Ладно, я понял, — хмыкнул Тайлер.

— Да, похоже, я переборщил. Это всё из-за моего пристрастия к огненной воде. От неё мысли в голове путаются, и я не могу мыслить чётко.

Разговор перешел на то, что Кейб делал в Уиспер-лейк, и он рассказал старику всё, что мог.

Индеец согласился с мнением Диркера о том, что Душитель Города Грехов в конце концов нашёл своё пристанище.

Кейб пересказал все слухи, которые поведал ему в «Оазисе» бармен Карни: про линчевателей, про нападения животных и растущее напряжение.

— В окрестностях есть две мормонские деревни, Тайлер Кейб, — сказал Седобровый, теперь уже совершенно серьезно. — Одна из них — Искупление — некогда была шахтёрским городком. Мормоны установили там свои порядки. Многие здесь, в Уиспер-лейк, обвиняют жителей Искупления. Но они ошибаются. Искупление — обычный городок.

— А что насчёт Избавления?

— Это другое дело, — ответил индеец. — Я устал. Может быть, в другой раз я расскажу тебе об этом месте, но не сегодня. Если буду...

— Трезв?

— Ага.

— 15-

Кейбу удалось поспать два-три часа, прежде чем он проснулся от звона ключей, проворачивающихся в замке камеры.

Дверь распахнулась, и в проёме появилась высокая фигура.

Голова Кейба раскалывалась с похмелья, глаза слипались, во рту будто насыпали песка, и мужчина не был вообще уверен, проснулся он или нет.

Но он точно знал, что перед ним стоит Джексон Диркер.

— Мне жаль прерывать твой сладкий сон, Кейб, — произнёс шериф. — Бог свидетель, отдых тебе необходим. Но тебе придётся пойти со мной. Нам нужно поговорить.

Собравшись с силами, Кейб попытался принять вертикальное положение. Голова закружилась, а к горлу подступила тошнота.

— Чёрт, — простонал Кейб. — Чувствую себя куском дерьма.

В соседней камере индеец храпел громче, чем пила, вгрызающаяся в дерево.

Один знакомый рассказывал Кейбу, что индейцы тихие и за ночь даже ни разу не всхрапнут. Похоже, он не был знаком с Седобровым.

Кейб плеснул в лицо пару пригоршней воды, отхлебнул из кувшина и помочился в ведро. Пару капель упало на сапог.

Постанывая и морщась, он поплёлся за шерифом в кабинет.

Диркер подал ему чашку горячего кофе.

— Выпей, — кивнул он. — Ты мне нужен бодрым и свежим... Насколько это, конечно, возможно.

Кейб залпом опустошил чашку. На вкус кофе напоминал помои, но горячий напиток сделал своё дело — стало легче.

Диркер налил Кейбу вторую чашку и прислонился к стене. Вид у него был неважный. Наверно, спал он последний раз ещё до пришествия господнего.

Кейб отставил чашку в сторону.

— Послушай меня, Безумец Джек, шериф или как тебя тут ещё называют... Это была самооборона. Прежде чем ты начнёшь кричать, что я хожу по городу и расстреливаю всех направо и налево, заявлю: этот парень... грёбанный Вирджил Клей... Он напал на меня и выстрелил первым. Я всадил в него пулю, потому что у меня не было выбора.

Диркер лишь кивнул.

— Знаю. Мне рассказали все подробности.

— Значит, ты меня ни в чём не обвиняешь?

— Не обвиняю, — подтвердил Диркер. — Пока. Но выслушай меня и услышь. Я не позволю тебе в будущем ходить по моему городу и стрелять в прохожих, потому что у тебя «не было выбора». Если так пойдёт, жители станут спотыкаться о трупы на тротуарах, и им это не понравится.

— Ничего не поделаешь, — хмыкнул Кейб.

— Ещё как поделаешь, — ответил Диркер.

Он тоже не любил Вирджила Клея и его проклятое семейство. Они были мудаками, и все это знали. С Клеем точно расправились бы в ближайшее время — если не Кейб, то кто-то другой. Но Диркер очень ясно дал понять, что большинство свидетелей утверждали, будто Кейб был в стельку пьян и оскорблял Вирджила. Будто Кейб мог не задевать Клея, развернуться и уйти. И никто бы не пострадал.

— О, ещё как пострадал бы, Диркер, — покачал головой Кейб. — Пострадала бы моя репутация. Весь город потом рассказывал бы, какой я трус.

Диркер облизал губы.

— Люди, о которых ты говоришь, Кейб, не кучка зажиточных и зажавшихся дворян. Любой из них перережет тебе глотку за десять долларов. Ты не должен ничего доказывать этим отбросам.

Кейб знал, что шериф был прав, но не собирался признаваться в этом.

Он допил кофе.

— Теперь я могу идти?

— Нет.

Диркер отпер шкаф, достал оттуда револьвер, нож и патронташ и вернул Кейбу.

— Прогуляешься со мной. Я хочу тебе кое-что показать.

— Не хочу ни на что смотреть, если это не мягкая кровать с одеялом.

— Думаю, захочешь.

— Почему же?

Диркер тяжело сглотнул.

— Потому что твой парень в городе. И он, наконец, нанёс удар.

— 16-

Кейб понимал, что у него похмелье, он устал и почти не спал. Поэтому ему не стоило смотреть на это. Не нужно видеть изрезанные, исполосованные останки шляхи по имени Миззи Модин во всем их омерзительном великолепии.

Он остановился в дверном проёме. Комок подступил к горлу, и во рту проявился горький привкус желчи.

Кейб сжал челюсти.

Диркер подошёл и стал рядом с ним.

— Ну что? Есть сомнения, что это дело рук твоего парня?

Кейб не ответил. Не мог ответить. Не мог разжать челюсти. Да и голос ему больше не повиновался. Он не мог оторвать взгляда от...

Господи, на этот раз всё ещё хуже.

Гораздо хуже.

— Прощу меня простить, — наконец выдавил он и вышел на холодный воздух.

За последние годы Кейб видел множество смертей. Кучу крови и плоти, изуродованной самым ужасным образом. Он давно пришел к выводу, что человеческое существо — возможно, самое прекрасное творение Бога — было также самым отвратительным, если его вскрыть и посмотреть, что заставляет организм работать.

Кейбу давно уже не становилось плохо при виде мёртвецов, но сегодня... Чёрт, сейчас его чуть не рвало.

Желчь в горле отдавала дешёвым виски, дешёвым пивом и кое-чем похуже.

Он попытался скрутить сигарету, но пальцы не слушались. Или просто не хватало освещения от крошечного фонаря у изголовья кровати Миззи Модин?

Диркер помог ему закурить.

Шериф сам скрутил сигарету, всунул её между губами Кейба, поднёс спичку и прикрыл ладонью от ветра, пока Кейб затягивался.

— Говорят, первый взгляд — самый тяжёлый, — произнёс Диркер. — Но знаешь... Я смотрю на это уже несколько часов, и легче не становится.

Кейб кивнул и затянулся.

«Всё, — подумал он, — хватит. Да, сегодня был тяжёлый день, ты уложил человека, но возьми уже себя в руки! Ты должен всё тщательно изучить в той комнате».

А тщательно — значит, не быстро.

«Диркер хочет знать, действительно ли это Душител. Я единственный, кто может ответить. Но могу ли?..»

И всё же Кейб знал, что сумеет.

Так или иначе.

Цепляясь за сигарету, как за спасительный якорь, Кейб вспомнил, как впервые бросился по следу Душителя Города Грехов.

Юрика, штат Невада. Четвёртая жертва.

Осеола, штат Флорида. Пятая.

И Пинош. Шестая.

* * *

В Пиноше Кейб впервые столкнулся с «работой» Душителя.

Шериф того города, Сайрус Лонг, был крепким орешком, всегда и везде носящим на бедре обрез двустволки.

Приклад был покрыт металлическими пластинами, сильно помятыми от ударов о головы преступников и тех, кто просто выводил Лонга из себя.

Ходили слухи, что во время войны Лонг был канзасским наёмником, одержимым охотой на повстанцев-конфедератов в Миссури и сдиранием с них заживо кожи.

Он был жестоким, злобным типом, и даже Кейба передёргивало от взгляда его глаз, в которых плескалось обещание мучительной смерти.

Кейб расспрашивал о жертве, и, в конце концов, Лонг сам повёл его осмотреть тело.

«Слушай меня сюда, южанин. Я окажу тебе услугу один-единственный раз. Вы, охотники за головами, приходите в мой город, пытаетесь наводить свои порядки, не считаетесь со мной... И ни одному из вас ни разу не хватило порядочности сказать, что это за мудака пробрался в мой город и для чего. Но у тебя хватило, южанин. Поэтому я окажу тебе услугу. Только вот сомневаюсь, что ты будешь по-прежнему мне благодарен, когда мы войдём в ту комнату...»

И ещё одно, южанин — да, мне плевать, как тебя на самом деле зовут, южанин! — послушай меня и закрой свой рот хоть на две минуты, или, видит Бог, я сделаю это за тебя. Я уже сыт по горло вашими южными задницами, так что заткнись. Мне хватило встреч с вами и во время войны...

Так, дальше... Я не против, чтобы ты и твои собратья, охотники за головами, приходили в мой город. Но все вы должны отчитываться передо мной, какого хрена вам тут надо. Мне плевать, за кем вы охотитесь: за волками, за индейцами или за белыми... Я просто должен быть в курсе».

В общем, этот Лонг был просто душкой. В него нельзя было не влюбиться.

Он никогда не менялся.

Он был таким же злобным, раздражительным и нетерпимым, как и во время войны.

Он повёл Кейба наверх, в комнату в конце коридора. Белая простыня была наброшена на лежащее на кровати тело. На белой ткани проступили крупные алые пятна.

Лонг сдёрнул её с тела, и она отлетела с липким звуком, как сорванная с доски липкая лента.

Лонг вытащил нож и начал:

«Видишь, южанин? Видишь, как её вскрыли от грудины до промежности? Это знак Душителя Города Грехов. Поверь мне, я видел и других. В Осеоле... Разрезана вдоль, видишь?»

Лонг вёл лезвием ножа вдоль разреза, словно указкой. Как чёртов учитель анатомии.

«Смотри, этот сумасшедший ублюдок воткнул ей нож прямо в район матки и потянул к горлу. Затем сделал надрез по ширине под грудью — и снова к пупку. Развернул её, как грёбанный рождественский подарок. Видишь? Внутри тела нет органов, потому что этот мудака вытащил их все и разбросал вокруг, как серпантин на день рождения. Но одного органа не хватает. Сердца. Ага. Он всегда забирает его с собой. Один светило-врач из Сан-Франциско осмотрел тело и сказал, что умерла она приблизительно в то же время, когда её душили. Ну, тут ему виднее, но знаешь что... Видишь эти фиолетовые синяки на шее? Да-да, вот эти! Они от пальцев. Видишь? Вот большой, а вот указательный...

В общем, южанин, она умерла от удушения, а уже потом её вскрыли, как свинью. Я могу это смело утверждать на основании того, что вижу. Нет, не отворачивайся, южанин. Это самая важная часть. Белки глаз налились кровью, а лицо приобрело синюшный оттенок. Специалисты говорят, то это от кислородного голодания. Её задушили, южанин.

Итак, тот, кого ты ищешь — безумный, мерзкий сукин сын, который любит трахать иллюх, душить их и потрошить.

И открою тебе, южанин, ещё один секрет... Он трахает их после того, как убьёт. Поэтому когда ты найдёшь этого мерзавца, у него должна быть коллекция вырезанных сердец, длинный нож и... Куда ты, мальчик мой?»

Но с Кейба было достаточно.

Только упырь мог спокойно находиться в той комнате.

С Сайрусом Лонгом что-то определённо было не так. Слишком отстранённый. Слишком по-медицински точный.

Казалось, он наслаждался своей лекцией.

Больной сукин сын.

* * *

— Теперь ты готов? — услышал Кейб голос Диркера.

Кейб затушил сигарету.

— А ты?

— Нет. И вряд ли буду.

Они вернулись в комнату; Кейб шел впереди. Стали в ногах кровати.

Воздух был пропитан запахом выпотрошенных кишок, свежей крови и сырого мяса. Тошнотворный запах, медленно втягивающийся внутрь обоих мужчин и заставляющий их еле сдерживать рвотные позывы.

Кейб осмотрел всё, кроме того, на что должен был смотреть.

Он оглядел бархатные гобелены, дубовый шифоньер, красные свечи. Он предположил, что все вещи специально были подобраны алого и багрового цвета, чтобы возбуждать у посетителей страсть.

Но то, что лежало на кровати, возбуждало совсем другое.

Как и шляха в Пиноше, Миззи Модин была выпотрошена. Только на этот раз всё было куда хуже.

Все её внутренности были вырезаны и расположены рядом с телом в какой-то непонятной последовательности. Они свисали с изголовья кровати и обвивали голову нимбом.

Глаза были вырезаны и замещены монетами.

Грудь срезана и уложена аккуратно на прикроватную тумбочку рядом с глазными яблоками и половыми органами.

— Да, это он, — кивнул Кейб. — Я собственными глазами видел такое же в Пиноше. Только сейчас всё ещё поганее.

Диркер лишь кивнул.

— Ясно. Идём.

Они вместе вышли на улицу; постояли, подставив лицо ветру.

В воздухе висел легкий туман, но даже если бы шёл дождь, он не смог бы смыть пропитавшую их вонь.

Вонь, которая, казалось, уже въелась кожу.

— Можешь идти, Кейб, — произнёс Диркер. — Отдохни. Тут ты больше ничем помочь не сможешь.

Кейб посмотрел на него, хотел что-то сказать, но только покачал головой и направился вниз по грязным, сырým улицам.

— 17-

Едва он переступил порог постоялого двора «Святой Джеймс», как встретил Дженис Диркер.

— Боже мой, мистер Тайлер Кейб! Да от вас разит, как от винодельни самого Сатаны. Для человека, который приехал в Уиспер-Лейк «не для того, чтобы отрываться», вы определённо слишком тесно познакомились с нашими тавернами.

Кейб остановился.

— Да... Выдалась тяжёлая ночка.

— Простите мне мои слова, мистер Кейб, но выглядите вы ужасно.

— Прощаю, мадам.

Ему очень хотелось лечь в постель и проспать весь день, но она настояла, чтобы он

присоединился к ней за завтраком.

Наверно, отказать было бы невежливо.

Поэтому он последовал за ней в столовую, думая, что у старины Безумца Джека случится сердечный приступ, если он войдёт и увидит, что с его женой завтракает не кто иной, как Тайлер Кейб.

Возможно, вчера это доставило бы Кейбу удовольствие, но после того, что он пережил сегодня днём и ночью, у него просто не было сил испытывать враждебность к Диркеру. Вся злоба исчезла.

Повар принес яичницу, блинчики, кленовый сироп и кофе.

Кейб смотрел на еду под аккомпанемент собственного голодного желудка, но перед глазами у него по-прежнему стояла выпотрошенная Миззи Модин.

Он взял вилку и положил ее обратно.

— Прошу вас, мистер Кейб, ешьте, — произнесла Дженис Диркер. — Остальные постояльцы еще не встали. Обычно я завтракаю одна, но сегодня я благодарна вам за компанию. Помню дни, когда мой муж завтракал со мной. Но сейчас он слишком занят.

— Думаю, мне нужно поспать, мадам, — сказал Кейб.

— Конечно, нужно. Но прошу вас посидеть со мной ещё пару минут.

Она отрезала кусок блина и начала деликатно жевать.

Кейб заметил, что ей дали прекрасное воспитание. Женщины, которых он встречал в Йеле, сгребли бы блины с тарелок быстрее, чем он успел бы моргнуть.

— Откуда вы родом, мистер Кейб? — спросила Дженис.

— Арканзас, округ Йел. А вы?

— Джорджия. У отца там была плантация.

На мгновение на глаза женщины навернулись слёзы, но она умело спрятала их. Воспитание.

— Отца больше нет... Ничего больше нет.

Она рассказала о своей жизни в Джорджии; о жизни, о которой Кейб мог только мечтать.

Привилегии.

Прекрасные школы.

Благородное воспитание.

Всё это значительно отличалось от Юга, который знал Кейб. Жёсткого и беспощадного Юга.

Она была леди. Янки разрушили все владения её семьи, и всё же она вышла замуж за одного из них. Женская душа — загадка. Женская душа — потёмки. Но Кейб знал, что после войны такие пары стали встречаться всё чаще.

— Вы были на войне, мистер Кейб?

— Да, мадам.

— Но вы не любите об этом говорить?

— Не люблю, мадам.

Казалось, она понимала.

— Мой муж тоже был на войне. И тоже не любит о ней вспоминать.

— Это было ужасное время, мадам. Для всех противоборствующих сторон.

Она заговорщически улыбнулась.

— Но для нас, южан, всё же хуже, согласны?

Кейб кивнул.

— Согласен. Для тех янки, кто остался дома... Возможно, у них всё было неплохо. Но у тех, кто отправился на войну? Нет, не скажу, что они отлично проводили время. Ни у одного человека, прошедшего через тот ад, не могут остаться приятные воспоминания о войне. Да, без сомнений, янки были вооружены лучше, чем мы. И тем не менее, они умирали и истекали кровью, как и остальные.

Дженис призналась, что ее муж был янки.

— Я встретила его через пару лет после войны. Такой высокий, такой уверенный в себе... А как красиво он выглядел верхом на коне! Джексон ухаживал за мной и завоевал меня. И я этого не стыжусь.

— Вы и не должны стыдиться. Север, Юг... после войны это уже не имеет значения. Важно то, что вы — женщина, а он — мужчина.

— Я благодарна вам за понимание, — кивнула Дженис. — Многие южане по-другому относятся к нашей паре.

И тем не менее, многие девушки выходили замуж за солдат-янки. Дженис не могла точно сказать, что же их привлекало... Может, то, что они были победителями?

Наверно, всё дело во власти и силе.

Облечённые властью всегда привлекательны.

А может, всё дело в желании поскорее убраться с Юга; выбраться из той разрухи, в которую он превратился после войны. Сбежать от своих демонов, от меланхолии, от воспоминаний о старом, довоенном Юге, который уже никогда не станет прежним.

— Я знала многих лихих мужчин, которые ушли на войну, мистер Кейб. Но вернулись они сломленными и разбитыми людьми. Глаза их были пусты, лишь горечь и гнев ещё плескались на дне. Злость на янки, на себя, на своих командиров, на политиков, которые поставили их в такое положение и не оставили выбора. Многие из них по возвращении только и делали, что пили и затевали драки. Некоторые сошли с ума, не веря, что война закончилась. Тяжело наблюдать за этим день за днём. Я должна была сбежать от этого, мистер Кейб.

Кейб понимал.

Он ничего не знал о её прежней жизни. Привилегии и деньги были ему чужды. Когда он ушёл на войну, у него за душой ничего не было. И когда вернулся — по-прежнему ничего не было.

Он уехал из Арканзаса как можно скорее, отчаянно желая быть кем угодно, только не тем, кем был его отец — собственностью богача.

Он не смог бы стать фермером.

Поэтому он отправился на запад вместе со всеми в поисках того, что до сего момента так и не нашёл.

Кейб кашлянул.

— Ваш муж... Он хороший человек?

— Да. Думаю, да, — ответила Дженис. — Он всегда старается изо всех сил; всегда пытается поступать правильно. Иногда он терпит неудачу, как и все мы, но никогда не опускает руки. С его работой... Скажем так: когда всё идёт гладко, его не ценят; а когда всё выходит из-под контроля, считают, что в этом виноват лишь он один.

Кейб слушал, но не был уверен, что осознавал услышанное.

Он не мог мыслить здраво после последних событий. Чёрт, он даже не был уверен,

какой сегодня день!

Он продолжал видеть выпотрошенную проститутку, Вирджила Клея, старого индейца в тюрьме, Генри Фримена, Джексона Диркера — череда лиц и событий, которые путались в голове и сливались в одно.

Кейб отхлебнул кофе но не почувствовал его вкус.

«Похоже, все, кроме меня, считают Диркера хорошим человеком. Может, я ошибаюсь? Может, я его совершенно не знаю? Может, он изменился? Значит, и мне следует...»

— Вы знаете моего мужа? — спросила Дженис.

— Шерифа? Да, мы встречались? — кивнул Кейб.

— И вы хорошо его знаете?

Кейб сглотнул.

— Нет, мадам. Полагаю, я его совершенно не знаю.

— 18-

На следующее утро Генри Уилкокс выпустил из камеры Чарльза Седобрового.

— Держись подальше от выпивки, старик, и избежишь неприятностей.

— Мне слишком нравится эта огненная вода белых, — вздохнул индеец. — Я не могу избегать её, как облако не может избежать неба.

Уилкокс лишь покачал головой.

— Ступай, Чарли.

На пороге Седобровый остановился.

— А что я вообще сделал?

Уилкокс вздохнул.

— Ты не помнишь? Правда, не помнишь? Или решил надо мной подшутить? Да, похоже, ты не врешь... Ну, скажем так, Чарли: если следующий раз ты захочешь в туалет, не стоит делать это на чьём-то крыльце. Людям это не нравится.

Индеец почесал голову.

— Я — лишь невежественный дикарь. Что я могу знать о ваших правилах?

— Всё, убирайся отсюда!

Несмотря на хмурое выражение лица, в душе Седобровый хохотал, как ребёнок, написавший на заборе дурные слова. Может, белые и не считали его весёлым, но сам он здорово веселился за их счёт.

Индеец вышел на улицу. Воздух был холодным, хотя и светило солнце.

Второй помощник шерифа, Пит Слейд, привязал коня к изгороди и кивнул Седобровому:

— Холодный денёк, да, Чарли?

Седобровый пожал плечами.

— Я индеец... Я не ощущаю холода.

Слейд только покачал головой и вошёл в здание.

Седобровый плотнее запахнул пальто и поёжился.

Он уже собирался двинуться вдоль по улице, как дверь за его спиной отворилась, и наружу вышел ещё один человек. Он споткнулся о дощатый тротуар и чуть не упал, но удержал равновесие. Худой, долговязый мужчина, чьё лицо было одним сплошным синяком,

а овчинный тулуп пах так, словно его только что сняли с овцы.

Он почесал спутанную, неопрятную бороду.

— Забрали моё оружие, — пробормотал он. Казалось, он разговаривает с кем-то третьим, а не с Седобровым. — Кольт калибра.44, да... Скольких сучёньшей я поубивал с его помощью на войне, знаешь? А теперь они говорят, что я не смогу его забрать, пока... Пока... Чёрт, что они там говорили? Не помнишь?

Седобровый ответил, что забыл.

Он знал этого мужчину. Орвилл дю Чен.

Сбренивший белый, который считал, что он всё ещё на войне. Он говорил, как сумасшедший, и люди переходили на другую сторону улицы, когда видели его впереди. Он был не только встревожен, но и опасен, если его задеть.

Однажды парочка шахтёров решила повеселиться и поиздеваться над дю Ченом, так он изрезал их ножом для разделки шкур вдоль и поперёк.

От него стоило держаться подальше, как от бешеной собаки.

Седобровый никогда раньше не находился так близко к этому безумцу и всегда видел его только с дальнего расстояния.

И сейчас... сейчас его что-то начало беспокоить. Он не мог сказать, что именно. Не запах, идущий от мужчины, и не тревога, которую будило его присутствие. Нечто более глубокое. Нечто особенное.

Орв затрясся, и его глаза, казалось, расфокусировались.

— Да, папочка, я всё помню, папочка. Дедушка сказал мне спуститься в долину сегодня ночью, да, сегодня ночью. Эти корешки... Они появляются только в полночь, как он сказал. Да, папочка. Я выкопал их и принёс дедушке; а дедушка их сварил, и бородавки исчезли. Как в тот раз, помнишь, папа? У старика Вилли была опухоль? Дедушка... Он призывал их по именам... Тех, кого преподобный Эрвин называл плохими, плохими, плохими! Тех, кто заставляет небеса содрогаться, а мёртвых переворачиваться в могилах. Тех самых, папа? Да... А потом... Потом дедушка произносит слова и погружает руки во внутренности выпотрошенной свиньи. Он выкладывает их на опухоль Вилли, и она... эта старая опухоль... она исчезает, папочка. Да... Дедушка говорил, что у меня тоже есть дар... Но мне он не нравится, папочка. Он пугает меня...

Седобровый слушал, но отказывался это слышать.

Он попятился от свихнувшегося мужчины, на которого снизошло видение.

— Да, ничего хорошего из этого города не выйдет, — продолжал Орв. — Ни из этого... Ни из любого другого, которого коснулась его рука...

— Чья рука?

Орв захохотал.

— Древняя рука... Древняя рука из гор...

Индеец прикоснулся к плечу мужчины и попытался его успокоить:

— Всё хорошо, всё хорошо...

Но он прекрасно понимал, что произнесённые Орвиллом дю Ченом слова — не простой бред сумасшедшего. Это его дар. И он глубоко внутри.

Орв закашлялся и пришёл в себя.

— Я... Я говорил о том, чего нет, да? Я снова продолжаю это делать?

Грязная рука легла на плечо Седобрового и сжала его.

— Я говорю с ними; никто больше не видит и не слышит их голоса. Они рассказывают

мне, что случится и с кем. Рассказывают тайны других людей, их потаённые секреты. То, что я не должен знать.

— И долго тебя это мучает? — спросил индеец.

— Сколько себя помню. Я говорил Джесси и Рою, что они погибнут, погибнут, погибнут! Они мне не поверили; но янки убили их, как я и говорил! Как и говорил...

Седобровый понимал, что это значит.

Естественно, дю Чен сошёл с ума. Сошёл с ума от того, что сидит внутри него.

Белые просто покачали бы головой и сказали, что он тронулся на войне. Но всё было гораздо серьёзнее. Гораздо глубиннее.

У Орвилла дю Чена был дар. Он был «видящим».

Особая способность. Та, о которой говорил его дедушка. Иногда она передавалась по наследству. У шамана племени тоже была такая способность... Способность предвидеть грядущие события и видеть духов.

Да, этот белый был пророком. Необученным, спонтанным — но пророком.

Орв поднял руку, показывая на что-то, чего Седобровый не мог видеть, начал что-то бормотать и трясти головой.

— Скажи своему папочке, что не нужно брать ремень. Ты же не виноват, что тот пони сбежал... Ты не виноват...

Индеец вздрогнул.

Пони.

Седобровый помнил его.

Давным-давно забыл, но теперь вспомнил.

Этот пони убежал в горы, и отец очень злился.

Белый выдержал эти воспоминания из его головы.

Орв вышел на проезжую часть, замер на полдороги и чуть не угодил под повозку. Успел отшатнуться, потерял равновесие и упал на коновязь.

— Индеец... послушай меня... Ты... Ты скажи ему, скажи, что плохой человек близко... Плохой человек скоро убьёт прекрасную леди, которая не является шлюхой!

— Да, я скажу ему, я...

Но Орв не ждал ответа. Он бросился вдоль улицы, сжимая виски ладонями, словно пытаясь избавиться от голосов в голове. И люди сваливали с его пути, как костяшки домино, потому что все в Уиспер-лейк знали, что Орвилл дю Чен безумен.

Все, кроме старого индейца племени юта.

— 19-

Каждый встретил новый день по-разному.

В отеле «Юнион» сэр Том Йен пристегнул патронташ и вытащил из кобуры кольт Бисли калибра.44.

Мысли его кружили вокруг события, свидетелем которому он стал вчера вечером в салуне «Винодел». Он был впечатлён, что Тайлер Кейб, будучи совершенно пьяным, смог пережить переделку с Вирджилом Клеем.

То, что Клей не попал с такого близкого расстояния, было чистой воды удачей... Но никакая удача не помогла бы Кейбу выстрелить и попасть так метко в противника, уворачиваясь от выстрела.

Сэр Том не любил Вирджила Клея.

Он смирился с тем, что этот человек ходил за ним по пятам, как бродячая собака, и забавлялся его невежеством.

Его смерть ничего не значила для сэра Тома.

Его ждала работа в Седоне, штат Аризона — диком городке, которому требовался первоклассный стрелок с хорошей репутацией.

Но он не торопился.

Ведь теперь Тайлеру Кейбу придётся иметь дело с такими, как Элайджа Клей...

* * *

А недалеко от Уиспер-лейк в заброшенном, защищённом от ветров овраге, окружённом можжевельником и соснами, Элайджа Клей заряжал ружья и точил ножи.

До него уже дошли слухи об убийстве Вирджила — и нет никаких сомнений, что для Элайджи это было именно убийством, а не самообороной.

Жуя вяленое мясо, Элайджа задумчиво провёл лезвием охотничьего ножа по точильному камню, напряжённо размышляя об арканзасском охотнике за головами по имени Тайлер Кейб.

Элайджа принадлежал к горному народу. И в Западной Вирджинии он относился к их клану.

А этот клан неукоснительно следовал определённому кодексу.

Несправедливость должна быть наказана.

Когда убивали кого-то из семьи, кровные родственники должны отомстить.

Око за око.

То, что Кейб был южанином, для Элайджи не значило ровным счётом ничего. Он не принимал ничьих сторон в войне, зная, что одно правительство продажнее другого.

Он жил, как хотел, и думал, что хотел. Как и все жители гор.

А когда дело доходило до мести, они действовали не раздумывая.

Мысли Элайджи переметнулись на другого щёголя-стрелка из Техаса, который застрелил его брата Арвина. Этот трусливый сукин сын сдыхал почти восемь часов, в то время как Элайджа резал его на куски...

* * *

В «Похоронном бюро братьев Каллистеров» Калеб Каллистер смотрел с отвращением на стол.

Его новый бальзамировщик, Лео Мосс, хоть и был страстным профессионалом, слишком болезненно реагировал на всякие ужасы, как и Хайрам, брат Калеба.

После ночи азартных игр и секса Калеба разбудил Мосс. Он попросил спуститься с ним в похоронное бюро.

«Вы должны это увидеть», — сказал Мосс.

На столе лежал какой-то мёртвый бродяга, доставленный вчера из переулка. Тощий, измождённый, он весил не более сорока килограммов.

Мосс до рассвета копался в его внутренностях и теперь гордо демонстрировал Калебу награду за труд.

Ленточный червь. Мосс поместил его в двадцатилитровую бутылку со спиртом. Лентец плавал в жидкости, как какая-то причудливая змея. Паразитический плоский червь, разрезанный на куски.

«Почти десять метров, — похвастался Мосс. — Разве не чудо?»

Калебу пришлось согласно кивнуть.

В мире полно странных сюрпризов.

* * *

На постоялом дворе «Святой Джеймс» в своей комнате от кошмара, который даже не мог вспомнить, проснулся Джексон Диркер.

Он лежал на кровати, глядя в потолок, и думал о войне.

Диркер служил в 59-м Иллинойском пехотном полку. Впервые он ощутил, что такое война, возле Пи Ридж.

Он вспомнил, как наткнулся на Тайлера Кейба и его шайку южан. Вспомнил, как они обыскивали груды тел убитых солдат.

Господи... Те парни были оскальпированы. Выпотрошены. Плоть была срезана с костей, так что их не узнала бы даже родная мать.

Солдаты Диркера хотели прикончить южан на месте, но Диркер назначил другое наказание.

Он помнил ощущение кнута в ладони, свист воздуха и въедающуюся в тело плеть. Глядя на тех убитых и изуродованных парней, он потерял контроль над собой. Потерял всякое чувство приличия.

То, что он сделал, было неправильным.

Сейчас он это понимал... Как и понимал то, что Кейб и его люди не оскверняли те тела.

Но «знать» и «признавать» — две разные вещи.

Ибо гордость — дама суровая.

* * *

Тайлеру Кейбу, как и Диркеру, снилась война.

Мимо в тумане проплывали лица павших товарищей. Он видел кровь и смерть, брёл от одного поля битвы к другому, пробирался через груды тел солдат Конфедерации и Союза и пытался сбежать, сбежать...

Мимо проходил Диркер, качал головой и спрашивал, как он мог позволить своим людям изуродовать те тела.

«Нет, нет, нет, мы этого не делали! Я бы никогда этого не позволил! Никогда...»

И Кейб просыпался, тяжело дыша. Невидящим взором смотрел в потолок и ощущал запах пороха, грязи и крови.

А затем всё исчезало, и он вновь закрывал глаза.

* * *

В захудалом гостиничном номере на кровати, скрестив ноги, сидел человек, который называл себя Генри Фрименом и утверждал, что он — техасский рейнджер.

На одеяле перед ним лежал нож Грин-Ривер с пятнадцатисантиметровым лезвием острее бритвы.

Когда-то ножи Грин-Ривер были популярны среди трапперов[1] и жителей гор.

Лучшее оружие для охоты, битвы и разделки туш.

Также его очень любили охотники на буйволов; подобным орудием они могли снять шкуру с животного в рекордное время.

И, как прекрасно знал Генри Фримен, у ножей могло быть и другое применение... Такое как потрошение женщин и вырезание их сердец.

Один из таких трофеев как раз лежал перед ним, бережно завернутый в оленью шкуру.

Фримен раскачивался вперед-назад и прислушивался к голосам в своей голове.

«Ты всё делаешь правильно. Шлюхи должны быть очищены, — нащёптывали они ему. — Но есть и другие... Такие, как южанка, управляющая постоянным двором «Святой Джеймс»...»

* * *

В «Искуплении» мормоны метались, как муравьи, приводя в порядок старый шахтерский город.

Отовсюду доносился стук молотков, визжание пилы, грохот колёс повозок, перевозящих брёвна с одного конца городка в другой.

Старые лачуги и дома были разобраны до фундамента, а иногда и вовсе снесены и перестроены с нуля.

На улице подмораживало, но это не сказалось на энтузиазме и настроении жителей, вновь отстраивающих заброшенное поселение.

Везде кипела работа.

Пот, тяжёлый труд и ноющие мышцы.

Ибо «Искупление» должно быть восстановлено, душой и телом... Такова воля Божья.

И оно должно быть укреплено, ведь в одну из грядущих тёмных ночей линчеватели вновь отправятся вершить свою месть.

* * *

А в мормонском поселении «Избавление», которое, по слухам, целиком отдалось дьяволу, царила мёртвая тишина кладбищ и виселиц.

Она висела в воздухе, как ядовитая пелена.

Полуразрушенные хибарки и высокие покосившиеся дома жались друг к другу, как могильные надгробья, мечтая лишь о скорейшем наступлении темноты.

С гор дул северный ветер, пронизывал улицы насквозь и сковывал лужи ледяной коркой.

Потрепанные временем вывески скрипели над запертыми дверями и пустыми дощатыми тротуарами.

Солнечный свет, казалось, избегал этой тесной и пустынной деревни, и тени — где-то серые, а где-то чёрные — укрывали, как паутина, узкие переулки и укромные тупики.

Время от времени из какого-нибудь сырого подвала доносился стон или скрежет, а из-за закрытого ставнями чердачного окна — жуткое детское хихиканье.

И больше ничего.

Ибо то, что жило в «Избавлении», жило в тайне.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЖЕЙМС ЛИ КОББ:

БУДОРАЖАЮЩАЯ И ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

— 1-

Джеймс Ли Кобб родился в репрессированной общине Новой Англии под названием Проктон на юго-востоке Коннектикута.

Жёсткий, запрещающий практически всё мир пуританских догм и религиозного рвения вдали от территории Юта.

Расположенный в отдалённой лесистой долине, он стал местом, где лунный свет был мрачен, а тени длинные; местом, где изоляция и нездоровая неприязнь к чужакам привели к изуверствам, инцестам и помешательствам.

В первую очередь, Проктон и его окрестности были сельскохозяйственными и фермерскими землями. И так было с тех пор, как англичане впервые вырубili здесь леса и вырвали клочок земли из рук пекотов[1].

Жители Проктона были невежественными и безграмотными людьми даже по меркам начала девятнадцатого века.

Они дрожали у костров, когда холодный октябрьский ветер продувал насквозь жилища, а мёртвые ветви деревьев царапали в ночи по крышам.

Они сжимали в руках потрепанные Библии и молитвенники, умоляя о божественной защите от затерявшихся душ, призраков, приведений и многочисленных языческих кошмаров.

Во всём они видели приметы и предзнаменования.

Они до сих пор гадали на чайных листья и рассматривали плаценту новорождённого ребёнка в поисках пророчества.

Для того чтобы урожай был богаче, жители из года в год приносили в жертву ягнёнка.

Но всё это делалось, конечно же, в тайне, ибо церковь неодобрительно относилась к подобным действиям.

На ночь двери тщательно запирали на засовы, окна надёжно закрывали ставнями, а скот закрывали в амбарах.

Над дверями прибивали подковы, чтобы отпугивать демонов; посыпали солью колыбели и пороги, чтобы не подпускать ведьм.

Ни один здравомыслящий человек не отваживался выйти в поле в полночь, где покрытые инеем тыквы были окутаны клубами тумана, а призрачные фигуры танцевали на тёмных полянах.

Прячась по ветхим лачугам, построенным ещё в семнадцатом веке, жители Проктона развешивали вербену и зверобой, бормотали «Отче наш» и молились распятому Иисусу.

Ибо зло не дремлет.

И на этот раз они были правы.

Джеймс Ли Кобб должен был вот-вот появиться на свет.

— 2-

Проктон.

Всё началось с пропажи детей. За шесть недель исчезли пятеро. Они пропадали в полях, на лесных тропах, на дальних пастбищах... которые всегда были вне поля зрения.

Улик было мало — упавшая корзинка с яблоками здесь, клочок одежды там.

Главный шериф Болтон провёл, по его мнению, тщательное и исчерпывающее расследование, но ничего не нашёл. Если, конечно, не считать сказок о ведьмах и перешёптываний о тёмных силах...

И Болтон, будучи человеком практичным во всех отношениях, не считал подобные слухи заслуживающими внимания.

* * *

В течение следующих трёх недель ничего не происходило; а затем, в первую неделю октября, в одну и ту же мрачную ночь из колыбели похитили сразу трёх младенцев.

Болтон произвёл ряд арестов — больше для того, чтобы успокоить разбушевавшихся жителей и развеять дикие подозрения, ведь все они позже были отпущены из-за отсутствия доказательств.

Как бы то ни было, к октябрю число похищенных детей достигло восьми.

Почти никто уже не верил предположениям о том, что это дело рук индейцев или банды разбойников.

С кафедр трех церквей Проктона священники со страстью убеждали жителей, что происходящее в деревне — не просто человеческое зло, а серьёзное свидетельство дьявольского вмешательства.

Несмотря на возражения шерифа Болтона и судьи Кори, духовенство раздуло пламя общественного негодования.

Они говорили о ведьмовстве. И требовали решительных действий.

Поэтому по обвинению в колдовстве и убийствах была арестована Элизабет Хаген.

* * *

Элизабет Хаген.

Все называли её не иначе как «вдова Хаген», и большинство даже не знало её имени.

Когда кто-то в окрестностях Проктона говорил о «вдове», ни у кого не возникало сомнений, о ком идёт речь. Ходили слухи, что вдова Хаген прожила в этой местности по меньшей мере шестьдесят лет — а то и восемьдесят, если послушать сплетни!

Она пережила не менее четырёх мужей и за все эти годы ни капли не постарела.

Это была не тощая, сторбленная ведьма, а полная и крепкая женщина с седыми волосами и удивительно гладким лицом без единой морщинки.

Это, конечно, вызывало подозрения... Но жители Проктона открыто признавали, что она «может быть полезной».

И она была полезна. Несмотря на пуританский богобоязненный образ жизни в Проктоне, на дворе стояли тяжёлые и неопределённые времена.

А вдова Хаген хорошо разбиралась в травах и лечении болезней. Она вылечивала и поднимала на ноги даже смертельно больных.

И хотя деревенские проповедники осуждали её со своих кафедр на протяжении многих лет, многие из них сами были её клиентами, когда страдали от недугов — от артрита до запора, от болезней сердца до кожных заболеваний.

Она считалась «видящей» и могла рассказать о вашем прошлом или предсказать будущее, исследуя внутренности животных, кости или расплавленный воск.

Она была способна практически на всё... за определённую плату.

Она редко принимала деньги, чаще — скот, зерно, овощи и подобные вещи.

И горожане никогда не задерживались с оплатой, ведь ходили слухи, что вдова Хаген может с лёгкостью навлечь проклятие на вас и весь ваш род. И не раз это делала...

В общем, её и уважали, и боялись, но никто не считал её злобной ведьмой.

Ее можно было найти копающей корни и клубни в полях, перебирающей кладбищенскую землю и бормочущей молитвы при полной луне.

У неё была хижина на краю болота, куда можно было попасть по единственной извилистой тропе, прорезавшей жуткий лес, где, по слухам, гнулись деревья и шелестела высокая трава даже в полнейшее затишье.

Хижина была тусклой, задымленной, освещённой лишь очагом и лампой с китовым жиром.

Пол был устлан шкурами, усеян костями и перьями, а стены были увешаны корзинками с сушёными насекомыми.

Полки были заставлены пыльными кувшинами и ретортами, флягами и перегонными кубами.

Там же стояли закупоренные сосуды с ужасными жидкостями и бутылочки с неизвестными порошками.

И банки, в которых были заспиртованы мёртвые существа, неродившиеся младенцы и вещи, которых вообще не должно существовать в мире божьем.

В тиши леса вдова Хаген изучала древние богохульные книги, развлекалась с черепами убийц и самоубийц, Рукой славы[1] и экзотическими лекарственными растениями.

Люди приходили к ней за лекарствами и предсказаниями, за благословением для детей и за молитвами об урожае.

Она никогда не была частью общества жителей Проктона, но, несомненно, обладала существенной властью.

А затем всё изменилось.

Новые священнослужители сменили старых. Они не были терпимы к языческим верованиям, несмотря на обещания. Эти молодые выскочки не только нападали на Хаген с кафедр церквей, но и собирали городские собрания, на которых решительно запрещали всякое общение со старой ведьмой. Недвусмысленно намекая, что иметь дело с вдовой Хаген — значит, спутаться с самим Сатаной.

Священники подпитывали пуританские взгляды жителей Проктона и их мировоззрения, обращая их раз и навсегда против той, кого считали врагом христианства — вдовы Хаген и её непривычных методов.

Из года в год всё меньше жителей приходили к вдове за её мудростью и опытом.

Больше никаких чар и талисманов, любовных снадобий и лекарств.

Ее лачуги сторонились, как огня, а сама она подверглась остракизму до такой степени, что не могла даже купить товары в деревне.

За месяц до исчезновения первого ребенка группа мужчин пыталась сжечь её хижину.

Когда это не удалось — дерево отказалось загораться — её публично побили камнями на рыночной площади.

Подняв руки к небу, окровавленная и сломленная вдова Хаген произнесла достаточно громко, чтобы все услышали:

— Да падёт проклятие на вас... На всех вас!

А потом начали пропадать дети. Деревенский скот пал от внезапного мора. Странные бури обрушились на сельскую местность. Посевы засыхали на полях практически за одну ночь. И не менее четырёх деревенских женщин родили мёртвых младенцев.

И поэтому, когда в довершение ко всему начали пропадать дети, жители видели только одну виновницу — Элизабет Хаген.

Ведьму.

* * *

Она была арестована шерифом Болтоном и несколькими его помощниками и помещена в проктонскую тюрьму: мрачное место без окон, кишашее насекомыми, с грязной соломой вместо матраца; место, в котором заключённые были вынуждены жить в собственных нечистотах; место, где обвиняемых кормили раз в два дня.

Голые стены были испещрены выцарапанными молитвами к Господу.

А позже началось так называемое расследование.

Шериф Болтон был полностью согласен с судьёй Кори и с учёными членами городского совета, что все обвинения в ведьмовстве — это суеверная чепуха.

И тогда в хижине вдовы Хаген провели обыск.

Ещё от порога люди почувствовали мерзкий, тошнотворный запах испорченного мяса.

И ни один мужчина из тех, кто вошёл туда тем туманным, холодным октябрьским днём, никогда не забудет увиденного в хижине.

Вдоль стен стояли грязные холщовые мешки с костями — детскими костями; все они до сих пор были покрыты кровью, а кое-где оставались куски мышц и сухожилий.

Вскоре обнаружили и черепа, похороненные в земляном полу. И обезглавленные тела младенцев. На всех них были видны следы ритуальных ран и порезов.

А у очага в грязном чёрном котле колыхалось какое-то густое и отвратительное варево из человеческих останков.

Но в погребке внизу было найдено самое ужасное и неопишное — нечто, плавающее в бочке с человеческой кровью и внутренностями.

Шериф Болтон позже описал его как *«нечто вроде зародыша... шипящую, хныкающую плоть... одутловатое человеческое подобие с бóльшим количеством конечностей, чем оно имело право обладать»*.

Его застрелили и привезли в город завернутым в брезент.

Деревенский врач, доктор Левин, обладавший научными знаниями, микроскопом и некоторым другим оборудованием, препарировал существо и изучил под многократным увеличением. Предположения Болтона оказались верными, поскольку исследование доктора Левина подтвердило, что это существо лишь внешне напоминало человеческий зародыш.

В остальном же его анатомия была примитивной и рудиментарной, полностью противоположной анатомии нормального человеческого ребенка: создание оказалось бескостным, с *«эластичной, губчатой субстанцией внутри»*.

От трупы исходил отвратительный рыбный запах. Создание было сожжено, а пепел захоронен на неосвящённой земле.

Поговаривали, что вдова Хаген громко кричала в своей камере, когда это богомерзкое существо предали огню.

Найденных улик было более чем достаточно, чтобы судья Кори начала судебный процесс, как и во многих других делах по обвинению ведьм.

Сначала Элизабет Хаген была обследована доктором Левиным.

Несмотря на то, что он обладал научным мышлением, ему не потребовалось много времени, чтобы дать суду именно то, чего он хотел — физических доказательств того, что вдова Хаген действительно была ведьмой.

На пять сантиметров ниже её левой подмышки был обнаружен дополнительный сосок, так называемый «ведьмин сосок», свидетельство договора с дьяволом.

Через этот сосок ведьма предположительно кормила своих прислужников — бесов и духов.

Никто не был потрясен больше, чем Левин.

Он заявил в суде, что дополнительные соски пусть и редко, но встречаются в медицинской практике, однако его заявление никто не принял в расчёт.

Казалось, и сам доктор Левин не очень в это верит.

И ничто из сказанного врачом не могло смягчить того, что последовало дальше: Элизабет Хаген пытали, чтобы добиться признания. Точнее, как это красиво тогда называли, «подвергли допросу».

За последующую неделю она подверглась страппадо[1], пытке вилкой еретика[1] и стулом ведьмы[1].

Её жгли раскалёнными углями, резали, били, подвешивали за ноги и за большие пальцы.

Нужное признание появилось спустя несколько дней — слишком быстро по мнению палачей. Но они своего добились.

Утром в день суда Элизабет Хаген вытащили из камеры со связанными запястьями и привязали к фургону. Волы тащили её по улицам, тюремщик хлестал женщину кнутом всю дорогу к зданию суда. Местные выстроились в очередь, чтобы забросать её гнилыми фруктами и камнями. Затем вдову Хаген на животе потащили вверх по ступеням к судье Кори и её помощникам — судье Боуэну и судье Хею.

Она была окровавлена и избита, мешковатое платье висело клочками, спина была изодрана кнутом, лицо рассечено до крови, на голове после пыток не хватало целых прядей волос.

В дополнение ко всему, на голове у Элизабет Хаген была закреплена «маска позора[1]». В зале суда тюремщик снял её, грубо сорвав с лица.

Она просила воды, но ей отказали.

Она просила еды, но её просьбу игнорировали.

Она просила пощады, но собравшаяся толпа лишь смеялась.

А затем начался допрос.

Суд уже собрал длинный список доказательств, и не все из них были найдены в хижине вдовы. Теперь, когда вдовой Хаген занялись власти, жители города свободно рассказывали о «творимых ей ужасах».

Молодая женщина по имени Клэр Доган призналась, что вдова Хаген пыталась втянуть её в «культ колдовства», обещая богатство и власть.

Доган утверждала, что видела, как Хаген замешивал «летучую мазь», которую наносила на древко метлы, после чего летала над крышами домов и над пастбищами, громко хохоча и распугивая скот.

Фермер по имени Уильям Констант заявил, что обращался к вдове Хаген с просьбой поколдовать над своим соседом в надежде, что потом ему достанутся его владения и земли. Он сказал, что видел, как она завязала несколько узлов на веревке, известной как «ведьмина лестница», и вскоре после этого его сосед заболел и скончался.

Другой фермер, Чарльз Гуд, сказал, что он, «будучи околдован старой ведьмой», попросил убить его сварливую жену. Хаген взяла кость, покрытую гниющим мясом, посыпала её неизвестными порошками и произнесла над ней слова, «*которые иссушили мою душу, когда я их услышал*».

Кость была погребена под окном его жены, и по мере того, как мясо на кости сгнивало, так и плоть уходила со скелета его жены. Вскоре она умерла от неизвестной болезни.

Группа деревенских детей призналась, что вдова учила их мстить своим врагам — группе других детей, которые их дразнили и мучили.

Она показала им, как собирать волосы у других детей и вдавливать их в куклы, сделанные из грязи и палок. Сказала, какие произносить слова. И что бы они потом ни делали с куклами, это происходило и с детьми.

Когда одну из кукол бросили в реку, один из детей, обижавших малышей, утонул.

Когда другую куклу бросили в огонь, хижина её тезки сгорела дотла.

Суд признал это магией из сочувствия.

Дети также рассказали, что когда мистер Гэррити выгнал их из своих яблоневых садов, они произнесли странные слова, которым их научила вдова Хаген, и призовая дойная корова Гэррити упала замертво на месте.

И ещё не один фермер выступил вперед, чтобы сказать, что в разгар лета всегда случались неприятности. Ведь именно тогда начиналась «дикая охота» — легендарный полёт ведьм. Элизабет Хаген и её приспешницы поднимались в воздух с ковром демонов и злобных мертвецов, а к утру весть скот и все, кто опрометчиво вышел на улицу, пропадали без вести. В ночи Дикой Охоты мудрые люди прятались по домам и тряслись от страха, слыша лай, шипение и крики.

В общем, доказательств, как таковых, хватало.

Главный шериф Болтон по секрету сказал своей жене, что если вдову «предадут огню», то с ней нужно спалить и всю деревню. Ибо мало кто *не приходил* к ней за советом и помощью в трудную минуту.

Если она вышла из-под контроля, то кого в этом винить, если не тех, кто её поощрял?

Если случалась беда, жители в первую очередь бежали к ней.

Она вылечила больше болезней и приняла в родах больше здоровых детей, чем тридцать докторов вместе взятых!

Но после увиденного в хижине вдовы Хаген, даже у шерифа Болтона не осталось к ней сочувствия.

* * *

Первый день судебного процесса.

Судья Боуэн: Элизабет Хаген, ты признаёшь, что являешься ведьмой?

Хаген: Я признаю, ваша светлость, что являюсь той, кого так называют.

Судья Боуэн: Ты признаёшь, что околдовала это сообщество?

Хаген: Я признаю, что у меня есть способности. Я признаю, что использовала их против тех, кто причинил мне зло, ваша светлость. Меня побили камнями, разве нет? Мою хижину чуть не сожгли, ведь так? Меня изгнали те, кому я помогала бесчисленное количество раз. А теперь... взгляните на меня! Избитая, окровавленная... Разве не имею я права отомстить за себя?!

Судья Боуэн: Ты совершила преступление против господ нашего Иисуса Христа, женщина. Подобное карается смертью. Признаёшь ли ты, женщина, что поклоняешься Сатане?

Хаген: Сатане? Сатане? Вы говорите о христианском дьяволе, ваша светлость? У меня с ним нет никаких дел.

Судья Боуэн: Тогда с кем ты заключила свою мерзкую сделку?

Хаген (*смеётся*): Сделку? Сделку, говорите? С ним, разве нет? С тем, кто ползёт и скользит. С тем, кто господствует над тёмными лесами и пустыми долинами. С тем, кто повелевает с трона из человеческих костей.

Судья Боуэн: И как ты зовёшь эту мерзость, этого беса?

Хаген: Как я его зову? Он — есть Она, а Она — есть Он! Тот, кто не имеет названия. Та, что зовёт вас по имени из самых мрачных и заброшенных мест. Он и Она — есть Оно, что не носит имени, ибо нет ни единого слова, способного уместить в себе истинный смысл их имён!

Судья Боуэн: Назови имя, ведьма, во имя Господа нашего Иисуса Христа!

Хаген (*смеётся*): Иисуса, говорите? Христианский шарлатан! Я совершала свои деяния во имя Него, во имя Неё; во имя Того, кто извивается во Тьме!

Судья Боуэн: Значит, ты признаёшь, что заключила договор с этим безымянным демоном?

Хаген: Признаю, если уж вам так угодно, ваша честь. Признаю.

Судья Боуэн: А признаёшь ли ты, женщина, ещё и то, что в твоём погребе была та мерзость? Что ты её выращивала? Вскармливала, так сказать, ужас, который поглотит весь мир?

Хаген: Вы убили всё веселье, ваша светлость! Уничтожили то, что высосало бы всю радость и справедливость!

Судья Боуэн: Я приказываю тебе, женщина, назвать имя того, с кем ты заключила сделку! Того, кто дал тебе власть над человеком и природой.

Хаген: Может, хотите, чтобы я и петлю у себя на шее сама затянула? Желаете, чтобы я рассказала о тех, кто обитает в забытых местах? О тех, кто прыгает, скачет и ползает?

Судья Боуэн: Ты уже рассказала, женщина. Уже рассказала... А теперь речь пойдёт о детях. Признайся в этом преступлении, во имя Иисуса Христа!

Хаген: Признаюсь, ваша светлость, но не во имя вашего фальшивого бога. Дети? Дети... Да, я забрала их жизни и смеялась над этим! Я пила их кровь и смаковала их плоть, слышите? И я освободила того, кто пожирал их крошечные мозги и ковырял в зубах их крошечными косточками... И это только начало! Только начало! Ты слышишь меня, жирный хряк из Проктона?! Это только начало...

Судья Боуэн: Нет. Дни, когда ты могла творить зло, подошли к концу.

Хаген: Подошли к концу? Правда, ваша светлость? Я так не думаю! Меня били камнями.

Меня пытали. Око за око, говорили они? И я говорю так же: око за око! Во имя Него! Подошли к концу? Тот, кого я призвала, будет существовать в веках. Наследию никогда не придёт конец, клянусь душой моей матери, которая горит во тьме. Даже сейчас есть трое, с чьей помощью ад придёт в этот мир...

* * *

Так и случилось.

Пока Элизабет Хаген томилась в своей тюремной камере, случилось самое странное: три деревенские девушки забеременели.

И каждая была дочерью городского священнослужителя: Хоуп из Конгрегационалистской Церкви, Райс из Церкви Христа и Эберс из Пресвитерианской Церкви.

Девушки утверждали, что они девственницы, и даже прошли обследование у доктора.

Непорочное зачатие. Жители деревни ликовали... и боялись, помня, кого сейчас держат за решёткой.

А Элизабет Хаген днями и ночами пела и читала призывания неестественными голосами в своей камере.

* * *

Через неделю после начала процесса, когда всё больше и больше свидетелей выступали против вдовы Хаген, три девушки — Кларисса Эберс, Мэрилин Хоуп и Сара Райс — в свои шестнадцать лет выглядели как женщины на четвёртом месяце беременности.

Их животы, казалось, выросли всего за одну ночь.

Доктор Левин признал, что подобное невозможно; что даже единственный такой случай может поколебать все известные догмы... а три, несомненно, исключают возможность совпадения.

А затем всё стало ещё хуже.

В одну и ту же ночь у троих девушек начались сильнейшие приступы. Они впадали в ярость, нападая на всех, кто находился поблизости; кричали, ругались и уничтожали всё, что попадалось под руку. Они отчаянно царапали собственную кожу, словно пытались освободиться от того, что пряталось внутри.

Сара Райс, фактически, сдирала с предплечий и бёдер собственную плоть.

Всех троих пришлось запереть и привязать, чтобы они не причинили вреда себе или другим и не убежали в лес, к тому, кто, как утверждали они, манил их и наполнял их головы «ужасными звуками».

И конечно, день ото дня становилось только хуже.

Они не ели, утверждая, что могут питаться только кровью и сырым мясом.

Они оскорбляли своих матерей, отцов и всех, кто находился в пределах слышимости.

Предметы двигались по их комнатам, со стен срывались распятия и иконы, деревянные балки стонали и трескались, мебель опрокидывалась.

Девушки говорили на неизвестных языках голосами мёртвых.

Они раскрывали тайны, о которых не могли знать.

Из всех отверстий их тел вытекали чёрные зловонные жидкости.

Из их раздутых животов доносились нечестивые звуки.

От них исходили мерзкие, тошнотворные запахи.

И не один человек бежал в ужасе, когда слышал голоса, шепчущие из влагалищ девушек.

Не было никаких сомнений, что девушки одержимы демонами. Демонами, которых, естественно, выпустила сама вдова Хаген.

Священнослужители предприняли попытку экзорцизма, но потерпели неудачу.

Священник Джон Райс из Церкви Христа часами сражался с Мэрилин Хоуп, пытаясь вырвать её душу из злобных дьявольских рук. Он читал над ней Писание и требовал, чтобы она — или то, что живёт в ней, — подчинилась воле Иисуса Христа. Но девочка только смеялась, хрипела и выгибалась, крича слова на разных языках.

Она требовала, чтобы ей принесли мясо и кровь. Она требовала плоть детей.

Священник Райс пытался совладать с летающими по комнате предметами и *«обрушившимся ледяном ветре, сбивавшем меня с ног»*.

Демон внутри Мэрилин говорил голосом давно умершей первой жены священника Райса, рассказывая ему в подробностях, как её насилуют в аду. Как его отец и мать, тоже, будучи здесь, пожирают младенцев — и в доказательство она начинала говорить поочерёдно их голосами.

После двенадцати часов психических, физических и душевных атак священника Райса увели разбитым, сломленным человеком с обнажённой кровоточащей душой.

Следующую попытку предпринял Эберс, потому что у отца Мэрилин не было сил смотреть на собственную дочь в таком непристойном состоянии.

Сначала всё шло хорошо, и уже казалось, что то, что обитало в девушки, уступило. Мэрилин начала плакать и изливать свою измученную пережитым душу.

Но когда Эберс наклонился, чтобы выслушать признание, она лизнула его в ухо и произнесла шёпотом фразу, которую расслышал лишь он.

Фразу, из-за которой у него от лица отлила вся кровь.

Фразу, которая заставила его выбежать из комнаты этого проклятого дома, добраться до своего пристанища и приставить пистолет к виску.

И положить всему конец.

Всё было безнадежно.

Три девушки были зажаты в тиски всемогущего зла, которое владело их телом и душой.

Каково бы ни было его истинное имя, оно было злобным, извращённым и ядовитым для любого, кто осмеливался играть с ним.

* * *

Судебный процесс над Элизабет Хаген закончился, и она дожидалась решения за решёткой.

Судьи не смогли решить её судьбу.

Если её казнят, станет ли зло в Проктоне только сильнее?

Или город будет очищен?

Это были опасные вопросы, и судьи решили, что к ним нельзя относиться легкомысленно. Но общественное мнение оказалось сильнее, и выбора не было.

Элизабет Хаген вытащили из камеры, привязали к колесу фургона и провезли по улицам перед глумящейся, полной ненависти толпой.

На поляне, известной местным жителям как «Поле Еретиков», потому что она служила

импровизированным кладбищем для «самоубийц, язычников и тех, кого родственники стыдятся», Элизабет Хаген была предана огню.

Колесо, к которому её приковали, привязали к старому дубу и подожгли.

Но даже это оказалось нелегко.

Она не хотела умирать, даже будучи охваченной пламенем. Она горела часами... Она обгорела, почернела, извивалась, но отказывалась умирать.

Она призывала проклятия на всех присутствующих.

Колесо повозки, в конце концов, рухнуло под ней, но поджаренная, обугленная тварь, в которую превратилась вдова Хаген, продолжала визжать, вопить и кричать.

Её вытащили из углей с помощью крюков и туго обвязали верёвками и цепями.

Судьи поместили её обратно за решётку, где она продолжала выть, визжать и осквернять всё святое.

Обугленный полутруп прожил несколько дней... пока разъярённые местные жители не вытащили его на свет божий и не разрубили на куски топорами.

И тогда он, наконец, умер.

Части тела были похоронены в различных местах, и Проктон был очищен от зла. Или не совсем...

Ибо демоны, овладевшие тремя девушками, не отступили; они вцепились в них ещё крепче.

Все понимали, что они не уйдут, пока не родится их потомство.

* * *

Через три месяца беременности и через несколько дней после гибели ведьмы девушки, казалось, были готовы к родам — шейка матки раскрылась настолько, чтобы ребёнок прошёл по родовым путям. Сами же девушки превратились в скелеты, от которых исходил резкий запах падали.

И вот, в один жуткий день, начались роды...

Первыми родили Кларисса Эберс и Сара Райс.

Родовые схватки были такими сильными, что обе потеряли сознание от боли.

Из влагалища Сары Райс вытекло невероятное количество крови и чёрной зловонной жидкости, и её тело — не реагирующий ни на что обтянутый кожей полутруп — разорвалось.

По крайней мере, так казалось со стороны.

Доктор Левин делал всё, что мог, но и мать, и дитя погибли в море крови.

Позже, по согласию семьи погибшей, он проведёт расследование и выяснит, что тело Сары оказалось разодрано изнутри зубами её собственного новорождённого ребёнка. Ибо это дитя имело полный набор острых, удивительно длинных зубов. И этими зубами ребёнок — белый, лишённый конечностей ужас с огромными чёрными глазами без век — искусал свою мать изнутри, разорвав при этом артерии и вены.

Доктор Левин благоразумно решил скрыть от семьи этот факт... как и то, что ребенок не просто искусал свою мать — он выедал её изнутри. Питался, пытаясь переварить откушенные ткани.

Он также оставил в тайне тот факт, что ребёнок Сары не был мёртв, когда доктор разрезал её тело скальпелем. Что гротескное маленькое чудовище жило внутри своей

мёртвой матери, питаюсь ею, как какой-то дьявольский внутриутробный упырь. Когда он вытащил из её рассечённого живота извивающееся создание без единой конечности, больше похожее на личинку, чем на человеческое существо, ему пришлось отрывать его силой, потому что он цепко держалась зубами за материнскую плоть.

Левин бросил его в ведро и вылил на него кислоту, после чего тварь растворилась.

* * *

Задолго до появления ребёнка на свет, Кларисса Эберс сошла с ума от боли и агонии — если, конечно, считать, что к тому времени у неё ещё оставались остатки разума.

Она кричала голосом Элизабет Хаген, билась, боролась и, в конце концов, потеряла сознание.

Родившаяся из неё тварь была ползающей, обгоревшей и покрытой волдырями. Будто нечто, сгоревшее заживо. Струйки дыма поднимались от его сожжённой плоти, и он, умирая, царапал чёрными пальцами по испачканной простыне.

Кларисса умерла несколькими мгновениями позже; её внутренности были обожжены.

Ребёнка похоронили на «Поле Еретиков»; Клариссу и Сару — рядом в христианской могиле.

* * *

А Мэрилин Хоуп продержалась ещё месяц.

Её ребёнок, родившийся зимой 1824 года, был здоров и нормален во всех отношениях.

Мальчик.

Единственной патологией было родимое пятно в виде крошечной четырёхпалой руки на спине.

И, тем не менее, все жители считали его проклятым — потомком нечестивого союза.

Поэтому священник Хоуп отправил свою сошедшую с ума дочь и её сына к родственникам в Миссури, где они могли бы укрыться от мира.

Он назвал своего внука Джеймс Ли.

А в Миссури ему дали фамилию дальних родственников.

Кобб.

— 3—

Пока Джеймсу Ли не исполнилось три года, еженедельно в Озарке округа Тейни повторялся один и тот же ритуал.

Когда дядя Арлен возвращался из лагеря лесорубов или свинцовой шахты, где он иногда находил постоянную работу, он забирал Мэрилин Хоуп с чердака, где её изолировали от окружающих, и тащил в Брайант-крик. Там вместе с тётушкой Джеймса Ли, Мареттой, они читали молитвы, а Мэрилин то хныкала, то рычала, как дикий зверь.

Несмотря на то, что Джеймс Ли рос крепким и сильным, как любой мальчик в их поселении, одержимость его матери никогда не исчезала.

Она была грязным, безумным существом, одетым в лохмотья, с дикими, блестящими, остекленевшими глазами.

Дядя Арлен держал её связанной на чердаке, где она ела насекомых, испражнялась под себя и разговаривала с теми, кого никто не видел, царапая своими длинными жёлтыми ногтями странные символы и слова на шершавых стенах.

Но раз в неделю обязательно следовало «очищение».

Джеймс Ли сидел рядышком и ковырялся палкой в песке, равнодушно наблюдая за тем, что они делают с безумной женщиной.

Дядя Арлен и тётушка Маретта приводили Мэрилин к ручью с верёвкой на шее. Они раздевали девушку, бросали в воду и сами прыгали следом. Один из них читал молитвы, а второй держал Мэрилин под водой до тех пор, пока она не прекращала дёргаться. Затем менялись местами.

Дядя Арлен говорил, что так они смогут изгнать из неё демонов, ибо в воде даже крестили самого Иисуса.

Джеймс Ли наблюдал за обрядом много-много раз. Но они так и не помогли.

Конечно, в три года он не мог понять, для чего это всё проводилось, но даже ему хватало ума осознать, что обряды не работали.

Молитва — окунание под воду. Снова молитва — и снова окунание.

Он решил, что это, вероятно, игра, но играть в неё могут только взрослые. Потому что всякий раз, когда он пытался подобраться поближе, отчаянно желая тоже поплескаться в воде, дядя Арлен кричал ему:

— Держись подальше, подальше отсюда, слышишь?

Но и через три года молитв и «крещения» Мэрилин лучше не стало. Поэтому дядя Арлен запер её в хижине на холмах, чтобы им больше не приходилось слушать «это языческое бормотание».

Джеймсу Ли не разрешали туда ходить.

Дядя Арлен и тётушка Маретта заботились о нуждах этой сумасшедшей женщины — они кормили и поили её, как и любой скот на этой захудалой ферме.

Жизнь в Озарке была тяжёлой, ведь их поселение находилось в километрах от любого цивилизованного места.

Джеймс Ли посещал полуразвалившуюся школу, где его учили читать и писать.

Остальные дети держались от мальчика на расстоянии, потому что знали, что он — сын женщины, живущей в хижине; женщины, которая, как все знали, была «больной на голову».

Дети шептались, что она ест крыс, змей и жаб — но бормотали они это только за спиной Джеймса Ли, ибо даже в школьные годы мальчик отличался взрывным и злобным характером.

Дети говорили о том, что у неё две головы — одной она ест, а другой разговаривает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

А может быть, они держались от Джеймса Ли подальше, потому что чувствовали, как от него исходит зло.

Поэтому он работал на ферме Коббов, убирая за свиньями, чистя загоны, собирая камни и рубя дрова.

Ему доставляло огромное, непонятное удовольствие наблюдать, как дядя Арлен отрубает цыплятам головы. Ему нравилось, как кровь фонтаном выплёскивается из их отрубленных шей, и как они, даже убитые, продолжают дёргаться.

— А люди так могут? — спросил он однажды. — Даже если умрут?

Дядя Арлен хотел ударить его, как делал много-много раз, но удержался и уставился на

мальчика свирепыми, неумолимыми глазами.

— Запомни, малец... Если человек умирает — он умирает. Он не может ходить и говорить, а даже если бы смог..., - он запнулся и почесал бороду. — Нет, не может, малец. Просто не способен.

— Но...

— Никаких «но», малец! Вперёд, за работу! И не отлынивать!

Годы шли, Джеймс Ли рос. Дети продолжали его сторониться и держаться подальше, за исключением Роули Каммингса, который набрался смелости и сказал Джеймсу Ли, что он ни чуть не лучше той сумасшедшей женщины в хижине на холме. Он заявил, что скоро и сам Джеймс Ли будет пить мочу и спать со свиньями. И это непреложный факт.

Джеймс Ли, хотя и был на три года младше обидчика, прыгнул на него с шипением, как дикий горный кот. Он бил, пинал, кусался и царапался.

Оттащить его смогли только вчетвером.

Сначала его хорошенько за это выпорол школьный учитель Парнс, а затем — дядя Арлен; на следующий день из-за отёка мальчик мог еле-еле открыть глаза.

На что тётушка Маретта запричитала:

— Только не мой мальчик, только не мой милый маленький ангел Джимми Ли! Не трогай его! Не смей поднимать на него руку!

Поэтому дядя Арлен отстал от мальчишки и принялся взамен за свою жену.

А потом его отпустило.

Как и всегда, когда у него чесались кулаки, дядя Арлен поднимался на холмы и прихватывал с собой выпивку. А когда возвращался, ему становилось заметно лучше.

Дьявол бы изгнан.

* * *

Однажды ночью, когда они думали, что Джеймс Ли спит, он услышал их приглушённые голоса у плиты.

— Не хочу, чтобы этот парень когда-либо узнал, слышишь? — прохрипел он. — Он не должен знать, что эта женщина — его мать.

— Никогда-никогда, — закивала тётушка Маретта. — Джимми Ли, мой мальчик, моя гордость... Он ведь не похож на неё, ты же видишь! Он — моя плоть и кровь...

— Но это не так, женщина, — заметил дядя Арлен. — Там, откуда он родом... всё не так просто. Это неправильно.

Тётушка Маретта несколько минут переваривала то, что ей сказал дядя Арлен, но ей это не понравилось.

— Он мой, а не её! Разве ты не видишь? Господи, иногда мне хочется, чтобы она взяла и умерла!

— Она наша родственница, женщина.

— Не говори, что тоже этого не хочешь, Арлен Кобб.

— Иногда, да. Но... Чёрт, как это может быть? В этой хижине она делает то, что делает, и продолжает жить... Как это может быть, женщина? Как это может быть? Даже в лютый мороз она не замерзает насмерть? Как?

Тётушка Маретта лишь покачала головой.

— Проклята — вот и всё.

— Я беспокоюсь за этого мальчика... Ты же знаешь: он несёт в себе эту заразу. То, что есть в ней, есть и в нём. Кровь — не вода. Да и сама кузина Мэрилин, кажется, уже не человек. Весь род их проклят... Господи, глянь только на её старика — убил сам себя! А он, между прочим, был священником.

— Люди с востока, — подала плечами тётушка Маретта. — У них не всё в порядке с головой.

— Как и у нашего мальчика. Ему нравится кровь, нравится убивать. Он несёт в своей душе эту заразу, как и его мать.

Джеймсу Ли было тринадцать, когда он это услышал. Но это было не в первый раз.

Он не знал всей истории, но к тому времени уже знал достаточно, чтобы сложить всё воедино.

Эта сумасшедшая женщина была его матерью, и они пришли с востока, из какого-то ужасного ведьминского поселения — из проклятого места, весь кошмар которого не опишешь словами.

По ночам он лежал, уставившись в потолок, и думал, думал...

Так или иначе, он собирался во всём разобраться. Он решил, что в первую очередь нужно подняться на холмы и увидеть... увидеть свою мать.

Ему было запрещено туда ходить, но иногда истина стоит хорошей порки.

* * *

Уже следующей зимой ему выдался такой шанс.

Сильная метель вонзила свои зубы в Озарк, и снег заметал окна, которые были плотно покрыты морозными узорами. Все щели были заткнуты тряпками, чтобы защититься от ветра, но в помещении по-прежнему было холодно. Холод набрасывался на тебя, как оголодавшая пума, стоило только отойти от очага.

Джеймс Ли расположился у огня и решал арифметические задачки при свете пламени свечи.

Его дядя и тётя сидели за деревянным столом; он — с трубкой, она — с вязанием.

Всякий раз, когда тётушка Маретта ловила его взгляд, она одаривала его ласковой лёгкой улыбкой, которая говорила о любви и доверии. Её взгляд, казалось, говорил: «Ты хороший мальчик, и я это знаю».

Всякий раз, когда дядя Арлен ловил его взгляд, он бросал на него жёсткий, испепеляющий взгляд, который говорил совсем другое: «Не забывай о своих школьных занятиях, мальчик, и хватит уже, чёрт возьми, мечтать!»

Поэтому Джеймс Ли сидел на полу и писал.

Хижина представляла собой бревенчатый дом с дощатым полом и закопченными балками, перекрещивающимися над головой. Там же был и запертый чердак, но теперь, когда Мэрилин жила в старой хижине, им никто не пользовался.

В углу стояла чугунная печка, в которой горел огонь. На ней кипятились два котелка с водой.

В воздухе пахло древесным дымом, горелым жиром и кленовым сиропом.

Пока тётушка Маретта отмывала посуду — синие в крапинку тарелки и жестяные чашки — дядя Арлен кашлянул. Он всегда так делал, когда хотел высказать то, что было у него на уме.

— Ну что, малец, — произнёс он, — готов к новому поручению? Готов бросить вызов ночи и снегу?

Джеймс Ли захлопнул книгу. Он никогда ещё так не было готов.

— Конечно, дядя.

— Отлично, тогда слушай. Отправляйся в коптильню, окорока там уже должны были поспеть. Возьми один из них — но не самый большой, заверни в кулёк и отнеси мисс Ливи, которая живёт на главной улице.

Он набил трубку табаком.

— Она была к нам добра, и мы будем добры к ней. Ну что, справишься?

— Конечно.

— Тогда беги.

Снаружи было очень холодно; снег завивался и свистел вокруг хижины, но Джеймс Ли знал, что справится.

Подойдя к коптильне, он откопал заметённую снегом дверь, вошёл внутрь и запаковал окорок.

Он пробирался через сугробы и метель к дому мисс Ливи.

Она забрала окорок и заставила Джеймса Ли выпить перед уходом чашку горячего ромашкового чая.

На обратном пути он срезал дорогу через лес.

Он знал, куда идёт.

Он знал, что должен увидеть.

С сосен над головой падали снежные хлопья, и воздух, казалось, промёрз насквозь. Дыхание замерзло на губах мальчика; диковинные тени окружали его плотным кольцом.

Но Джеймс Ли чувствовал, что способен справиться с чем угодно.

Он крепко сжимал в руке масляную лампу и зажжёт её только тогда, когда впереди замаячила хижина.

Запретная хижина.

Втянув в лёгкие холодный воздух и сжав кулаки, он подошёл к лачуге.

Он стоял снаружи, заносимый снегом, и думал о том, что ещё не поздно повернуть назад. Совсем не поздно.

А затем его рука, казалось, без вмешательства сознания скинула варежку и отбросила в сторону засов.

Первым, что мальчик услышал, было дребезжание и звон цепей. Затем — хриплое дыхание, больше напоминавшее стон кузнечных мехов.

Мальчишка замер. А стоит ли идти дальше?

«Чёрт возьми, Джеймс Ли Кобб, — эхом отозвался в его голове голос, — это ведь то, чего ты хотел! Ты ведь хотел посмотреть ужасу прямо в глаза и не сметь отвести взгляд? Разве не так? Не так?»

Именно так.

Цепи снова загремели, и мальчик услышал шорох.

Джеймс Ли медленно-медленно открыл дверь, полагая, что его мозгу нужно будет привыкнуть к открывшемуся зрелищу. Это как купание в прохладном озере ранней весной — в воду лучше заходить постепенно.

Дверь распахнулась, и в лицо мальчику ударила волна горячего, зловонного воздуха. Он вонял, как червивое мясо, кипящее на плите.

Ноги перестали держать мальчика, и смелость улетучилась в один момент.

В мерцающем свете фонаря он ясно увидел...

Увидел свою мать.

Она была прикована цепью к полу и старалась уползти от падающего света, как гигантский червяк. Её тело стало мраморно-белым, влажным и блестящим, как мякоть гриба. На её коже виднелись раны и язвы, которые разъедали плоть до костей.

Сложно было сказать, свисала ли с неё изорванная одежда или это были лохмотья её собственной кожи.

Волосы женщины были грязно-серыми и спутанными, а глаза — просто бездонными дырами, прорезанными на пергаментном лице.

Но больше всего Джеймса Ли поразили не глаза, и не запах, и не фекалии, и не грязная солома вместо постели, и даже не разбросанные крошечные кости животных... У женщины, казалось, были щупальца.

Как у одного из тех морских монстров из книги, которые целиком заглатывают корабли.

Длинные жёлтые отростки разворачивались и сворачивались, как часовые пружины.

А потом... Потом Джеймс Ли понял, что это её ногти.

Должно быть, они были сантиметров шестьдесят в длину — твёрдые, костлявые наросты, которые вылезали из её пальцев и ложились на пол, как скрученные змеи.

Джеймс Ли вскрикнул. Женщина открыла шелушащиеся губы, обнажая серые гнилые зубы, которые торчали из изъеденных, кровоточащих дёсен, как старый штакетник. Она издала кряхтящий звук, напоминающий хрюканье свиньи.

А потом она потянулась к мальчику, словно узнала его, и её ногти застучали друг о друга, как кастаньеты.

Джеймс Ли быстро захлопнул дверь.

Вернул засов на место.

И побежал вниз по снегу, через ежевичные заросли, огибая засохшие дубы и перепрыгивая через упавшие бревна.

Он бежал всю дорогу до дома, а добежав, заколотил по дереву кулаками.

Дядя Арлен распахнул дверь, впуская мальчика в безопасное тепло и не переставая спрашивать, что случилось.

Но Джеймс Ли не мог ему ответить.

* * *

В Озарке существовала прекрасная традиция рассказывать истории.

Иногда о достоинстве человека судили по тому, как усердно он работает и как хорошо может сплести рассказ.

Поэтому неудивительно, что Джеймс Ли знал истории о призраках и привидениях, об ограх-людоедах, живущих в глубинах леса, и о дьявольских кровососущих кланах, населявших тайные пещеры.

Для всего, что жители не понимали или понимали частично, существовала диковинная история.

Это было поселение, где сказки и мифы были неотъемлемой частью повседневной жизни. В них были ведьмы, водяные, лешие, целители и маги — все, о ком когда-либо слышало человечество.

А в чём Озарк никогда не испытывал недостатка — это в ведьмах.

Некоторые из них были злыми, некоторые — добрыми. Одни — настоящими, другие — выдуманными.

Стоит только спросить у любого жителя деревушки, где найти ведьму, и он укажет вам на это место... Или на того, кто может этой ведьмой быть.

Дети в школе рассказывали о старике по имени ведьмак Геллер, который жил в какой-то туманной лощине, куда мало кто отваживался заходить. Он мог изгонять бесов и призывать их, лечить болезни и заставлять волосы расти.

Джеймс Ли решил, что это очередная байка... Но однажды он отправился в город.

Дядя Арлен выбирал еду.

Джеймс Ли стоял на тротуаре, бросая на улицу камешки.

Внезапно у него возникло чертовски неприятное чувство. У него закружилась голова, и родимое пятно на спине начало гореть огнём.

Он развернулся и увидел, что на него пристально смотрит седой старик. Он был похож на старого и грязного фермера в лохмотьях. В нижней челюсти у него сохранился единственный золотой зуб, который поблёскивал на солнце.

— Малец... На тебе метка, — произнёс он. — Она лежит на тебе, и тебе никуда не деться...

Потом вышел дядя Арлен и потащил Джеймса Ли прочь.

И даже после того, как он забросил мальчишку на телегу, и они выехали из города, Джеймс Ли чувствовал, что эти глаза смотрят на него; чувствовал, что отметина на его спине горит, как угли в печи.

Дядя Арлен кричал, бушевал и предупреждал Джеймса Ли не разговаривать с незнакомцами, потому что однажды «это будет плохой человек, он придёт к нам на ферму и перережет всем глотки».

Джеймс Ли спросил:

— Это был он? Ведьмак?

— Ничего подобного, чёрт тебя дери! Ведьмаков не существует!

Но Джеймса Ли уже было не заткнуть.

— Говорят... говорят, он может делать всякое. То, чего не могут остальные. Может... Может, если мы приведём к нему ту сумасшедшую женщину, он сможет её вылечить?

За такие слова Джеймс Ли получил от дяди Арлена кулаком в челюсть. А когда они приехали домой, был наказан ещё хуже.

Когда дядя Арлен закончил экзекуцию, Джеймс Ли лежал на земле и истекал кровью.

— Никогда, никогда, никогда больше при мне не упоминай этого человека, слышишь?! — крикнул дядя Арлен. — Этот языческий, дьявольский ведьмак приносит лишь боль и разрушение! Он не может вылечить никого и ничего; всё, что он несёт — это девять кругов ада!

После этого Джеймс Ли больше не упоминал о колдуне Геллере.

Даже тётушка Маретта смотрела теперь на него по-другому. Она не была холодна, но любовь и тепло, которые Джеймс Ли знал раньше, исчезли.

Иногда мальчику казалось, что она его боится.

И однажды ночью он услышал, как дядя Арлен сказал:

— Что я тебе говорил, женщина? Подобное притягивает подобное.

Хотя он не упоминал о странном старике, Джеймс Ли никогда не переставал думать о

нём и о той, что жила в хижине на холме.

Дни превратились в недели, которые обернулись месяцами и годами.

Все ответы на интересующие Джеймса Ли вопросы мальчик получил от старого самогонщика по прозвищу Чокнутый Мартин. Чокнутый Мартин знал ведьмака, который жил в лощине известной — и не безосновательно — как «Пол-акра ада».

И вот однажды летним днем Джеймс Ли совершил «паломничество».

Ему потребовалось несколько часов, чтобы сориентироваться в грязных тропках, испещривших тёмный лес. Но, в конце концов, в лощине, где не пели птицы и не жужжали насекомые, а растительность выглядела серой и мёртвой, он нашёл хижину колдуна.

Геллер сидел у огня.

— Подходи, малец, присаживайся, — произнёс старик, даже не глянув в сторону Джеймса Ли. — Я знал, что ты придёшь. Рано или поздно, тебе пришлось бы. Поэтому присаживайся. Люди поговаривают, что я кусаюсь, но ты этому не верь.

Джеймс Ли сел к костру, стараясь не смотреть старику в глаза.

У Геллера на коленях лежала скрипка, и он играл медленную, меланхоличную мелодию, а сам без умолку болтал о своём урожае и о том, как он растёт, и о том, что это будет хороший год, если Бог убережёт их от пожаров и заморозков.

— Вы сказали, что на мне лежит метка, — выдавил Джеймс Ли после того, как понял, что старик — не монстр-людоед, каким его выставляли жители. Он был простым стариком, который жил в странной лощине и беспокоился о своём урожае.

— Я помню, малец, я помню, — он положил скрипку обратно на колени. — Твой папа... Хотя нет, твой дядя... Да, дядя... твой дядя разозлился, когда ты со мной заговорил, не так ли?

Джеймс Ли был поражён.

После стольких прошедших лет старик вспоминал случайную встречу, словно это было вчера. И, казалось, он знал о том, о чём ему не говорили. Может быть, он всё-таки не просто какой-то старый грязный фермер...

— Думаю... Думаю, он вас боится, — искренне ответил Джеймс Ли. — Как и большинство в этой деревне.

— Да, они боятся. Конечно, боятся, — старик на минуту задумался. — Твой дядя... думаю, он мудрый человек. За общение со мной можно заплатить ужасную цену. Малец вроде тебя... не может позволить себе то, чем я обладаю. Но вот если он не ценит свою душу... Ты ценишь свою душу, малец?

— Да... Да, ценю.

— Хороший мальчик. А теперь рассказывай, зачем пришёл. Не могу же я сам всё вытаскивать из твоей головы.

И Джеймс Ли рассказал ему о своей матери и о тайнах, которые окружали его переезд в Миссури.

Он всё говорил и говорил старику одно и то же, задавал одни и те же вопросы, потому что раньше никогда ни с кем не обсуждал свои проблемы, хотя безумно хотелось.

— Во-первых, малец... Твоей маме я помочь не смогу. Моей силы не хватит, чтобы бороться с тем, что её удерживает. Она была проклята, малец... Да, проклята этой злобной старой сукой. Я вижу в голове образ этой ведьмы. Она владеет магией, малец... Даже будучи мёртвой, её магия сильна.

— Я надеялся...

— Нет, малец. Но то, что обладает твоей мамой... Оно почему-то слабеет. И если ты подождёшь... Уверен, твоя мама обретёт мир.

Старик наклонился вперед, его глаза горели.

— Но послушай меня, малец... ты носишь эту метку, и жизнь твоя будет мрачна. Ни один лучик солнца не пробьёт эту завесу, ведь за ней лишь тьма.

Джеймс Ли не понимал, о чём говорит старик.

Геллер продолжал говорить о «метке дьявола» и о том, что те, кто её носит, прокляты.

Но наконец, когда тени стали длиннее, и день начал подходить к концу, Геллер отпустил мальчика, приказав подниматься вверх по холму, где бы самый короткий выход из лощины.

— Не останавливайся, даже если захочешь в туалет. Продолжай идти, глядя прямо перед собой.

Геллер предупредил, что если Джеймс Ли встретит кого-то на тропе, то не надо слушать, что они говорят, и смотреть, что они делают. А если он услышит голоса из чащи, нужно их просто игнорировать и продолжать идти, невзирая на то, что они будут говорить и обещать.

— Эти леса, малец... Они полны голосов, и не дают нам покоя.

Джеймс Ли выбежал из лощины и снова оказался под солнцем и зеленью.

Когда он вернулся домой, никто с ним не заговорил, словно он был запятнан.

Запятнан безумным стариком и ведьмой.

На следующий день он собрал все свои пожитки и покинул деревню на холмах, решив, что ему уже семнадцать и он уже мужчина. Пришло время самому разбираться с этим миром.

Он направился на запад.

А по дороге связался не с теми людьми. Казалось, его притягивало к ним, а их — к нему.

И по прошествии нескольких недель и месяцев то, что затаилось внутри него на целых семнадцать лет, начало пускать корни, прорастать и расцветать. Но это был не цветок, а язва; разъедающая опухоль, которая пожирала его сантиметр за сантиметром.

К моменту начала Американо-мексиканской войны Джеймс Ли уже убил шестерых... Топором, ножом, пистолетом и просто голыми руками.

— 4-

В глубинах гор зарождались порывистые ветра. Они рыскали по пустынной местности, завывали в сухих оврагах и свистели на вершинах скалистых обрывов. От него дрожали заросли дикого кустарника. К небу взвивался песок, и змеи прятались среди скал. В жёлтом туманном небе кружили стервятники. Мухи садились на лица живых и мёртвых, а ветер пах солью, жарой и страданием.

В общем, Северная Мексика была выжженной, нечестивой страной — филиалом ада на земле.

Джеймс Ли Кобб, доброволец из Миссури, наблюдал, как два одетых в олени шкуры ополченца вытаскивают из грязного кустарника ещё один мексиканский труп.

— Это уже шестой, босс, — произнёс один из солдат по фамилии Джонс, сплёвывая смешанную с табаком слюну на лицо испанца, убитого в живот выстрелом картечи. От

грудины до мошонки погибший мужчина представлял собой дыру, в которую можно было забросить мяч и не коснуться плоти. — Шестой грязный, грёбаный сукин сын.

— Каждый раз при виде мёртвого мексикашки я думаю о том, — протянул Кобб, — что мир стал чуточку чище.

Джонс кивнул, скидывая на песок паука.

— Да, Джеймс, я бы с этим согласился. Я бы согласился, — закивал Джонс и снова плюнул на тело. — Знаешь что? А местность-то здесь и неплоха. Если бы не чёртовы мексикашки, пачкающие её, то здесь можно было бы жить. Как думаешь?

Кобб прищурился. Он всегда был настороже. Всегда.

— Возможно. Только здесь, наверно, жарче, чем в заднице у дьявола.

— Стоит подумать, да?

Кобб прислушивался к словам ветра, говорящего ему голосами демонов, что будет ещё больше смертей, ещё больше мерзких убийств, прежде чем эта небольшая вечеринка подойдёт к концу.

Кобб облизнул пересохшие губы и улыбнулся.

* * *

Кем бы Джеймс Кобб ни был в детстве, повзрослев, он стал совсем другим человеком. Он никогда не мог искренне отметить тот момент, когда из наивного простака с широко раскрытыми глазами он превратился в кровожадного убийцу.

Возможно, это было во время его первого убийства.

Тот бродяга, которого он зарезал в Канзасе после побега из Миссури. Тот, который решил показать молодому мальчишке, что нет ничего противоестественного в отношениях двух мужчин.

Наверно, это превращение произошло, когда он вытащил охотничий нож и вонзил его прямо в живот вонючего извращенца; когда увидел, как горячая кровь пузырится на земле, подобно лаве... Вот тогда всё и произошло.

И стоило ему совершить первое убийство, как дальше всё стало легко и естественно. Словно он был для этого рождён.

Как и предрекал ведьмак Геллер, жизнь его стала мрачной.

После отъезда Кобб редко вспоминал Миссури, Геллера, дядю Арлена или тётушку Маретту. Или то существо, что некогда было его матерью.

Всё, что имело значение — это жизнь, здоровье, набитый желудок и целый череп.

Он крал лошадей и угонял скот. Охотился на бобров в Скалистых горах и в Вайоминге. Поставлял контрабандный виски индейцам и снабжал их американскими карабинами для борьбы с переселенцами и армией.

В общем, ежедневно рука об руку с ним шли убийство и насилие.

Всё хорошее в нём увядало, как зелёные лозы в засушливую погоду, и вместо него поднималось, чтобы заполнить пустоту, что-то тёмное и зловещее. То, что жило внутри Джеймса Ли давно, но просто ждало.

Ждало своей очереди.

Когда Техас решил присоединиться к Соединенным Штатам, Кобб присоединился к группе кровожадных добровольцев из Миссури, чтобы бороться за свою независимость от Мексики.

Любая война была сложным и трудным делом, но Джеймсу Ли она нравилась.

Первый раз он ощутил вкус битвы в лагере в Мартаморосе, где все горячие головы хотели скорее в бой, и в свободное время ничего не оставалось, как затевать драки друг с другом. Добровольцы из Миссури часто задирались с добровольцами из Джорджии и Индианы, но чаще всего — с солдатами регулярной армии, которые смотрели на добровольцев, как на мусор. В лучшем случае, они называли их «наёмниками», в худшем — «разбойниками и головорезами». Поэтому каждый день добровольцы устраивали им ад.

Если драку затеять не удавалось, они хватались за мушкеты и стреляли во всё, что движется, и что не движется.

Матаморос был неуправляемым ульем беспорядка и неподчинения.

Регулярная армия была в ярости от необходимости жить бок о бок с этими проклятыми разбойниками-добровольцами. А для добровольцев не существовало ничего веселее, чем злить солдат.

Но затем Кобба и остальных запихнули на речной катер и повезли вниз по Рио-Гранде. Река то выходила из берегов, то возвращалась к нормальному уровню. Затем снова разливалась.

Рулевые не могли справиться с лодкой. Они даже не могли толком разобраться, где заканчивается река и начинается пойма.

Лодки то и дело увязали на илистых отмелях.

Время от времени солдатам приходилось сходить на берег и искать дрова для костров и приготовления еды... А в такой бедной и богом забытой местности это занимало много-много времени.

В конце концов, лодки прибыли в крохотный Камарго — плевок на карте, который принадлежал то одной, то другой стороне. Небольшой мексиканский городок на берегу реки Сан-Хуан в трёх милях от её впадения в Рио-Гранде. Когда-то он был довольно большим, но теперь, после наводнения, превратился в руины.

Измученные и злые солдаты выгрузились с лодок в лагерь, который одолевали рои насекомых, змеи и удушающая жара.

В этом грязном, заброшенном месте, где бушевали жёлтая лихорадка и дизентерия, мужчины мыли лошадей и стирали бельё в одной и той же воде. Больничные палатки были переполнены заболевшими и умирающими.

Кобб и другие добровольцы проводили большую часть времени в спорах, отмахиваясь от мух и хороня мертвых.

Вот такое это было место.

Смерть повсюду... а сражение ещё даже не началось.

* * *

Добровольцы из отряда Кобба выискивали среди скал оставшихся мертвецов и сбрасывали тела в огромную кучу.

Теперь их было уже двенадцать. Двенадцать мексиканских повстанцев.

Из тех, что охотятся на небольшие отряды американских солдат. Вырезают их и отстреливают. Хватают живьём в плен, если получается, и пытаются. Бьют их, пока солдаты не лишаются сознания, или отрезают от них плоть по небольшим кусочкам, пока те не истекнут кровью.

Может быть, регулярная армия и не знала, как обращаться с этими свиньями, но добровольцы, без сомнения, знали. Когда они захватывали мексикашек живыми, они играли с ними в игру.

Закапываешь их по шею в песок, мажешь лицо мёдом — и дальше огненные муравьи сами делают своё дело.

Или тащишь их, привязанных к лошадям, по камням, пока тела не ломаются, как детские игрушки.

Или подвешиваешь за ноги и раскачиваешь над костром.

Или бросаешь в ямы с гремучими змеями.

Или привязываешь к столбу и позволяешь дикой природе самой разобраться с убийцей.

А если чувствуешь, что хочешь привнести в игру капельку творчества, можно взять нож для разделки шкур... И это может длиться часами...

Но лучше всего найти их деревню и выжечь дотла. Пристрелить их детей и изнасиловать женщин.

Один из добровольцев решил как-то помочиться на труп мексикашки, и Коббу пришлось на него прикрикнуть.

— Это так ты выказываешь уважение мёртвым, сукин ты сын? — прорычал он, прижимая парня к стене. — Так ты обращаешься с этими чёртовыми чилийцами? Похоже, друг мой, ты ни хрена не знаешь. Дай-ка я тебе покажу, что надо делать.

Кобб вытащил свой охотничий нож и прижал лезвие к большому пальцу до крови, чтобы убедиться, что он достаточно острый. А затем медленно и уверенно взял одного из мертвецов за волосы и провёл лезвием: сначала под подбородком, затем по скуловой кости вверх к зоне роста волос — и снова вниз, прочертив на лице убитого кровавый овал. И, потянув, оторвал кожу лица от подлежащей кости.

Кобб вытянул вперёд окровавленную маску.

— Всё готово. Можно пугать детишек.

Остальные добровольцы смеялись и хлопали друг друга по спинам.

Да это было самое смешное, что они когда-либо видели. Кобб любил придумывать что-то подобное.

Стоило вам задуматься о том, что у Джеймса Ли истоцилась фантазия, как он выкидывал что-то новое: или делал себе кисет для табака из мошонки убитого мексикашки, или вешал на шею ожерелье из их пальцев.

Вытащив ножи, остальные принялись повторять выходку Кобба.

Тот прогуливался среди наёмников, размахивая окровавленным ножом, как школьный учитель, обучающий тонкостям спряжения глаголов. Только вот вместо класса у Кобба была выжженная пустыня, а предмет обучения — безжалостные убийства.

Он выглядел довольно внушительно среди всей этой братии: высокая крепкая фигура в потёртой одежде из оленьих шкур и в фуражке, лихо надетой набекрень. Его борода была длинной и спутанной, а волосы свисали до плеч сальными прядями.

На поясе у него висело множество револьверов, пистолетов, ножей и тесаков. Вместе с недавно вырезанной мексиканской посмертной маской и мумифицированной рукой священника, которую он отрубил в Монтеррее и высушил на солнце на плоском камне.

Трупов оказалось немного, и люди Кобба начали спорить, кому что достанется. Кобб разрешил конфликт, заявив, что первыми трофеи забирают те, кто первым пришёл. Кто появился в самом начале, могут вырезать себе маски и отрезать всё, что хотят. Остальным

придётся либо смириться с утратой, либо позаимствовать, либо украсть.

Кобб уверил их — и мужчины поверили ему безоговорочно, — что по пути они раздобудут ещё кучу трофеев. Может, завтра, а может, сегодня.

— В одном можете быть уверены, парни, — сказал им Кобб, — всегда появятся новые и новые трофеи. Мексика ими полна.

Он смотрел, как они работают: рубят, пилят, режут и поют частушки, которым научились у мексиканцев, но смысла и содержания которых не понимали.

Да, Кобб наблюдал за ними, зная, что они следовали его примеру.

Он поступил в армию рядовым, но довольно скоро — возможно, из-за жестокости в бою, а может, просто из-за дикого характера — стал офицером и их лидером.

Они смотрели на него снизу вверх.

Они завидовали всем значками и военным атрибутам, которые он снимал с мёртвых мексиканцев и прикалывал на свою рубашку.

Они мечтали о таких же ожерельях из пальцев или почерневших ушей; или о черепе мексиканского полковника, который он повесил на лошадь вместе с седельными сумками.

Они хотели быть похожими на него.

Они хотели быть кровожадными мудаками, как Джеймс Ли Кобб.

Они хотели броситься в бой, как он сделал это в Буэна-Виста, стреляя из двух рук, нанося удары и прокладывая себе путь сквозь ряды мексиканцев.

Поэтому в каждой битве они выкладывались на полную, чтобы обладать такими же трофеями, как и их вожак. Но они могли сражаться и умирать, грабить и осквернять мёртвых сколько угодно, но никто из них никогда не станет похож на Джеймса Ли Кобба.

У них никогда не будет его своеобразного желания причинять страдания и смерть.

Желания, рождённого в безымянных местах, где человеческие кости складывались в пирамиды, а человеческие души кипели в котлах.

У них никогда не будет этой необходимости, как и не будет такого родимого пятна на спине.

Пятна, которое по форме напоминало красный отпечаток четырёхпалой руки.

Отпечаток, который горел огнём, когда рядом была смерть.

* * *

А в битве при Буэна-Виста произошло вот что: около 14 000 мексиканских солдат под командованием генерала Санта-Анны атаковали американские войска Закари Тейлора, которые насчитывали менее 5000.

Благодаря решительности, смелости и чистой удаче американцы смогли отбросить мексиканцев.

Легко сказать — но нелегко сделать.

Мрачным февральским утром 1847 года солдаты под командованием Тейлора получили приказ собирать палатки и выдвигаться в сторону Буэна-Виста. Двадцать пять километров — и они на месте... Без провизии и без сухих дров.

На следующее утро, едва рассвело, прибежали часовые и сообщили, что приближается войско мексиканцев.

Джеймс Ли Кобб и добровольцы из Миссури расположились на узком гребне, сразу за артиллерией, в ожидании врагов. Вместе с ними были группы кавалерии Кентукки и

Арканзаса. Все ждали, широко раскрыв глаза, с кремневыми мушкетами и карабинами наготове, с заточенными ножами и топорами в руках.

В воздухе стояла вонь — кислая, сильная, пьянящая. Запах страха.

Потому что внизу враги собирались в кучу, и все, кто рассредоточился на этом гребне, могли прекрасно их видеть. Их было не перечесть. В кои-то веки разведка не уменьшила, но и не завысила численность врага.

Мексиканцы маршировали ровным строем, выстраиваясь в шеренги и рассыпаясь на группы.

Кобб наблюдал, как они ни на секунду не останавливались.

— Не надо смотреть на них и видеть свою смерть, парни, — произнёс негромко Кобб. — Надо смотреть вниз и думать, что если они всё же достанут тебя, то ты заберёшь с собой в ад десяток!

Заметив расположение отряда, мексиканские пушки — восьми- и шестнадцатифунтовые — открыли огонь по склону холма. К ночи они разогрелись и обрушили адский дождь на две Индианские стрелковые роты.

Звучали горны, люди умирали, воздух наполняли клубы дыма... но настоящая битва ещё и не началась.

И регулярная армия, и добровольцы ждали.

Голодные, замёрзшие, но не осмеливающиеся закрыть глаза, когда разряды картечи взрывали песок вокруг них.

На рассвете следующего дня мексиканские пушки снова запели, и всё началось по новой.

В ответ на их залп ударили пушки американцев.

Весь горный склон кишел врагами и напоминал битву варваров, ослеплённых жаждой крови и готовых разграбить город.

Кобб вывел свои войска и атаковал скрытую мексиканскую огневую точку, которая поливала огнём индианский полк; они рубили направо и налево, пока враги не остались лежать на земле рядом со своим разгромленным оружием.

Но за каждый десяток убитых приходило ещё двадцать солдат. А за ними — Господь всемогущий! — ещё половина мексиканской армии. Пехота в зелёных мундирах, кавалерия — в алых. Они были вооружены британскими ост-индскими винтовками и длинными копьями, а на голове носили медные шлемы с большими чёрными перьями, похожими на вороньи.

И разверзся ад.

Над головами добровольцев свистели пушечные ядра, взрываясь осколками камней и комьями грязи. Картечь попадала в людей, разрывая внутренности.

Над землёй, подобно туману, висел дым от орудий, и кавалерия напоминала пробиравшихся сквозь него призрачных всадников.

Люди кричали и визжали; кровь покрывала землю липкими, горячими лужами.

Солдаты — и мексиканские, и американские — умирали и падали друг на друга, как брёвна. Некоторые поднимались только для того, чтобы снова упасть и быть раздавленными копытами мчащихся лошадей.

Зазвучали горны.

Люди ползли сквозь эту мясорубку с оторванными конечностями и развороченными животами, из которых тянулись кишки.

Некоторые хотели сбежать... но другие хотели сражаться дальше.

Кобб заколол штыком одного солдата и рассёк лицо другому. Он видел, как падают добровольцы, но каждый раз, когда он бросался им на помощь, к его ногам падали тела, кровь и мозги брызгали ему в лицо, а на него самого бросались вражеские солдаты. Поэтому он стрелял в них и резал тесаком, когда они оказывались на его пути.

А вокруг него добровольцы карабкались по грудам тел, и в бой вступила вооружённая миссиссипская конница. На них были ярко-красные рубашки и широкополые соломенные шляпы.

Мексиканская кавалерия встретила их беспощадно; раздались выстрелы мушкетов и звон сабель; лошадей разрывало пушечными ядрами, а люди падали сотнями; пейзаж превратился в кровавое море израненных тел, конечностей и сверкающих на солнце внутренностей.

За мексиканской конницей следовала пехота с выставленными вперёд штыками.

Добровольцы из Миссури, чёрные от пороха и пыли, продолжали держать оборону, готовые ко всему.

Кобб стрелял из пистолетов, пока они не опустели и не превратились в бесполезный раскалённый кусок железа. Он схватился за мушкет, выстрелил, перезарядил и снова выстрелил с заправским мастерством.

Но мексиканцы хлынули вперед бурным, нескончаемым потоком, перерезая американскую линию фронта, и Кобб оставалось лишь крушить черепа врагов прикладом винтовки, резать их ножами и рубить тесаком, не останавливаясь ни на минуту.

Теперь мексиканцы атаквали не только спереди, но и сзади, и с флангов.

Это был настоящий ад.

Люди падали и извивались в грязи.

Лошади сбрасывали всадников и топтали своими копытами, обезумев от ужаса, ран, ударов, стрельбы и криков.

Разрывались снаряды; свистели, как бешеные шершни, ружейные пули; слепящими вихрями поднимались дым и пыль.

Грохотали мушкеты, и им вторили огромные пушки.

Фургоны и грузы на них были разбиты в щепки; повсюду в крови и обломках лежали убитые и раненые.

А к склону подходили всё новые и новые мексиканские войска.

Кобб, переполненный теперь настоящим, неистовым голодом, ворвался в их ряды, убивая людей из пистолетов и мушкетов. Он разрубил топором голову одного копейщика, перерезал горло другому, выхватил копьё и сбросил с коня мексиканского офицера.

Он проткнул остриём грудь мужчины и пригвоздил его к земле.

Убив ещё двоих или троих, он вскочил на коня убитого мексиканца — прекрасного белого жеребца — и бросился в атаку, рубя и режа, стреляя и пронзая. Но когда залп картечи перебил животному ноги, Кобб вновь оказался на своих двоих.

Сверху открывалась жуткая картина: пропасть, заполненная дымом и огнём, кишела людьми и лошадьми без всадников. Это была истинная бойня, и в суматохе трудно было сказать, кто выигрывал, а кто проигрывал.

Но Коббу было на это плевать.

Он продолжал сражаться, убивая всё больше врагов, перерезая сухожилия коням и разрывая линию наступления мексиканцев, как огненный клинок.

Битва продолжалась ещё долгое время, но, в конце концов, мексиканцы отступили.

Мертвецы грудами лежали на земле, пропитанной багровой кровью.

Кавалерия мексиканцев оказалась под постоянным огнём, и главнокомандующий принял решение отступить, но даже эта заминка стоила им десятков и сотен жизней.

Когда сражение закончилось, поле битвы превратилось в кладбище.

В бойню.

Везде, насколько хватало глаз, валялись тела, конечности, разорванные пушечными ядрами лошади и закинутые взрывной волной на деревья люди. Это напоминало картину Брейгеля Старшего «Триумф смерти» — дым, пламя, трупы и разрушенные повозки.

Изрытая земля.

Лужи крови.

Тысячи мух, взлетающих с трупов и тех раненых, кто не мог пошевелиться.

Люди молили о помощи, о воде, ещё хоть об унции жизни, чтобы они смогли убить больше мексиканцев во имя своих матерей и возлюбленных.

Когда Кобб шёл через бойню, и его олени шкуры были мокрыми от крови и обожжёнными пылающей шрапнелью, он видел, как живые люди выбираются из-под трупов. С дикими, залитыми кровью глазами они размахивали пустыми мушкетами и ножами. Они кололи штыками мёртвых и тех, кто простил о смерти.

Потрясённые кровавой битвой офицеры шатались по полю боя, всхлипывая, проклиная этот мир и выкрикивая приказы мертвецам. Они требовали, чтобы трупы поднялись и бросились в погоню за врагом, в то время как солдаты бродили среди мертвецов в поисках павших товарищей.

Кобб и его покрытые кровью, крещённые огнём добровольцы двинулись по горящему полю из трупов, выныривая из клубов дыма и добывая мексиканцев. Они снимали скальпы, срезали посмертные маски, отрезали уши, руки и пальцы. Они хохотали, как безумные, устраивая мексиканские трупы в непристойных позах.

А Кобб подталкивал их к новым, всё более извращённым зверствам, в то время как родимое пятно на его спине пылало и пульсировало.

Что-то внутри него было очень, очень довольно увиденным.

Война — это ад.

И для Кобба она напоминала возвращение домой.

* * *

Пламя.

Дым.

Жар.

Крики.

Горело здание школы.

Голоса внутри кричали на испанском, ублюдочном английском, индийском... Они умоляли, просили пощадить их, отпустить во имя Иисуса Христа.

И Кобб собирался их отпустить... напрямик к создателю.

Кобб смотрел на огонь, пытался им, чувствовал, как он горит внутри него. Его кровь была кислотой, которая пузырилась и кипела. Его сердце раскалённым докрасна поршнем стучало и грохотало, выбрасывая искры и маслянистый пар. Родимое пятно на его спине

напоминало выжженное на плоти клеймо.

Добровольцы окружили здание школы, держа мушкеты наготове.

— Если любой из этих чилийских ублюдков попытается выскользнуть, — процедил Кобб, — стреляйте.

Здесь, в небольшом городке под названием Дель Барра, Кобб и его люди выследили местный партизанский отряд. Здесь они жили, здесь их лечили и оперировали.

Это был даже скорее не городок, а деревня: несколько продуваемых ветрами и выбеленных солнцем лачуг, старая испанская церквушка и школа.

В подвале церкви добровольцы обнаружили винтовки и боеприпасы, оружие и форму, снятую с убитых американцев. На большей части одежды до сих пор виднелись пятна крови.

Священник попытался отказаться показать им подвал.

И Кобб перерезал ему глотку.

А потом они подпалили здание школы; оно горело в этой жаркой, засушливой степи, а солнце таяло, как монета из желтого воска в безоблачном небе над головой.

Пот катился градом по лицу Кобба, оставляя за собой тонкие чистые полоски кожи. Обведённые красной краской глаза, напоминавшие ворота ада, не мигая смотрели на пламя.

Кончиком языка Кобб слизал соль с губ.

Он слышал доносящиеся изнутри крики и вопли.

Пламя уже охватило одну сторону здания школы и жадно лизало другую. А внутри... внутри были старики, женщины и дети. Они стучали в двери и молили их выпустить.

Внезапно раздался дикий рёв, и всё здание школы оказалось охвачено огнём в считанные секунды. Дерево было сухим, как трут, и горело превосходно. В воздухе клубился дым, завиваясь причудливыми воронками. Везде воняло обуглившимся деревом, опаленными волосами и горелой плотью.

Крики и удары стихли.

— Думаю, все поджарились, — сплюнул Джонс, почёсывая промежность.

Внезапно из горящего здания вырвались несколько фигур, объятых пламенем. Они спотыкались, безумно размахивая руками. Это могло бы быть смешно, если бы не было так мерзко.

Добровольцы разошлись в стороны, выпуская горящих людей наружу.

За первыми фигурами последовали другие. Люди были готовы на всё, чтобы только избежать адского пламени.

Добровольцы выстрелили, перезарядили и снова выстрелили.

Последняя фигура прибежала странной, дёргающейся походкой; пламя лизало её мерцающими перьями. В руках у неё что-то было.

Кобб заметил, что это была мать, несущая своего ребёнка.

Кобб вскинул руку.

Его люди перестали стрелять.

Женщина прошла три-четыре метра и рухнула дымящейся кучей.

Кобб наблюдал за ней, пока огонь не погас, и она не превратилась в сломанный, почерневший манекен, а её плоть не рассыпалась пеплом.

Мать и ребёнок оказались зажарены вместе.

Исходящий от них дым был горячим и зловонным.

Не прошло и часа, как добровольцы сидели возле пожарища, пили мескаль и жевали лепешки, добытые из подвала.

Здание школы рухнуло само по себе, превратившись в груды саж и почерневших балок. От него ничего не осталось.

Через некоторое время добровольцы сожгли церковь и взорвали подвал, пока в деревне Дель Барра не осталось ничего, кроме тлеющих углей, дыма и запаха смерти.

Такой они её и оставили.

* * *

Но, естественно, война должна была когда-нибудь закончиться.

После Монтеррея и Камарго, Буэна-Висты и Вера-Крус, Серро-Гордо и Пало-Альте мексиканцы — разбитые, изнурённые и уставшие от резни — подписали мирный договор Гвадалупе-Идальго, и война подошла к концу.

Американцы вернулись обратно в Техас и Нью-Мексико.

Некоторые были счастливы, что всё закончилось. Другие отправились на поиски следующей битвы.

Джеймс Ли Кобб тоже что-то искал... Но не был уверен, что именно.

— 5-

Задолго до Американо-Мексиканской войны мексиканские власти начали платить частным армиям, чтобы те выслеживали и убивали мародерствующие племена индейцев — особенно апачей и команчей, — которые совершали набеги на мексиканские города и деревни.

Индейцы промышляли по другую сторону границы Штатов — убивали мужчин, похищали женщин, крали скот и лошадей, да и всё, что попадётся под руку.

Мексиканская армия просто не могла бороться с этими налётчиками, поэтому были приняты законы об «охотниках за скальпами». За каждый снятый скальп, как за «квитанцию», платили по сто песо. А для энтузиастов своего дела совокупная награда выходила весьма существенной.

Можно было бы предположить, что такой отталкивающий бизнес не будет иметь множество последователей... Но всё было как раз наоборот. После паники 1837 года[1] появилось много желающих быстрой наживы.

И они не были особенно разборчивы в том, что должны сделать для получения выплат.

Во время Американо-Мексиканской войны индейские набеги несколько уменьшились. Главным образом потому, что американские солдаты проводили своё свободное время, выслеживая банды ренегатов.

Но когда войне пришёл конец, набеги вновь участились. Команчи и апачи убили сотни мексиканцев, украли тысячи голов скота и похитили несметное количество женщин и детей. В большинстве мексиканских штатов, а особенно в Чиуауа и Соноре, награды за скальпы увеличились в несколько раз. Теперь цена составляла двести американских долларов за одну «квитанцию».

Джеймс Ли Кобб, как и многие другие солдаты, внезапно обнаружил, что работает на то самое правительство, отставки которого он добивался, сражаясь на войне. Всё регулировалось комитетами и инспекторами.

Мексиканские власти для предотвращения мошенничества установили новые правила: теперь скальп обязательно нужно было сдавать с теменной частью и с обоими ушами. Это не позволяла охотникам за наживой растягивать скальпы и разрезать один на несколько частей, получая прибыль за каждый кусок.

Кобб работал с командой, состоящей из него самого, двух бывших тexasских рейнджеров и трёх индейцев шауни, которые были экспертами в снятии скальпов.

Они охотились на апачей, команчей и даже на индейцев сери. Они снимали скальпы с мужчин, женщин и детей, не щадя никого.

Поскольку работать было легче со свежеебитым телом — живые почему-то яростно сопротивлялись снятию скальпа — Кобб и его парни обычно всаживали в них несколько пуль.

Прямой выстрел в сердце упрощал всем жизнь. Когда жертва падала, как подкошенная, можно было сразу приниматься за дело, а не ждать, пока они истекут кровью от множества смертельных ран. Ведь охота за скальпами — это такой же бизнес, как и любой другой, а время — деньги.

Конечно, чтобы сэкономить время, можно было перерезать им горло или заколоть ножом.

На женщин и детей можно было накинуть лассо, как на скот, а потом, когда они в панике начинают носиться из стороны в сторону, пристрелить.

«Свалить с ног и освежевать», как любил поговаривать Кобб.

Для мужчин-храбрецов требовался другой подход.

Иногда Кобб и его парни устраивали тщательно подготовленные засады на охотничьи отряды, и тогда стрельба из винтовки на дальнейшее расстояние была незаменима.

Шауни прекрасно обращались со скальпами. Они надрезали кожу вокруг темени, а затем, упёршись ногами в плечи жертвы, сдёргивали кожу одним куском. Они могли бы освежевать десяток индейцев в рекордно короткий срок.

Конечно, Кобб и тexasцы тоже не ленились работать.

После снятия скальпы выдерживали в солёной воде и затем высушивали на столбах, чтобы сохранить их в приличном виде до момента «обналичивания».

Однажды в Дуранго охотники Кобба убили отряд из тридцати храбрецов, застрелив их в лощине из винтовок. После того, как они их «свалили и освежевали», они отправились в лагерь индейцев и убили ещё не менее шестидесяти женщин и детей.

Хотя, по правде говоря, они провели большую часть дня, обыскивая кусты в поисках сбежавших.

В итоге, бизнес по охоте за скальпами разжёг ненависть и враждебность со стороны индейских племён. Они начали программу кровавых расправ. Именно это в большей степени заставило Кобба и его людей начать охоту на мирные племена, такие как пимы и юмы на территории Аризоны.

За один рейд они сняли почти четыреста скальпов.

Но настоящий бум для них наступил примерно в то время, когда индейцы начали активно охотиться на охотников.

В тот момент Коббу и пришла в голову блестящая идея.

Скальпы мексиканцев выглядели так же, как скальпы индейцев. Не существовало никакого способа определить разницу между скальпами... Так какого чёрта? Пусть мексиканцы заплатят за убийство собственного народа.

Это была гениальная мысль.

Но один из техасцев, парень по имени Грендон, был не совсем в восторге от этой идеи.

— Я не знаю, — пробормотал он. — Ну... Чёрт, одно дело убивать индейцев, но мексикашки... Они же почти как люди...

— Ты же убивал их во время войны, так? — спросил его Кобб. — Так в чём разница? Они же не люди, они — индейцы, которые возомнили себя белыми! Ещё одна причина свалить их и освежевать. Чёрт возьми, сынок, этот урожай только и ждёт, когда его соберут! Пойдём с нами, и ты горя знать не будешь.

Остальные согласились более охотно, особенно Кулан — крупный бывший рейнджер, который, как говорили, обезглавил не менее двух десятков мексиканских офицеров во время войны, используя только охотничий нож с коротким лезвием.

Но Грендон не смог смириться с такой моралью и этикой, поэтому они просто пристрелили его, а Кулан в шутку снял с него скальп.

Они напали на мексиканскую деревню и заперли всех жителей в церкви. Они атаковали верхом, нажимая на спусковые крючки и бросая ножи и топоры, пока руки у них не заболели, пистолеты не задымились, а мертвецы не завалили кучами все улицы, как снопы пшеницы.

Им потребовалось почти четыре часа, чтобы снять скальпы со всех двухсот жителей, но они взялись за дело с усердием и рвением, присущим профессионалам. Они прочесали всю Центральную Мексику и собрали столько скальпов, что начали связывать их в связки.

В 1850 году, как раз перед тем, как грянул бум, они въехали в Сонору с почти восьмью тысячами скальпов, сложенных в кузове фургона.

Вскоре после этого дело со скальпами пошло наперекосяк, и Кобб уехал из Мексики, потому что из-за убийства мексиканцев власти объявили за его голову награду.

Но, как сказал сам Кобб, это было весело.

* * *

Следующие двадцать с лишним лет его жизни прошли в мгновение ока.

Кобб угонял скот и лошадей. Работал детективом на различных скотоводческих предприятиях, наёмным убийцей для всех, кто готов был платить. Он грабил банки и дилижансы и сделал себе на этом имя.

Его арестовывали не менее трёх раз, и каждый раз он избегал петли, сбегая из тюрьмы.

Он служил разведчиком во время индийских войн, продавал оружие перебежчикам-апачи и управлял борделем в Сан-Франциско.

Но всё это резко оборвалось, когда выяснилось, что он и его подчинённые не только грабят своих клиентов, но и убивают их, а останки хоронят в подвале.

После этого он сновал по индейской территории, воруя, убивая и заставляя индейцев и белых платить деньги за то, чтобы на них не нападала его банда.

Его имя внушало страх от Мексики до Арканзаса.

А потом в 1873 году... он проиграл пять тысяч долларов в карты в Дедвуде, штат Дакота. Проиграл профессиональному игроку по имени Мэйнард Эллсворт.

Кобб вытащил топор и расколол голову Эллсворта.

После этого он прожил свою жизнь в бегах.

Но в 1875 году его арестовали за вымогательство в горах Биг-Хорн на территории

Вайоминга и приговорили к пяти годам в территориальной тюрьме.

Из которых он отсидел каждый день.

Как сказал надзиратель в Совете по условно-досрочному освобождению, *«Джеймс Ли Кобб полностью лишен всех качеств, которые можно было бы хоть отдаленно назвать человеческими. Он, джентльмены, воплощение того, от чего нужно очистить наши земли — от существ, которые ходят как люди, но думают как животные».*

Когда Кобб вышел, избегая охотников за головами и многочисленных ордеров, выписанных на него под различными псевдонимами, он присоединился к трём мужчинам — Джоне Глиру, Лоуренсу Барлоу и Бутчу Нулану — в специфическом предприятии.

Кобб вынудил их следовать за ним в Сьерра-Неваду, чтобы отыскать золотую жилу, о которой он слышал в тюрьме.

Проблема была в том, что Кобб на самом деле не знал, где она находится. Просто голос в его голове сказал ему, что в горах Сьерра-Невады он найдёт свою судьбу.

Голос был не тихим и не внятным, как обычно, а вполне чётким и уверенным, поэтому Кобб к нему прислушался.

И отправился в горы.

И так круг замкнулся.

— 6-

Прошло шесть недель.

Шесть недель Кобб сидел в горах и просто ждал. Глир, Барлоу и Нулан ждали вместе с ним, хотя Барлоу и предложил героически прорываться через снег, занёсший проход и заперший их у подножья вершины.

Никто его не поддержал. По крайней мере, пока.

Пока они ещё недостаточно отчаялись.

Но отчаяние уже приближалось; Кобб видел это по их обветренным, потрескавшимся лицам, обожжённым морозными ветрами и минусовыми температурами. В их глазах плескалась горечь, злость и беспокойство, грозившие выплеснуться наружу.

Всю прошлую неделю внутри каждого из мужчин бушевало это ядовитое варево, кипящее на дне бездонных ям души. Вариво, которое с каждым днём всё быстрее просачивалось на поверхность.

В тесной деревянной лачуге, занесённой снегом, оно вскоре стало практически осязаемым.

За последние три дня никто из них не произнес ни слова. Они достигли того момента, когда выбор был сделан за них. Природой. Господом Богом. Той жестокой силой, которая заточила их в горах, не оставив ни единой надежды на спасение.

И, естественно, напряжение усиливалось из-за всеобщей ненависти к Коббу. Хоть никто и не произносил это вслух, мужчины винили Джеймса Ли в своём затруднительном положении. Ведь именно он настоял на том, чтобы отправиться в эту чёртову шахту в январе, и теперь, когда их занесло, им оставалось только сидеть... и ждать.

Ждать и сходить с ума.

Да, им всем были знакомы понятия этики и морали, но эти слова умерли в этой безбожной, нечестивой пустоши.

Глир отвечал за ловушки.

Барлоу каждое утро выходил с винтовкой на охоту.

Кобб и Нулан рубили хворост для костра.

Но еды не было, а пламени очага и горячей воды не хватало, чтобы убить голод.

Мужчины похудели и напоминали скелеты, обтянутые пергаментной кожей. Глаза запали в глазницы. Щёки втянулись, обтягивая челюсти. Зубы расшатались, а костлявые пальцы превратились в скрюченные лапы.

Они уже съели лошадей. Даже сварили суп из копыт.

Барлоу посасывал свой кожаный ремень, а Глир жевал ножны из оленьей шкуры.

Существовавшее в этих стенах безумие зародилось из голода.

Из одиночества.

Из отчаяния и безысходности.

Дичи не было, а тех нескольких кроликов, что поймал Глир на прошлой неделе, еле хватило, чтобы отогнать муки голода на несколько часов.

Им нужно было мясо. Настоящее мясо.

Их животы молили об этом, а зубы разочарованно скрежетали. Их языки облизывали потрескавшиеся губы, мечтая о бифштексах из оленины и говяжьих голеньях. О непрожаренных стейках с кровью.

Из всех них только Кобб воспринял заточение спокойно.

Что-то внутри него радовалось тяжёлому положению остальных. Он наслаждался тем, как они медленно превращались в живые скелеты, отвратительные фигуры, которые выглядели бы совершенно естественно — или неестественно — бредущие от ворот кладбища, беспокоясь о своих собственных саванах.

По мере того, как рос их голод, социальные и нравственные устои рушились один за другим.

Мысли их были только о мясе. Сны — о нём же.

В этой продуваемой всеми ветрами преисподней с заснеженными вершинами, завывающими ветрами и ревущими метелями существовал только один способ добыть мясо.

Один последний, немислимый способ.

Кобб его ждал.

Он уже видел это в мёртвых озерах их глаз. Видел, какие взгляды они бросали на него и друг на друга.

Желание выжить разрушило любые существовавшие между ними узы.

Мужчины понимали своим воспалённым, безумным мозгом, что весной из этой хижины выйдет лишь один.

Ими владел голод. Запретная жажда плоти себе подобных. Она явственно ощущалась в тесном, замкнутом помещении хижины... Её тяжёлый, кислый, мерзкий запах, отравляющий сам воздух.

Может, всё дело было в голоде. Может, именно он вызывал эти жуткие мысли в их головах. А может, это было что-то иное...

Может, это было то, что они нашли в пещерах.

Или то, что нашло их.

* * *

Первым это выяснил Барлоу.

Он был на охоте с Нуланом. Они оба ввалились в хижину, продрогшие и измученные, с

широко распахнутыми от страха глазами. Они стояли на пороге, обутые в снегоступы, сжимая в руках винтовки и не закрывая двери, и за ними на улице бушевала метель и завывала смерть.

— Что такое? — рыкнул на них Кобб. — Ради бога, хватит стоять столбом! Что вы нашли?

Возможно, глубоко внутри он надеялся, что они нашли шахту... Но сам в это не верил. Потому что то, что он видел в их глазах, не предвещало ничего хорошего. Даже если бы на них напал полк индейских мертвецов, они бы не выглядели такими мрачными и напуганными.

— Идём с нами, — произнёс Нулан. — Просто идём с нами...

И вот, закутанные в буйволиные шубы и медвежьи шапки, спелёнутые, как младенцы, со всем своим снаряжением, они пробивались сквозь сугробы и ветра, которые пытались сбросить их с узких тропинок вдоль зубчатого утёса.

Мир вокруг был белым, огромным и измученным.

Серое предгрозовое небо нависало прямо над скалами, и сложно было сказать, где заканчивалось одно и начиналось другое.

Нулан подвёл их к небольшому входу в пещеру, расположенному в основании известнякового утёса со скалистыми стенами и выступающим навесом, который, казалось, мог упасть и раздавить их в любой момент.

Кобб заметил ведущие вдаль следы от снегоступов. Они выглядели так, словно их обладатели старались как можно быстрее оказаться подальше от входа в пещеру.

— Ну, и что за хрень? — выдохнул Кобб облачко пара, которое тотчас зависло в воздухе. — Вы наткнулись на золотую жилу или на самого Дьявола во плоти?

— Просто войди внутрь, — прошептал Барлоу.

Кобб пошёл первым, за ним по пятам следовал Глир. Оба фыркали и пыхтели, пытаясь пролезть по-пластунски очередной метр. Шахта была настолько узкой, что другого способа передвижения не находилось. В тяжёлых шубах и меховых штанах сложно было передвигаться быстро, поэтому путь до центральной шахты занял какое-то время.

Они словно очутились внутри бутылки, заткнутой грязной тряпкой.

Там было темно, хоть глаз выколи.

Кобб окликнул Глира, и его голос эхом отразился от высоких сводов.

У Глира был фонарь. Он чиркнул спичкой о стену пещеры и поднес её к фитилю, регулируя пламя.

Пещера была большой, тут рядом могли поместиться два грузовых фургона. Пологий, усыпанной галькой склон вёл в другую, такую же тёмную каверну.

Кобб огляделся и рассмотрел кучи гранита и гравия и огромные массы скальных пород, упавших с потолка много лет назад. Больше ничего примечательного не было.

И всё же... Всё же здесь что-то ощущалось. Что-то необычное.

Он чувствовал это так же, как обычный человек чувствует свою кожу или яйца, болтающиеся между ног.

Здесь было нечто. Нечто важное. Нечто тайное.

Глир поднял вверх фонарь, и по стенам заскакали причудливые фигуры из теней. Или поднимались и опускались, ныряли вниз и подпрыгивали вверх.

Кобб облизал пересохшие губы.

Внутри было теплее, чем на улице, и льдинки в его бороде начали таять, а вода закапала

на куртку.

— Ну и какого хрена вы здесь нашли? — поинтересовался он. — Здесь только грязь и камни, и больше ни хера.

Но они оба знали, что это не так; оба чувствовали, что здесь что-то есть, но боялись облечь свои мысли в слова. Мужчины застыли в ожидании, с беспокойством вглядываясь в темноту. Как человек, который сидит возле палатки и чувствует, что кто-то кружит вокруг костра.

Кто-то большой. Кто-то жуткий. Кто-то дикий и зубастый.

Кобб не чувствовал страха. Он всегда говорил себе, что страх — это его вдохновение, а не беспокойство. Возможно, это была чистая правда, а возможно — полная хрень, но в эту секунду он действительно не боялся. Потому что голос его голове шептал: *«Да, да! Это именно то, что ты искал!»*

Где-то в этой пещере и коридорах Кобба ждало откровение.

— Здесь ничего нет, — надтреснутым голосом произнёс Глир. — Так что давай...

— Нет, есть... ты был прав, — Кобб посмотрел на Глира; пылинки кружили вокруг него, как мошки. — Разве ты не чувствуешь?

— Да... Да, думаю, чувствую.

Коббу он напоминал запах разложения. Сладкий аромат гниения, похожий на мусорное ведро, наполненное испорченной картошкой, или на раздутый мухами труп, выброшенный на берег реки. Влажный, резкий запах, которому не место в этом сухом, обезвоженном месте, где даже воздух пах пылью и сухостью.

Глир тяжело сглотнул.

— Мне это совсем не нравится. Давай выбираться отсюда к чёртовой матери.

— Идём за мной, — произнёс Кобб.

Он последовал за запахом, как за восхитительным ароматом, позволяя ему привести себя в сердце этого места, в его «кухню», где томятся и кипят на огне вкусности.

Он двинулся вверх по склону, осторожно обходя острые выступы скал и перешагивая через плоские обвалившиеся камни. Вместе с Глиром они двинулись вверх по узкому извилистому коридору, задевая меховыми шапками потолок.

И в следующей пещере они увидели...

Они увидели кости. Некоторые принадлежали животным, но в основном кости были человеческими.

Посреди помещения в полу находилась выдолбленная кирками и лопатами яма глубиной пять-шесть метров, заполненная костями. словно гигантская кремационная урна. Погребальная яма для бедренных и лучевых костей, для позвонков и рёбер. И черепов...

Господь милосердный, там были сотни черепов. И взрослых, и детских.

И единственное, что у всех этих костей было общего, это то, что они обуглились... как будто их поджарили.

Почерневшие черепа уставились на них пустыми глазницами, намекая на омерзительные тайны, которые они не хотели раскрывать.

Внезапно одна из лопаток пошатнулась и вызвала обвал наваленных сверху плечевых и бедренных костей. Череп с отсутствующей нижней челюстью упал со своего места и ухмыльнулся Коббу с Глиром.

— Оно движется, — Глир, как замороженный смотрел на яму. — Мать божья, заступница Мария... Там что-то движется!

Ему хотелось выхватить свои револьверы и опустошить весь барабан в то, чему он не ведал имени.

Он был из тех, кто сражался с неизвестным голыми руками, топорами и пистолетами. А тому, что лезло из глубин, он не мог найти определения.

— Они уже давно мертвы, — произнёс Кобб. — Просто пошатнулись и обвалились. Если бы на месте костей были обычные камни, ты же не испугался бы, так?

Глир сделал глубокий вдох и взял себя в руки.

— Думаю, нет.

— Вот видишь? А эти кости причинят тебе не больше вреда, чем камни.

Но вслух он хотел сказать, что у него было странное, необъяснимое чувство, что то, что было в пещере, что скрывалось и шепталось вокруг них, могло заставить эти кости сдвинуться с места.

И могло принести им кучу неприятностей.

А может... Чёрт побери, может, оно могло заставить эти скелеты встать и пойти!

Кобб и Глир обошли эту пещеру и нашли вход в третью. Она была такая же, как и предыдущая.

Кости повсюду. Кучи, кучи костей.

Их владельцы были уже давным-давно мертвы.

В каменную плиту высоко наверху были ввинчены какие-то металлические кольца. С них свисали куски старой пеньковой верёвки, напоминавшие мёртвых змей. На некоторых из них болтались потемневшие мумифицированные конечности. Как будто людей подвесили и оставили умирать, а потом их тела гнили и распадались, пока не остались висеть только руки, привязанные к верёвкам.

Кобб коснулся одной из верёвок, и она начала разваливаться прямо у него в пальцах.

— Это место чертовски старое, — произнёс Глир с придыханием, не сводя глаз в канатов почти в религиозном экстазе. — Очень, очень старое. Ты только посмотри сюда, Джимми! Думаю, эти пещеры вырублены индейцами прямо из гор.

Кобб изучил грубо вытесанные стены: они действительно были выбиты из цельного камня. Естественной из всех трёх пещер была лишь первая; в двух других явственно читалась работа инструментов.

Глир издал странный звук — что-то среднее между рвотным позывом и смешком.

Он осветил фонариком стены. На них были изображены примитивные рисунки и гравюры. В основном это были изображения медведей, горных львов и буйволов. Кобб видел подобные изображения и в других пещерах на юго-западе. И иногда даже на севере, в Монтане или Дакоте. Стада животных. Фигурки людей, охотящихся на них. Танцы у костра. Основные моменты жизни племени.

Но Глир, мать которого была наполовину чикасо, казалось, был ими очарован. Он переходил от одной картинке к другой, изучал их, хихикал и бормотал что-то себе под нос.

— Смотри! Смотри! — говорил он. — Вот здесь, внизу, изображения самые старые. Они уже выцвели, истёрлись... Чёрт, да им сотни и сотни лет, если не больше! Может и тысячи...

Он начал тяжело дышать и облизывать губы, следуя за рисунками на стенах и освещая их фонарём.

— Иди сюда, Джимми Ли. Иди сюда, и ты сможешь лучше их рассмотреть. Здесь, повыше, картинки уже не такие старые. Но всё равно, им уже много, много, много лет...

Но Кобб по-прежнему не был впечатлён. Обычные художества индейцев. И что с того?

Но Глир был другого мнения. Он подробно объяснил, что всё это значит; что рассказывает им скала, и как она протянулась сквозь века, решив поведать им историю жизни, давно ушедшей с этих холмов.

Охота. Рыбная ловля. Битвы с врагами. Рождение. Смерть. Религиозные обряды. Браки. Похороны.

Глир сказал, что это настоящая книга о жизни, если уметь её читать — а это было, с его слов, проще простого.

— Вот это, похоже, деревня, — прошептал Глир, указывая на скопление домиков. — Интересно, что за чертовщина с ними произошла?

— Наверно, они остались там, в низине, засыпанные снегом. Точнее, то, что осталось от поселения, — продолжал Глир, идя вдоль стены. — Видишь? Видишь это?

Кобб видел. Он достал сигару и прикурил, начиная понимать, что это не простое глупое индейское первобытное искусство.

— Они... они работали в горах. Прокладывали тоннели. Возможно, даже эти...

Кобб рассмотрел нарисованных человечков за работой. С помощью примитивных кирок, лопат и корзин они выдалбливали из камня пещеры. Фигурки людей были повсюду и напоминали копошащихся в муравейнике муравьёв.

Глир был по-настоящему возбуждён.

— А вот здесь... Джимми, смотри, вот прямо здесь что-то случилось! — сказал он, тыча в стену грязным указательным пальцем.

— Что?

Глир сказал, что всё дело в страшном, злом колдовстве. На это указывали все знаки и символы ведьмовства.

Кобб рассмотрел нечто похожее на другую пещеру. Она напоминала яму с зазубренными краями, из которой выползали клубы то ли дыма, то ли тумана.

— Катастрофа, — произнёс Глир. — Видишь? Все фигуры лежат на земле. Мёртвые.

— Наверно, газ. Они докопали до залежей газа.

— Нет... Нет, думаю, всё намного хуже.

Он тяжело дышал, сметая пыль и песок со стен. Он чувствовал, что приближается к чему-то, но пока не мог осознать, к чему именно...

— Вот здесь... Это не газ... Что-то другое... Они выкопали что-то из земли, что-то ужасное...

Теперь и Кобб стал пристально изучать картинки.

Рядом было ещё одно изображение: всё та же яма с изъеденными краями и выползающим наружу туманом. Только теперь можно было различить, что туман сгустился над живыми и мёртвыми, как грозовая туча. Грозовая туча из черепов и дьявольских ликом.

Рисунки продолжались: облако выползло из пещеры и остановилось над деревней.

— Оно добралось и до них, — прошептал Глир, широко раскрыв глаза. Фонарь раскачивался в его дрожащей руке, а испещрённое морщинами лицо посерело. — Оно добралось до них, Джимми! Разве ты не видишь? Не видишь?

В этом месте рисунки резко обрывались, и новых не было.

Кобб не мог разобраться, что с ним происходит. Что-то ползало и скручивалось у него в животе, как черви, и от этого у него кружилась голова. Родимое пятно на спине горело и пульсировало.

Что-то с ним происходило, но он не понимал причины. Пока не понимал.

Индейцы что-то копали и добывали. Они прорубились глубоко в горну, отыскивали пещеру и вломились в неё... И тогда что-то вышло наружу.

То, что убило многих из них.

Нечто действительно жуткое вышло из-под земли.

Глир почти тронулся умом. Он бегал вокруг, держа в руках кости и черепа, размахивая бедренными и большеберцовыми костями. Затем он поставил фонарь на край ямы и нырнул во все эти кости, как безумный пловец в могильное море. Он грёб и расшвыривал, искал и сортировал их. Он водил пальцами по гладким черепакам, заглядывал в глазницы, постукивал по пожелтевшим зубам в изъеденных временем челюстях. Он гладил рёбра и сочленения грудины и смотрел на почерневшую тазовую кость, будто она принадлежала ему.

— Вылезай оттуда! — крикнул Кобб. — Чёрт, да ты сходишь с ума!

Глир выкарабкался наружу; кости падали за ним с сухим треском.

Кобб схватил его за шиворот и повалил на пол.

— Я не сошёл с ума, Джимми! Просто... Чёрт, теперь я знаю! Я понимаю! — он начал хихикать, и слюна струйкой потекла из уголка его рта, а всё тело начало трястись. — Эти кости... Ты только взгляни на них! Ближе, ближе!

Кобб посмотрел. И понял.

Все кости, лежащие в яме, были испещрены крохотными зарубками, порезами и царапинами. Кто-то резал и рубил их владельцев. А может, и хуже... потому что он обнаружил на них следы зубов.

— Каннибалы, — тихо сказал Кобб. — Совсем как на островах в Тихом океане, о которых я читал в детстве. Людоеды...

— Совершенно верно, сэр, совершенно верно! — Глир всё ещё смеялся, но на глазах у него выступили слёзы. — Но они сделали это не сами, Джимми Ли, нет, сэр! То, что они выкопали из земли... что бы это ни было... это изменило их, завладело их дикими языческими умами и превратило их в монстров...

Кобб схватил Глира и потащил вон из пещеры.

Тот бредил не переставая.

И, возможно, всё дело было в воображении Кобба, но ему казалось, что удушливый, едкий запах в пещере стал ещё сильнее. Ещё отвратительнее.

Будто он спал много лет, а сейчас, когда его потревожили, вновь начал разлагаться.

* * *

Кобб вытащил Глира наружу, и с помощью двух других мужчин потащил его обратно в хижину.

Глиру было совсем худо. Им пришлось приковать его к стене цепями, сорванными с бобровых ловушек, и прибить цепи к брёвнам. Он трясся и бормотал, как сумасшедший; слышал, как снаружи скребутся какие-то существа, которых никто, кроме него, не мог услышать. Он разговаривал с людьми, которых не было рядом. Говорил, что вернётся к корням своей матери, и просил защиты у Великого Духа.

Мужчинам ничего не оставалось, как оставить его на неделю в кандалах — изгаженного, визжащего и пускающего слюни.

— Думаете, я сошёл с ума, да? Думаете, я растратил последние крупы разума, не так ли? — бормотал он одним ненастным вечером, когда порывистый ветер сотрясал стены

хижины. — Но я не безумен. Потому что я знаю, что там было... Я чувствовал это тогда и чувствую сейчас. Может, ты, Кобб, или ты, Барлоу... Может, вы и не понимаете, о чём я говорю. Но Нулан... Не знаю, Нулан... Оно должно было коснуться и тебя, как коснулось тех индейцев. Я не говорю, что это было... но он добрался до одного из нас, потому что я чувствую его запах! Слышишь? Я чувствую его запах. Один из вас. Да, сэр, вы знаете, о чём я говорю, потому что вы просто ждёте, когда погаснет свет, чтобы можно было сожрать других. Я знаю это! Я знаю это! О да... Ха, Боже мой, мой дорогой Господь Иисус, эти индейцы, эти индейцы. Жарят младенцев, высасывают мозги из черепов и жуют плоть детей... жрут, жрут. Отдают своих дочерей в жертву тому, кто вышел напрямиком из преисподней...

— Заткнись, мать твою! — в конце концов, не выдержал Барлоу. — Закрой пасть, или я тебя грохну. Клянусь Богом, я тебя грохну!

К этому времени Глир сидел в печёнках уже у всех. Даже у Кобба. Но по холодной усмешке на его лице об этом было сложно догадаться.

Нулан успокоил Барлоу и вывел его на улицу подышать свежим воздухом, поскольку это было единственное, чего у них было достаточно.

Когда они вышли, в хижине остались лишь Кобб и Глир.

В очаге потрескивали дрова. В воздухе стоял густой запах дыма, обугленных поленьев и немытого тела. Единственное, чем не пахло в этой хижине — это едой.

— Ты должен взять себя в руки, Глир, — сказал ему Кобб, — если ты станешь продолжать в том же духе, один из парней тебя застрелит.

Глир кивнул, играя со сковывающими его цепями и пропуская звенья сквозь пальцы.

— Знаю, знаю... но мне страшно, Джимми Ли. Мне чертовски страшно. Я думаю.. думаю, что один из нас просто не тот, кем кажется. Это «нечто» вошло в него... внутрь него... и этот человек теперь монстр...

Кобб на мгновение задумался и пожал плечами.

— Возможно, ты прав, — кивнул он. — Возможно, нам с тобой нужно присматривать за этими двумя.

* * *

Со временем Глир пришёл в себя.

Барлоу удалось убить нескольких волков. Конечно, звери были тощими — кожа да кости, но неделями не видевший мяса желудок был рад и такому.

Нулан приготовил сытный суп из крови и жира, и хоть вкус у него был отвратительный, свою функцию он выполнил.

Съев суп и мясо, Глир пришёл в себя.

С него сняли кандалы. Но продолжали следить. По сути, каждый следил за каждым. Они старались держаться все вместе, вчетвером. Словно боялись остаться вдвоём, наедине с кем-то вторым. А если один мужчина натыкался на другого в лесу или в горах... Что ж, лучше было крикнуть и предупредить о своём приближении заблаговременно.

Ибо в этих тёмных и мрачных лесах только виновные крались тихо и старались остаться незамеченными.

* * *

Неделю спустя после освобождения Глира дела пошли ещё хуже.

Ветер непрерывно тряс хижину. Он поднимал снежные пласты с земли и вновь расшвыривал их по всей округе. Видимость снаружи уменьшилась до двух-трёх метров. Воздух был неестественно холодным. Иногда ветер приносил с собой странные звуки, похожие на плач или крик. Голоса поющих вдалеке детей.

Глухой ночью тоже раздавались жуткие звуки... словно кто-то поднимался по крыше или скрёбся в закрытые ставнями окна. Стучал в стены.

Снаружи, на снегу, по утрам мужчины находили странные, искажённые следы. Они внезапно начинались и так же внезапно заканчивались... Словно оставившее их «нечто» спускалось сверху, с холодных звёзд, а потом запрыгивало туда обратно.

По ночам было слышно, как Нулан и Барлоу молятся шёпотом.

Глир просто молча прятался под лосиными шкурами.

А Кобб... Кобб просто ухмылялся, склоняя голову к плечу, словно прислушиваясь к чему-то. Ведь у него были от других секреты.

Остальные не знали, что он ускользнул в ту ночь, когда они нашли пещеру. Не знали, что он ползал там холодной, тёмной ночью; бродил с фонарём среди костей. Они и не подозревали, каково ему было, когда от дрожащего сердца горы поднимался густой зловонный запах и окутывал его, как трепещущее вонючее одеяло. Как оно удерживало его, соединяя с чем-то, что уже давным-давно скрывалось глубоко внутри него.

С тем, что было посеяно в его душу, как мерзкое семя, его жутким отцом.

Кобб нашёл то, другое, спящее в пещере, и стал с ним единым целым.

Ибо Глир был прав — среди них жил монстр.

И он становился всё более голодным.

* * *

Прошло три недели с тех пор, как они отыскали пещеру.

Две недели с тех пор, как они съели суп и последние куски волчьего мяса.

С тех пор их животы были совершенно пусты, и что-то в каждом человеке подгнивало с ужасающей скоростью.

Кроме Кобба.

То, что было в нём, уже давным-давно сгнило и превратилось в падаль.

* * *

Кобб был в хижине один. Ну, почти...

Нулан и Барлоу сбежали несколько часов назад.

Они сбежали после того, как, вернувшись с охоты, застали Кобба разделяющим труп Глира; он с улыбкой на лице сортировал куски мяса — одни лучше подойдут на бифштексы, а другие — на жаркёе.

— Проголодались, парни? — спросил он; кровь капала у него изо рта, потому что, чёрт возьми, трудно было делать такую работу, не чувствуя вкуса на языке. — Присаживайтесь и посмотрите, на что способен старый Джимми Ли, когда у него есть всё необходимое.

Барлоу и Нулан замерли в дверях, сжимая в руках винтовки и не отрываясь глядя на

Кобба.

Один из них — Кобб не был уверен, кто именно, — испустил пронзительный вопль, и они вместе выбежали под снег. Чёртовы дураки даже оставили дверь открытой, будто оба родились в проклятом сарае.

Это было три или четыре часа назад.

Но Кобб знал, что они вернутся. Если только они не решили перезимовать в пещерах, но это им явно не понравится.

Одно дело зайти в пещеры на несколько часов, тепло укутанным и с горящим фонарём... Но когда фонарь гаснет и тебя окутывают тени; когда тебя словно поглощает чёрное первобытное море — вот это совсем другая песня, друг мой.

Кобб уже давно закончил с разделкой Глира.

Тот только успел заснуть, как Кобб скользнул к нему, вытягивая на ходу арканзасский нож и бормоча голосами давно умерших индейцев. Джимми Ли перерезал ему горло от уха до уха, и Глир и пикнуть не успел.

Теперь о нём не напоминало ничего, кроме груды окровавленных костей.

Его кожа, тщательно просоленная, сохла на подставке перед огнём.

Внутренние органы были тщательно уложены в чёрную кастрюлю и залиты солёной водой; Глир готовил рагу, которого ему хватит на много-много недель.

Мясо с ягодиц, груди и живота было аккуратно срезано и спрятано под снегом, чтобы дольше оставалось свежим и сладким.

Кровь была слита в ведро для бульона и супа.

Даже жир был сохранён для дела, а связки и сухожилия сохли для нитей и струн.

И сейчас Кобб слушал, как ветер завывает и кудахчет в трубе, и перемалывал мышцы и паренхиматозные органы, чтобы засунуть их в кишечник и сделать колбасу.

Голова Глира лежала напротив. Глаза помутнели, а чёрный язык вывалился из потрескавшихся и посеревших губ. Медвежья шапка всё ещё сидела у него на голове. Несколько жирных прядей волос упали на бледное, забрызганное кровью лицо.

Если бы Кобб очень сильно сосредоточился, то смог бы даже заставить его говорить.

Когда он закончил набивать колбасы, насвистывая какую-то старую индейскую погребальную песню, которую он никогда в жизни не слышал, он откусил кусочек мяса с готовящейся на огне кости.

Одну из ног Глира, тщательно приправленную, он повесил жариться над очагом. Она красиво золотилась и темнела, а капельки жира падали с неё в пламя и шипели.

Насыщенный, мясной запах заполнил хижину и поднялся к дымоходу.

Кобб знал, что запах мяса приведёт остальных домой. У них не будет другого выбора. И он их с радостью примет обратно.

Кобб прикинул, что ещё два убийства — и у него будет более чем достаточно мяса, чтобы продержаться до весны, если он научится правильно консервировать. Если будет держать себя в руках и есть понемногу.

Но он же не дикарь. Он пригласит Барлоу и Нулана преломить с ним хлеб. Он угостит их вкуснейшим мясом, прежде чем разделать на фарш.

Это было по-христиански.

Так что Кобб сидел и ждал, и в его глазах мерцал странный огонёк.

Он вспоминал ту ночь, когда прокрался обратно в пещеру, и что-то подсказывало ему, что это правильно. То, что было там; что скрывалось в трещинах и расщелинах, а может

быть, и в костях, — оно и было той самой причиной, по которой он пришёл.

Не золото. А... нечто. Чем бы оно ни было.

То, что индейцы выкопали из земли.

Он помнил, что всё началось с этого странного запаха. Это был отвратительный аромат; ужасные сладкие миазмы непогребённых трупов и гнилостных могил.

Они коснулись его. Буквально. Он почти физически ощущал их действие. Эта сущность крепко сжимала его в своих объятиях, убаюкивала, как ребёнка, и подсказала, что ему дальше делать. Она шептала, как долго его ждала. Она рассказывала, что он должен жить, не взирая на глупые социальные табу.

Но Кобб пока не слушал её. Не слушал.

Он думал об этом, но пока не был готов.

И эта сущность вдавила его в себя, сжала так, что ему показалось, будто его кости вот-вот выскочат изо рта. Она сказала Коббу, что у него нет другого выбора.

Если он хотел власти... А он ведь хотел, не так ли? Тогда у него был лишь один способ овладеть людьми. Такой же, как и с животными — поедая их. Пожирая их плоть и поглощая всё, чем они были и чем могли бы стать.

Это, по словам сущности, и был путь к несокрушимости и бессмертию.

Но Кобб никак не мог решиться, поэтому это создание решило немного подсластить пилюлю. Оно разговаривало с ним, как со старым другом. Оно не пыталось угрожать или напугать его, оно просто говорило с Джеймсом Ли, легко и естественно.

И, что самое смешное, у него был насыщенный южный, деревенский акцент, как и у родственников Кобба из Миссури. По крайней мере, так Коббу казалось... Или он сам придумал акцент этому шипящему голосу в своей голове?

«Я тебе кое-что расскажу, Джимми Ли. Просто слушай меня и слушайся, ясно? А теперь помолчи, это очень важно.»

Когда-то здесь, на этих холмах, жили индейцы. Просто обычные дикари. Это были какие-то дальние родственники шононов, которые называли себя Макабро.

В общем, милый мой, эти Макабро со временем начали рыться в земле, как черви в гнилом мясе, и выкопали то, что вообще не должны были находить. Оно выскочило, сказало им: «Здрасьте, как дела?» и накрыло с головой, как Иисус своими проповедями.

И теперь это существо здесь, влезло им под кожу.

Они пытались убежать, как перепуганные янки под Джорджией. Думаю, ты помнишь? Ты же не забыл то жуткое создание, встречавшееся тебе дома в Миссури?

Это существо было таким же.

Эта тварь была не лучшим соседом.

Она глубоко пустила когти в сердца индейцев. Макабро принадлежит ей — в этом я уверен, как и в том, что Христос умер на кресте.

А теперь, милый мой, я расскажу тебе ещё кое-что...

Эти индейцы начали питаться человеческим мясом и приносить своих первенцев в жертву. Шаман проводил ритуалы над ещё живыми, плачущими, вырывающимися младенцами.

Да, милый мой, над собственными детьми. Но и над взрослыми тоже. Над кем угодно. И над девственницами, да... Хе, этот сукин сын из-под земли очень любил молодых девочек.

А Макабро всегда сражались с другими племенами — то с одними, то с другими. Когда они ловили кого-нибудь из врагов, они приносили их в жертву: прибавляли их к столбам вниз

головой и либо предавали огню, либо оставляли гнить там до скончания веков.

Подожди, подожди, милый мой... Это ещё не всё.

Видишь ли, эти Макабро... они начали выкапывать своих мертвецов и мертвецов всех, кого могли найти. Начали поклоняться костям и черепам. Сделали из них алтари и вытворяли такое, о чём ты даже слышать не захочешь.

Эти индейцы были больными на всю голову.

И у них была куча шаманов. Или жрецов — как правильно назвать это мерзкое отродье, убивающее детей?

Их слово решало всё.

А грязная толпа с жирными, сальными жгутами волос, похожими на змей, скакала вокруг них и впитывала каждое слово. Они пели богохульные, нечестивые песенки, носили маски из черепов и рвали зубами сырое мясо, да...

Эти шаманы контролировали всё и вся.

На их телах были вытатуированы змеи, символы и знаки ведьмовства — то, что они называли «Кожным лекарством». Какие-то заклинания и магические формулы, написанные прямо на теле. Поговаривали, что с помощью «Кожного лекарства» эти краснокожие дьяволы могли управлять духами умерших и превращаться в зверей-людоедов в любое время, когда им заблагорассудится.

Теперь глубоко в ночи при полной луне жрецы Макабро разводили большие костры, и индейцы танцевали голыми на снегу, пока шаманы зачитывали заклинания с собственной кожи.

Индейцы, захваченные у других племен, будут убиты, а их плоть съедена, и снег окрасится в багровый цвет от их пролитой крови.

А если кому-то из индейцев Макабро удастся пленить молодого юнца из вражеского племени, они с удовольствием съедят этого жирненького, упитанного агнца, запеченного прямо на костре.

Ну вот, милый мой, ты и понял всю суть.

Эти индейцы были сумасшедшими, да; но они были наполовину правы в том, что заставляли другие народы поглощать всё, что у них было.

Все Макабры до единого были уничтожены племенем юта ещё две сотни лет назад, но то, что ты нашёл в этой пещере — это их наследие, да, милый мой.

Тех индейцев, что не были убиты на поле боя, племя юта загнало в пещеры и сожгло заживо, засыпав их костями выдолбленные ямы.

Да, в пещере... Думаю, это было вполне уместно, ведь именно в ней прежде проводилось большинство жертвоприношений...

Теперь ты понимаешь, малыш Джимми? Понимаешь? Понимаешь?»

Кобб мало что помнил о произошедшем. Но он понимал, что больше не был прежним.

Иногда он был самим собой, иногда — частью того, что оплодотворило его мать, а иногда — частью той безумной сущности из пещеры.

А иногда — все трое были едины.

* * *

На следующий день и все последующие дни Кобб просто сидел, ждал и строил планы,

как получит ещё больше крови, мяса и костей.

Вот как всё произошло.

Кобб запихнул в рот кусок мяса и подошёл к вертелу, чтобы перевернуть жарившуюся ногу Глира. Он ткнул в неё вилкой, и из мяса потёк горячий прозрачный сок. Значит, всё готово.

В животе у Кобба заурчало. И тут он услышал какой-то шорох за стенами хижины.

Он ухмыльнулся, и глаза его вспыхнули адским огнём.

Это были Барлоу и Нулан. Они старались подкрасться тихо и незаметно, как краснокожие дикари. И они неплохо справлялись, но Кобб их всё равно услышал.

Услышал звук их шагов, ломающих снежный наст. Рёв крови в их венах. Биение их сердец. Но сильнее всего он слышал запах их страха, и для него этот аромат был настолько опьяняющим, как только что откупоренный односолодовый виски.

Кобб принялся накрывать на стол.

Они ворвались оба в хижину, пока Джимми Ли стоял к спиной к двери. Они наставили на него пистолеты дрожащими от холода руками, а грязные уставшие лица были перекошены от ужаса.

— Ты просто безумный, грёбаный сукин сын, Кобб, — произнёс Барлоу. — А теперь очень медленно и осторожно вытаски свой пистолет из-за пояса... левой рукой... и брось его на землю...

Но Кобб только хихикнул.

— Прекрати эти разговоры, друг мой. Я просто накрываю на стол. Я хочу, чтобы вы оба посидели со мной и хорошо поели. Вы знаете, чего хотите, так зачем бороться с этим? Мы поедим и обсудим всё, как мужчины.

Барлоу и Нулан застыли в замешательстве. Кобб, конечно, сумасшедший, но почему он так чертовски спокоен? И что за странный свет отражается в его глазах? Во всём этом было что-то очень неправильное, и дело было не только в каннибализме.

— Лучше мы его просто застрелим, — прошептал Нулан.

— Это будет не очень-то дружелюбно, милый мой, — ответил Кобб.

— Видишь? Видишь?! Он сумасшедший! Следи за ним, следи очень внимательно, потому что Джеймс Ли Кобб очень быстро управляет со своим кольцом, — забормотал Нулан. — Он может вытаскать его так быстро, что ты...

— Брось оружие на пол, — произнёс Барлоу.

Кобб вздохнул, пожал плечами и потянулся к револьверу правой рукой. Он почти успел вытаскать его, когда две пули разорвали его живот. Но он лишь рассмеялся, когда его кровь закапала на пол. Он сунул палец в дырку на рубашке, как будто обмакнул перо в чернильницу. Вытащил его обратно, облизал...

Его бледное лицо с заострёнными скулами напоминало обтянутый кожей череп, на котором яркими светлячками горели глаза.

Кобб выхватил кольт и, коротко хохотнув, всадил Барлоу пулю прямо промеж глаз, и тот рухнул замертво на пороге хижины.

— А теперь, — повернулся он к Нулану, — почему бы тебе не присоединиться ко мне за ужином? Что скажешь?

Пистолет выпал из ослабевших рук Нулана, и мужчина начал всхлипывать. То, что горело в глазах Кобба, заставило его подчиниться.

Спотыкаясь, он побрёл к столу, глядя перед собой остановившимся взглядом, полным

слёз. Он сел и молча наблюдал, как Кобб снял ногу с вертела и начал её нарезать.

А затем они приступили к трапезе.

Нулан бездумно тыкал вилкой, жевал челюстями, сглатывал, но мозг его превратился в желе. Он ел и ел, а Кобб наблюдал за ним, держа перед собой за волосы голову Глира. И самое ужасное было то, что Глир говорил. Это белое сморщенное лицо говорило...

Глаза вращались в глазницах, а чёрный язык то и дело облизывал губы.

Кобб задавал ему вопросы, и он отвечал сухим, свистящим голосом, рассказывая, каково было внизу, в этой черной смертельной яме, и как все родственники Нулана горели там вместе с ним.

А некоторое время спустя, когда голова Глира закричала, а хижина наполнилась поющими и скандирующими голосами индейцев, Кобб перерезал Нулану горло и выпотрошил его.

* * *

Весной Кобб пешком спустился с гор, и его парфлеш[1] был по-прежнему до отказа набит вяленным человеческим мясом.

После этих событий большинство его путешествий остались неизвестными. Известно лишь, что он собрал команду кровожадных убийц с такими же наклонностями и вкусами, как у него самого. Что они сопровождали его обратно в Миссури, где ему нужно было кое-что забрать.

А позже Кобб отправился к шошонам, теперь уже точно зная, что у него с ними есть кое-что общее.

И где-то по пути он услышал о шамане Змеев по имени Дух Луны...

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ХОРОШИЙ, ПРОКЛЯТЫЙ, БЕЗУМНЫЙ

— 1—

Уиспер-лейк.

Когда Тайлер Кейб встал с кровати и выбрался на улицу, был уже разгар дня, но его всё ещё мутило от воспоминаний об убитой проститутке.

Он стоял перед постоянным двором «Святой Джеймс» и вдыхал холодный воздух, спустившийся с горных вершин.

К этому моменту он не провёл в Уиспер-лейк ещё и суток. В это сложно было поверить.

Мужчина думал о безумном Орвилле дю Чене.

О Джексоне Диркере.

Обо всех странных историях про нападения животных, о которых ему рассказал в «Оазисе» бармен Карни.

О техасском рейнджере Генри Фримане.

О сэре Томе из Англии.

О Вирджиле Клее, лежащем в луже собственной крови.

О тюрьме и Чарльзе Седобровом.

И о Миззи Модин, естественно.

Все эти мысли смешались в его голове, заставляя её гудеть и болеть.

Кейб закурил.

«Интересно, что будет дальше?»

Облизнув губы, он двинулся вниз по грязной, изрытой колеями улице, осматривая город.

Сейчас он в первый раз действительно на него смотрел. Уиспер-лейк был похож на все другие шахтёрские поселения, через которые он проезжал — скопище грязных людей в переполненном городке.

Высоко над городом, цепляясь за возвышенности и окутанные туманом склоны, виднелись вырисовывающиеся стальные копёры[1] и подъемники, выступы разнообразных зданий и возвышающихся навесов. Оттуда постоянно доносился треск, грохот и лязг, словно землю потрошили наизнанку для добычи серебра.

Повозки с рудой постоянно двигались от желобов к нависающим вышкам у самого озера... и там постоянно клубился серый, ядовитый дым, который вырывался из труб и оседал обратно на землю, загрязняя всё вокруг.

Постепенно город превращался в огромную грязную выгребную яму.

Поселение не имело никакого плана постройки — просто беспорядочное скопление бревенчатых зданий и магазинчиков с навесами, палаток и деревянных лачуг с крышами из тростника и веток кустарников; меж построек вился лабиринт пересекающихся грунтовых дорог, которые ныряли в небольшие овраги и взбирались на невысокие холмы.

Нет, в городке было несколько кирпичных зданий и сложная система дощатых тротуаров. Но в Уиспер-лейк гостиницы беспорядочно чередовались с мотелями, пробирные конторы — с салунами, бордели — с церквями, а лесопилки — с зажиточными особняками, и всех их объединяла единая ветка Тихоокеанской железной дороги.

Всё — от уборной до мясного рынка — было загрязнено сажей из шахт и очистительных заводов.

Дороги были заполнены лошадьми и повозками, старателями и предпринимателями, иммигрантами, толкающими телеги, и грязными детьми, гонящими мячи палками.

Кейб видел дам с зонтиками, сбившихся в перешёптывающиеся группки, и проституток в исподнем, выливающих прямо на улицу ночные горшки.

Шахта гремела, люди кричали и разговаривали, и всё это создавало непередаваемую какофонию.

В отличие от других пограничных городков, здесь очень немногие бездельничали. Все были заняты зарабатыванием денег, и слоняться без дела было некогда.

Кейб, сапоги которого были заляпаны грязью до самого верха, ступил на дощатый настил, а затем снова спустился вниз, уступая место трём пожилым прогуливающимся дамам.

Он коснулся края шляпы в знак приветствия.

Мимо него с рёвом пронёсся грузовой фургон, чуть не сбив с ног группу чернолицых шахтеров, и плеснул грязной водой из лужи на штаны Кобба.

Несколько мужчин пытались вытолкать из выбоины повозку, застрявшую в яме по самую ось.

Двери салуна через дорогу распахнулись, и оттуда, спотыкаясь, вышел пьяный мужчина, перегнулся через перила и изрыгнул поток пены.

Одетые в тёмное иностранцы бурно жестикулировали и бормотали на дюжине

различных диалектов.

Рядышком стояли индейцы в пончо и наблюдали за разорением своих земель.

Кейб продолжал идти, лавируя между группами шахтёров и рабочих, пытаясь найти место, где можно было бы укрыться от шума и суеты.

Но куда бы он ни повернул, в каждом переулке и на каждой улице толпилось всё больше людей, всё больше фургонов и всё больше рабочих.

«Господь милосердный, — подумал он, — возможно, Диркер был прав... здесь слишком много людей, и я никогда не найду Душителя в этой помойке».

Но Кейб не собирался сдаваться.

Если понадобится, он заползёт в каждую щель, в каждую трещинку этого кипящего и бурлящего улья.

Он сделает всё, чтобы уничтожить Душителя Города Грехов.

— 2-

Джексон Диркер, заметно побледнев, произнёс:

— Я видел зверства, док, я видел истинные ужасы... Но это... Вот такое... Я даже не могу понять, что это такое.

Доктор Бенджамин Уэст, хирург Уиспер-лейк и коронер округа Бивер, только кивнул.

Это был высокий, тощий, как тростинка, человек в тёмно-сером костюме с золотой цепочкой от часов, сверкавшей на солнце, как подмигивающий глаз.

Доктор прижал к груди шляпу, провёл длинными тонкими пальцами по седым волосам и тяжело сглотнул; на шее отчётливо дёрнулся кадык.

— Конечно, я — человек науки, — произнёс он, наконец, — но даже я подумал бы, что здесь побывал сам дьявол.

Диркер не мог не согласиться.

Они стояли перед главным магазином, который служил не только рынком, но и салуном, и игорным домом в Рассвете — городе прииска.

Они стояли перед двойными дверями, глядя перед собой и мечтая ослепнуть и ничего не видеть. Ведь то, чему они стали свидетелями в Рассвете, навсегда запечатлелось в их мозге, на их сетчатке, как след от ожога.

Диркер изучал то, что находилось на двери.

Труп полностью освежёванного мужчины с татуировкой орла на спине валялся на полу, а к двери была прибита его снятая целиком кожа.

По меньшей мере три головы висели под потолком, как призрачные фонарики. В уши им была вставлена медная проволока, загнута на обратной стороне и подвешена за крюки. Лица забрызганы засохшей кровью, побелевшие глаза безмолвно смотрели в пустоту. Голова слева, казалось, собиралась что-то сказать.

Доктор Уэст отогнал от неё нескольких мух.

Несмотря на морозный ветер, солнечный свет прогрел воздух. Только усиливавшаяся вонь разложения создавала прекрасные условия для жуков.

— Полагаю, — заметил доктор, — что эти головы не были срезаны или срублены. Они были оторваны прямо от тела.

Это Диркер уже выяснил.

На обломках шеи оставалось слишком много мышц и кожи, свисавших неопрятными

лоскутами. И никаких гладких срезов. Кому-то — или чему-то — хватило сил, чтобы буквально сорвать голову с тела взрослого мужчины.

Диркер не любил делать фантастические выводы, но что еще ему оставалось думать? Доказательства говорили сами за себя.

Диркер тяжело вздохнул. Наверно, он никогда не сможет привыкнуть к подобным бойням...

Он окинул взглядом лачуги и обветшалые здания, которые некогда составляли зажиточный город Рассвет до того, как здесь иссякли золотые жилы.

Диркеру этот город напоминал погост... серые, лишенные окон строения очень походили на надгробия на каком-нибудь одиноком, продуваемом ветром кладбище. Горы, нависшие над ними, молча смотрели вниз, как скорбящие на похоронах.

Шахтер по имени Джим Томлинсон приехал из высокогорья, чтобы купить провизию в магазине, и обнаружил эту бойню. К тому времени, как мужчина добрался до Уиспер-лейк, он оказался настолько перевозбуждённым, что доктору Уэсту пришлось кольнуть ему морфий, чтобы добиться членораздельного рассказа.

А часом позже Диркер, Уэст и двое помощников шерифа — Генри Уилкоккс и Питер Слейд — добрались до Рассвета.

Генри Уилкоккс — человек, который видел за свою жизнь довольно крови и кишек — бросил один лишь взгляд на то, что было в магазине, и быстро выбежал на улицу, борясь с тошнотой.

Остальные трое были склонны сделать то же самое, но держались изо всех сил.

«Резня» — так называл это Томлинсон, и это на самом деле выглядело именно так. Бойня.

Пока невозможно было сказать, сколько человек оказалось убитыми. Трупы и их части валялись повсюду, как туши бизонов в лагере охотников. Бар был завален расчленёнными конечностями... ногами, руками, кистями, ступнями. Некоторые руки всё ещё сжимали пистолеты, а некоторые ноги были обуты в сапоги.

Кровь была повсюду; часть её высохла липкими лужами на полу, остальное разбрызгалось по стенам и потолку.

Столты перевернуты, стулья разбиты в щепки. Мешки с солью и мукой разорваны, и их содержимое рассыпалось по полу, как снежная крупа. Повсюду валялись покерные фишки и игральные карты.

Это была резня, простая и понятная.

В магазине продавалось всё — от кирки и лопаты до светильников и промывочных лотков. Одна из кирок была использована с толком — ею пригвоздили человека к стене, так что его ноги оказались в добрых пятнадцати сантиметрах от пола.

Диркер даже представить себе не мог, сколько требуется сил, чтобы проделать что-то подобное.

И если здесь, внизу, всё было кошмарно, то наверху...

Настоящая бойня.

Коридор, заполненный телами, конечностями и внутренностями, был, словно разукрашенный алым, детский рисунок.

Диркер постарался быстро свернуть осмотр — вид и запах всей этой пролитой крови и сырого человеческого мяса были просто невыносимы для любого человека — но того, что он

увидел, было достаточно, чтобы преследовать его в кошмарах навечно.

Кто бы или что бы там ни работало, оно не торопилось. В отличие от первого этажа, где был настоящий разверзшийся ад, здесь дьяволы определённо никуда не спешили.

Пять тел были ритуально разорваны на части — конечности и головы отрезаны от туловища, — а затем вновь собраны и прибиты к стене гвоздями.

Диркер предположил, что это было проявлением большого, мрачного чувства юмора. Когда он впервые увидел это, ему показалось, что он смотрит на окровавленных манекенов, но очень быстро осознал, насколько ошибается.

Он не стал заглядывать в остальные комнаты на втором этаже. Без сомнения, они скрывали ещё больше ужасов, но он просто не был к этому готов.

Спустившись на первый этаж, Диркер начал наблюдать, как доктор Уэст осматривает тела. Он зондировал проколы и порезы, измерял раны и ссадины.

А Диркер думал о других.

О шахтёрах, которые последние несколько месяцев начали пропадать в горах.

О мужчинах, которых растерзали животные... точнее, он думал, что это были животные.

Теперь он знал, что это не так.

Но если это были не дикие звери, то кто? Сумасшедшие с собаками?

Везде — в потолке, в стенах — светились дырки от пуль. Они пробили бочки с солёной свининой и вяленным мясом, разбили бутылки с ликером за стойкой бара. Выстрелы из дробовика проделали дыры в столешницах, и весь пол был усыпан дробинками, как мелкими камешками.

Доктор Уэст вздохнул и склонился над очевидным следом укуса на ягодицах женщины.

— Похоже, это сделал какой-то зверь, но расстояние между зубами... я не знаю. Всё, как и в предыдущие разы.

Он медленно поднялся, словно на него давила невероятная тяжесть.

— Эти люди были убиты разными способами. Некоторые были расстреляны. Другие зарезаны ножом. У остальных были вырваны глотки или они были выпотрошены. Но, в конечном счете, все они частично съедены. Их убивали ради развлечения и еды. И в качестве бонуса, большинство из них были скальпированы.

«А это что-то новенькое», — подумал Диркер. Другие тела, найденные ими за несколько предыдущих недель, не были скальпированы.

Диркер кашлянул.

— Значит, у нас есть стая животных, которые носят оружие и снимают скальпы с людей, как индейцы?

— Да, похоже на то.

Диркер облизал губы сухим, как наждачная бумага, языком.

— Скальпы, скальпы... лучше мы не будем афишировать эту информацию. Если люди узнают, то снова ополчатся на индейцев.

Доктор Уэст согласно кивнул.

— Лучше нам вообще ничего не афишировать.

Диркер вышел на улицу, чтобы избавиться от запаха бойни. Снаружи среди покосившихся ветхих строений дул и завывал ветер. В его сознании это был вопль призраков, требующих справедливости.

Он подумал обо всех наградах, которые пришлось выплатить охотникам за головами.

Он так надеялся, что в нападениях виноваты животные.

Пока охотники привели лишь трёх облезлых чёрных медведей, двух волков и одного барсука.

Это было бы смешно, если бы не было так чудовищно.

* * *

Генри Уилкоккс стоял через дорогу, прислонившись к лачуге.

Дверь была открыта, и внутри лежало ещё одно тело. Этот человек получил выстрел в упор из дробовика.

Наверно, это была единственная «нормальная» смерть в Рассвете.

* * *

Уилкоккс и Диркер старались не смотреть друг на друга.

Диркер брёл по грязной, заросшей дороге среди пустых зданий, пытаясь справиться с тошнотой.

Убийцы насадили несколько голов на стоящие вдоль дороги колья высотой по пояс, и теперь они словно обозначали путь. Как предусмотрительно с их стороны...

В одной из лачуг они нашли ещё три трупа. Их подвесили за ноги и выпотрошили.

Диркер попытался втянуть в себя свежий воздух, но все, что он чувствовал, — это запах разложения, гниения и смерти.

В самом конце дороги виднелось серое здание с заколоченными окнами. Диркер его ещё не проверял, хотя и прекрасно понимал, что это сделать необходимо.

Чтобы войти внутрь, ему пришлось выбить дверь.

И он сразу же почувствовал запах — сырой и прогорклый.

Сквозь зияющие дыры в стенах — там, где отвалились доски, — в помещение просачивался солнечный свет. В лучах солнца плясали пылинки. Когда-то это здание было чем-то вроде гостиницы, но мебель давно убрали и вынесли. Была разобрана и украдена даже лестница, ведущая на второй этаж. Вероятно, на дрова.

Там было грязно, сумрачно и мрачно, как в склепе.

На выцветших обоях виднелся кровавый отпечаток ладони, а в осевшую пыль был вдавлен единственный след от ботинка.

Диркер, глубоко вдохнув затхлый воздух, подошел к двери, которая была приоткрыта сантиметров на пять. Он слышал, как ветер свистит сквозь дыры в крыше, заставляя здание стонать, скрипеть и дрожать. Но были и другие звуки... жужжание насекомых. Мух, без сомнения.

Диркер схватился за дверь и рывком её распахнул.

Перед ним стоял человек.

Долю секунды он стоял неподвижно, а потом упал прямо вперед, как столб, и чуть не сбил Диркера с ног.

Диркер сдавленно вскрикнул, но человек был уже давно мёртв.

К горлу шерифа подбирался истерический смех, но он усилием воли загнал его обратно.

«Просто еще один труп, вот и всё. Внутренности вывалены наружу, лицо покрыто мухами».

В комнате позади него повсюду была засохшая кровь. Кровавые следы вели к окну, где

были выбиты доски.

Даркер оставил труп и направился к двери.

Он услышал стук копыт по дороге. Он знал, что это Пит Слэйд едет обратно, но на мгновение — на одно мгновение! — он подумал, что, возможно, это был...

* * *

Снаружи Слэйд разговаривал с Уилкоксом. Диркер направился к ним.

— Ну что? — спросил он.

Слэйд только покачал головой, разглаживая усы.

— Я шёл по следам довольно далеко. Я насчитал семь лошадей, но никаких признаков других животных — собак или кого-то ещё. Примерно в трех милях отсюда всадники вошли в ручей. Я шёл вдоль него около мили... но не увидел ничего, что заставило бы меня думать, что они выбрались на берег.

Он вытащил из кармана кожаного жилета сигару и сунул её в рот, но не зажёл, а просто пожевал.

— Этот ручей извивается по горам на многие мили. Может быть, если бы у нас были собаки, мы могли бы взять след.

Диркер сглотнул.

— Всё в порядке. Я не хочу, чтобы ты шёл против этих... людей в одиночку. Наше время еще придёт, только не сейчас.

— Я думаю, эти парни... я думаю, они знают, что делают, — произнёс Слэйд. — Полагаю, их уже когда-то выслеживали, и теперь они подкованы.

Диркер велел ему и Уилкоксу закопать головы со столбов и все тела, которые они только смогут найти. А сам вернулся в центральный магазин.

Он даже не пытался вытащить тела наружу.

Когда доктор Уэст закончил, Диркер разлил вокруг дома керосин и поджёг здание.

Своего рода очищение огнём.

— 3-

Хотя Диркеру очень хотелось, чтобы по Уиспер-лейк распространилась лишь «отредактированная» версия событий, произошедших в Рассвете, его опередил шахтер, обнаруживший бойню.

К тому времени, как Диркер и остальные вернулись в город, история уже вылезла наружу.

И теперь все набросились на шерифа, как клещи-кровопийцы.

* * *

А тем временем в Похоронном бюро братья Каллистеров собрались четверо — сам Каллеб Каллистер, Джеймс Хорнер, Филипп Каслов и Люк Уиндоус. Они расположились на втором этаже, в жилых комнатах, и тихо переговаривались.

Когда-то эти комнаты принадлежали Хайраму Каллистеру, но теперь они служили своего рода местом встреч Калеба и его друзей.

— Всё становится только хуже, — произнёс Калёб. — Настоящая бойня, и я думаю, мы все знаем, кто в этом виноват.

— Ты говорил, с них были сняты скальпы? — уточнил Каслов.

— Да.

У Хорнера от бешенства побелели глаза.

— Меня это не удивляет. Эти чертовы мормоны думают, что это их дом, что вся территория Юты принадлежит им! Они сделают всё, чтобы вытеснить настоящих христиан!

Уиндоус зажёл сигарету. Он был кузнецом, и руки у него были огромными и мозолистыми.

— Видишь? Они хотят, чтобы мы обвинили во всем индейцев. Вот чего они добиваются. Но мы не заглотим эту приманку. У нас есть свои люди и в Искуплении и, может быть, в Избавлении.

— Точно, — кивнул Каслов. — Вопрос лишь в том, какую змеиную яму мы изведём в первую очередь.»

— Искупление, — принял решение Калёб.

Он понимал, что если предложит напасть на Избавление, его никто не поддержит. Ни один человек в здравом уме не желал ехать в Избавление после всех слухов, что ходили об этом поселении.

Может, не все они и были правдивыми, но если бы подтвердился хоть один из десяти — это уже было бы слишком.

Даже сами мормоны сторонились этого места.

— Значит, сегодня вечером, — подытожил Калёб. — Сегодня вечером мы разграбим это языческое гнездо и сожжём его дотла.

Никто не возразил ни слова.

— 4-

Джек Гуд сидел на упаковочных коробках позади салуна «Красная крыша».

— Вот что я тебе скажу, Чарли Седобровый. Только между нами — на этом городе лежит проклятие. Да, сэр, прямо от костей в земле до крыш под небом; проклятый, вот что. Посмотри на меня, например. Просто взгляни на меня и скажи, что ты видишь.

Гуд помолчал, потягивая виски из бутылки, и вытер тыльной стороной ладони несколько капель с бороды.

— Ничего не скажешь? Справедливо. Конечно же. Ну что ж, я отвечу за тебя. Ты смотришь на человека, которому уже никогда не будет шестьдесят. Черт возьми, я думаю, что и шестидесяти пяти не увижу. Я — человек, который побывал и там, и здесь. Везде. Я воевал в армии, я оказывался в ловушке в горах. Я гонял почтовую карету по тропам и даже был гонщиком на пони-экспрессе, пока несколько шайеннских парней на территории Вайоминга не утыкали меня таким количеством стрел, что мою задницу можно было использовать вместо лейки для полива цветочных клумб. Я хочу сказать, мой рыжий брат, что я ни черта не боюсь. И никогда не боялся.

Чарльз Седобровый поднял бутылку и сделал глоток.

— А сейчас?

— А сейчас всё по-другому, разве нет?

Чарльз Седобровый молча кивнул. Он знал, что плохие вещи происходят и будут

продолжать происходить. Все эти исчезновения и убийства в горах...

А последняя бойня? Чёрная магия, шаманство. Не иначе...

Сначала линчеватели мучают и пытаются мормонов, а теперь ещё и эта проститутка, разрезанная от подбородка до паха.

Плохо. Очень плохо.

Даже дурак (или белый человек) должен был ощущать в эти дни дурную атмосферу в Уиспер-лейк и вокруг него. Эта аура была такой толстой, что ее можно было сжать в кулаке. Словно именно этот уголок округа Бивер был местом сбора всех пагубных сил.

Это заставляло людей задуматься. Даже индейца заставило...

— Если так пойдёт, — произнёс Седобровый, — то к нам скоро придёт целая армия.

Гуд отсалютовал бутылкой.

— Да, тут ты, вероятно, прав, друг мой. Потому что я признаюсь перед Богом и демократами — и делаю это с радостью, — я чертовски боюсь этого места и того, что здесь происходит. Здесь есть зло, а старый добрый Уиспер-лейк просто прогнил до костей. И с каждым днём становится всё хуже. Этот город, друг мой, вытрахан, как трёхдолларовая шляха.

Он вздохнул и поднял глаза к небу, словно ожидая, что его поразит длань господня.

— И знаешь, Чарли, что самое худшее?

Седобровый покачал головой.

— Я думаю, я сам во всём виноват, — признался Гуд. — Так или иначе, каким-то образом... Именно я навлек ад на этот городок.

Чарльз забрал у него бутылку.

— О чём ты говоришь?

— Это долгая история, — вздохнул Гуд, — но я попытаюсь рассказать её тебе вкратце.

— Ну да, я же индеец. Мы вообще люди простые, ещё не всё поймём.

— Ну же, Чарли, не будь таким. Я не это имел в виду. Ты же знаешь: я с безмерным уважением отношусь к твоему народу.

Седобровый кивнул.

— Конечно. И у нас в племени тебя почитают кем-то вроде святого. Мы денно и ночью молимся о твоём заступничестве и руководстве.

— Серьёзно?! Чёрт... Ты снова надо мной издеваешься.

— Такое уж у меня чувство юмора, — усмехнулся Чарли. — Может, оттого что я индеец.

— Да, может причина и в этом. Так или иначе, около семи месяцев назад я получил работу. Меня нанял индеец-гошут из племени Долины Черепа. Он хотел, чтобы я перевез одно тело оттуда сюда, в Уиспер-лейк. Обещал мне сто долларов. И я согласился. Решил спуститься сюда, может быть, немного покопаться в горах. А тело, о котором мы говорили, принадлежало человеку по имени Джеймс Ли Кобб. Ты слышал о нём?

Седобровый погнался во рту глоток виски.

— По-моему, какой-то убийца. Преступник. Стрелок. Что-то вроде того.

Гуд хлопнул его по плечу.

— Это ещё мягко сказано. Мы говорим о хладнокровном убийце, Чарли. Кобб — выходец из Миссури, и след его был красным и кровавым. Воевал в Мексиканской войне. Грабил. Убивал. Насиловал. Попал в ловушку в горах Сьерры с несколькими бродягами, а потом сожрал их всех по очереди. Ну, ты понял. Старина Кобб... Он такой же мерзкий, как

брюхо раздавленной гремучей змеи в колесе от фургона.

— И зачем этот гоштут заставил тебя привести тело сюда?

Гуд пожал плечами и покачал головой.

— Чёрт меня дери, если я знаю. Сказал что-то насчет того, что это последнее желание Кобба. У него был какой-то сводный брат, живущий в этих краях. Все, что я смог понять, это то, что Кобба разыскивали буквально за все, почти везде, так что в стране индейцев его явно не привечали.

— И ты привёз его тело сюда?

— Да, будь я проклят! Мы с этим молокососом Хайденом приволокли ящик прямоком из Долины Черепа через горы Сан-Франциско...

Гуд продолжал рассказывать ему, на что это было похоже. И по мере того, как он рассказывал, его глаза становились все шире, а лицо — бесцветнее.

Когда он рассказывал свою историю, уголки его губ нервно подёргивались, и он со страхом смотрел вдаль, как будто видел въезжающего верхом дьявола.

Когда Гуд закончил говорить, он дрожал всем телом и тяжело дышал.

— Думаешь, я брешу? — наконец сказал он. — Дерьмо тебе всякое впариваю? Может быть. Но клянусь, это правда. Это тело в

ящике... он не умер. По крайней мере, не так, как мы понимаем это — ты и я. Он ползал и царапался, и ногти выскакивали наружу... и, Боже, Чарли, я чуть не обмочился. Что бы там ни было в этом гробу, это было неправильным. Как будто его дух только что прокис, как паршивое молоко.

Седобровый слушал и сдерживал саркастические замечания, потому что знал Гуда. Гуд был таким же суеверным, как и большинство атеистов. Он любил потравить байки под бокальчик пива, но подобное...

Гуд с трудом оторвался от бутылки.

— Я никогда не рассказывал об этом ни одной живой душе, Чарли. И я говорю тебе это только потому, что доверяю тебе, и мы вместе прикончили несколько бутылок, и ты индеец. Ваш народ знает о таком дерьме. А белые? Черт, мы же не верим в потустороннее ни капельки!

— Если что-то не укладывается в наше мировоззрение, мы стараемся об этом не думать, чтобы спокойно спать по ночам. Но индейцы... да, вы не боитесь смотреть в лицо темным тварям; вы не боитесь признать, что есть черные, злые существа, которые могут свести человека с ума.

Седобровый оценил сказанное, хотя и не подал виду.

— Ты думаешь, Кобб больше не был человеком как таковым?

— Я уже и не знаю, что думать, — сказал он, — но то, что было в том гробу... ну, должен признать, что если бы оно вылезло наружу, меня бы здесь сейчас не было.

— Думаешь, именно Кобб разверз двери ада над нашим городом?

Гуд облизнул губы и задумался.

— Ну, я держу ухо востро и всё слышу. Мы привезли тело в морг Каллистеров. И в ту же ночь, говорят, Каллистера нашли мёртвым. И это не было самоубийством. Ходят слухи, что тело Кобба нигде не нашли, но другой Каллистер — Каллеб — заткнул всем рот. И ещё... Думаю, не нужно тебе напоминать, что твориться в Избавлении. Даже сами мормоны не приближаются к этому месту и на километр.

— И ты думаешь, что Кобб отправился туда? Что он... в центре всего этого?

Гуд лишь пожал плечами.

— Таковы факты, насколько я их знаю. При первой же возможности, Чарли, я набью свой мешок и уеду из этого чёртового ада. Мысль о том, что однажды ночью в мою дверь постучится старина Джеймс Ли Кобб, не дает мне уснуть до самого рассвета.

Седобровый размышлял над его словами, пока они допивали бутылку.

Либо Гуд сошел с ума, либо в его словах что-то было.

Но даже если он был прав, в Уиспер-лейк не найдётся человека, который поехал бы в Избавление, чтобы проверить это.

— Эх, чёрт возьми, хватит исповедоваться, Чарли! Я когда-нибудь рассказывал тебе о том, как продал свою жену за доллар? Правда-правда. Она была резкой девчонкой с востока, умевшей обращаться с ножом и молотком. Однажды мы сидели в салуне в шахтерском городке на хребте Бигхорн, штат Вайоминг. И тот грязный сукин сын по имени Джонни Хоул говорит мне: «Сколько хочешь за жену, сынок?» Мы с Дорой к тому времени играли уже несколько часов. И вот я и ему говорю: «Один доллар». Он платит мне и тащит её прочь. Она возвращается через несколько минут: платье порвано, лицо в синяках; да она просто готова содрать с меня кожу и снять скальп! А на следующий день старина Джонни находит меня. Он ходит смешно, как будто ему в задницу шпору засунули. И знаешь что? Он хотел вернуть свой доллар...

Но Седобровый его уже не слушал.

Он думал об Избавлении и Джеймсе Ли Коббе. Интересно, он может с этим что-то сделать?

Затем он вспомнил об Орвилле дю Чене. О его «шестом чувстве». Возможно, Орв смог бы увидеть, есть ли там Кобб. А если есть?..

И тогда Седобровый подумал о Тайлере Кейбе.

— 5-

Тайлер Кейб долго думал и решил, что есть только один способ выследить Душителя Города Грехов: он должен подружиться со шлюхами в городе. Эти женщины станут мишенями для Душителя, и если он будет бродить по их заведениям — что ж, возможно, он застанет ублюдка.

В крайнем случае, Кейб мог рассказать всем, кто он такой и что делает, и это могло бы заставить Душителя нервничать. И тогда он либо сбежит... либо сделает что-то неосторожное.

И тогда Кейб будет поблизости, чтобы воспользоваться его ошибкой.

Хотя Уиспер-лейк был похож на любой другой шахтерский городок со своими грехами и пороками, его район красных фонарей был ограничен захудалой забегаловкой рядом с нефтеперерабатывающим заводом, повсеместно известным как Горизонтальный Холм. Зажатый между фабрикой и озером, но скрытый от остального Уиспер-лейк высоким, поросшим можжевельником утесом — Сосновым Холмом — этот ряд борделей, игровых домов, палаток и других увеселительных заведений был не менее оживленным, чем весь остальной город.

А по ночам — даже более.

Он был разрешён Джексоном Диркером по двум причинам. Во-первых, если он

попытается его закрыть, то шахтёры и железнодорожники, без сомнения, набросятся на него и вздёрнут на суку, не пройдёт и часа.

А во-вторых... Каждое учреждение должно было иметь лицензию округа. А это означало, что лицензией занимался старший чиновник округа — окружной шериф.

Диркер согласовывал лицензии не только по борделям, но и по игорным залам и салунам. И прикарманивал десять процентов не только лицензионных сборов, но и самих налогов.

В общем, проститутки продолжали работать, в основном, только на Горизонтальном Холме и редко выбирались за его пределы, так что почтенным жителям Уиспер-лейк не приходилось смотреть на происходящее непотребство, а значит, бизнес мог спокойно развиваться дальше.

Тайлер Кейб вошел прямо в это змеиное логово и абсолютно ни чем не выбивался из общей толпы. Просто еще один старатель или бандит, или охотник со стояком в штанах и наличными в руках. Он обошёл весь район, пообщался с десятками мамок, их проститутками и разными «вольнонаёмными». Он дал понять всем, кто находился в пределах слышимости, кто он такой, и что он такое.

Его речь обычно звучала примерно так: *«Добрый день, мэм, меня зовут Тайлер Кейб, и я здесь по делу.»*

И за этим следовал обычный ответ: *«По делу — это хорошо, мистер Тайлер Кейб; вы, несомненно, пришли по адресу».*

После чего Кейб должен был быть немного более конкретным, в чём заключалось его «дело». Шлюхи слушали его рассказы о Душителе с большим интересом и считали Кейба кем-то вроде святого покровителя за то, что он хотел их защитить. Они кормили его, поили и предлагали бесплатное жильё.

Шанхайская Марни Лу — китайская мадам из купальни «Ориент» — пыталась нанять его именно для защиты своих девочек. Она сама была кем-то вроде легенды, поскольку носила при себе не менее шести ножей с короткими лезвиями и могла метать их с пугающей точностью. Кейб сказал ей, что будет держать это предложение в уме.

В общем, это был довольно интересный и приятный способ провести день и вечер.

Но присутствовали, конечно, и риски.

Далеко не одна проститутка хотела выразить свою признательность более интимным способом, и Кейб дважды за этот день оказывался в постели с благодарными дамами: одной — красивой высокой китайкой, а другой — огненнорыжей мегерой из Алабамы. Но у каждой работы, конечно, есть свои сложности.

Он посетил бары, которые были не более чем деревянными лачугами, и игорные дома, где дорогие французские девушки управляли карточными столами и доставляли вас прямо в рай за несколько сотен зеленых. Здесь были дорогие заведения — например, как клуб «Красный август», — с коврами с глубоким ворсом, резными люстрами, зеркалами и позолоченными столами, импортными европейскими гобеленами и греческими скульптурами.

Мужчины могли оставить в таком месте тысячи, наслаждаясь экзотическими прелестями под витражными потолками, абсолютно уверенные, что в таком месте и грех будет утончённым и изысканным.

Были там и бордели среднего класса, вроде того, что находился в Сан-Франциско, где

девушки были не менее привлекательны, но все они были обучены воровству и специализировались на обчищении карманов пьяных мужиков.

Ну, а если твои карманы были недостаточно полны для таких мест, то существовали дешёвые бордели вроде «Русского Кафе», где ты мог напиться и трахнуть за цену тарелки жратвы... если ты, конечно, не слишком озабочен чистоплотностью своей дамы.

Кейб посетил все и узнал кучу историй.

Он обнаружил, что в то время как большинство девушек были просто обычными разукрашенными дамами, многие шли на дополнительный приработок. Одна очень дорогая азиатская девушка по имени Певунья умела делать удивительные вещи с маслами и горячим свечным воском.

Абилин Сью, полногрудая свободноживущая уроженка Техаса, обычно использовала в своём представлении седло с двойной подпругой и хлыст для верховой езды. А Фанни-гадалка любила начинать свои сеансы с погружения в будущее. Правда, эти видения всегда заканчивались одинаково — она скакала на тебе верхом, словно на диком необъезженном жеребце.

Где-то посреди своего «исследования» Кейб встретил мамашу Аделаиду — владелицу Старого Театра Матушки Френч. На первом этаже там ставились спектакли и вдевали с привезёнными из-за границы француженками — или девушками, которые смогли достоверно изобразить французский акцент, — а на верхних этажах во всю процветал основной бизнес. Заведение пахло изысканными французскими духами и предлагало парижское вино и блюда национальной французской кухни.

Мамаша Аделаида — стройная негритянка, весившая не больше сорока килограммов, — была одета в желтое шелковое платье с вышитыми на груди пурпурными розами.

— Милый мой, — сказала она Кейбу, когда он представился, — я, конечно, ценю то, что ты делаешь. Мои девочки становятся более чем пугливыми. И я не могу этого допустить. Ибо здесь мы предлагаем только одно — но тремя различными способами. Мы предлагаем любовь — любовь хорошую, любовь сильную и любовь восхитительную. Я думаю, что тебе нужна любовь сильная. А восхитительная — нет, это не про тебя, мой мальчик.

— А что значит «восхитительная»?

— Хи-хи, — прощбетала мамаша Аделаида. — Восхитительная любовь — это просто смерть в раю. Обычно в ней задействованы две или три девушки, горячее ароматическое масло и умелые руки.

Кейб заверил её, что такое точно не про него.

Мамаша Аделаида рассказала ему, что была рабыней на плантации Батон-Руж. Но когда она получила свободу — а этого она хотела больше всего на свете, — всё оказалось не так просто, как она думала.

— Видишь ли, мальчик мой... Да, на плантациях мы были рабами, которые подчинялись хозяину, но, по крайней мере, нас кормили и давали крышу над головой. Многие об этом забыли. А когда мы получили свободу... Чёрт, нам пришлось самим о себе заботиться. А это не так-то просто.

Мамаша рассказала ему, что очень быстро поняла одну вещь: есть только один способ, которым чёрная женщина может заработать деньги в мире белых мужчин. Поэтому она начала с малого — и год за годом строила своё дело.

— У меня был сын, мистер Кейб. Но когда он стал взрослым, он нашел свой путь в слове Божьем и не очень заботился о том, как его мама зарабатывает на жизнь. В последний

раз, когда я слышал о нем, он отправился проповедовать на Индейскую территорию. Хи-хи! Ты себе это представляешь? Черный человек цитирует Евангелие белого человека кучке краснокожих язычников! Тебе не кажется, что в этом есть что-то смешное?

Это был долгий день, но к тому времени, когда Кейб покинул Горизонтальный Холм, он был не ближе к Душителю Города Грехов, чем раньше. И всё же он не отчаивался. Рано или поздно это произойдет.

В чайной он столкнулся с Генри Фрименом, тexasским рейнджером, который утверждал, что «рассматривает предложения». Эта встреча заставила Кейба вспомнить, что он должен был связаться с главой рейнджеров в Техасе, чтобы узнать, был ли старик Генри тем, за кого себя выдаёт.

Потому что, честно говоря, у Кейба были сомнения.

— 6 —

Всадники ворвались в Искупление, как демоны, вырвавшиеся из ада.

Линчеватели.

Они мчались по грязной улице на чёрных лошадях — семеро мужчин в длинных синих армейских шинелях и белых капюшонах с прорезями для глаз, надвинутых на головы. Они были вооружены винтовками, дробовиками и кольтами. Они неслись по улицам и переулкам с почти военной точностью.

В крохотный мормонский анклав под названием Искупление они несли лишь смерть. И вместе с ней захватили всю нетерпимость, все предрассудки, которые кипели в чёрных котлах их сердец неделями, месяцами и даже годами.

Они начали стрелять. Никакой спешки. Никакой суеты. По-военному чётко.

Мормоны знали, что линчеватели придут, но надеялись, что это произойдет не так скоро, ведь они были плохо подготовлены к отражению такой смелой атаки. Жители с мушкетами и винтовками выбежали на улицу, чтобы противостоять всадникам, и были убиты смертоносным дождем меткого огня.

Кричали женщины, плакали дети, гремели дробовики и рокотали револьверы. Свинец летел как град, осыпая двери и разбивая окна, убивая скот, который не был спрятан в стойло.

Один из городских старейшин вышел на крыльцо своего дома, трое его сыновей следовали за ним по пятам. К ним приблизился всадник и направил на старейшину оба ствола. Картечь пробила в его груди дыру размером с обеденную тарелку и забрызгала кровью его сыновей. Сыновья успели лишь громко закричать, когда выстрелы из винтовок сразили их, убив на месте.

Наперерез линчевателям выбежала старуха, размахивая молитвенником, но они сбили её с ног и затоптали копытами своих лошадей. Та же участь постигла трех маленьких детей, которые видели, как их мать и отец были убиты выстрелами из пистолета.

Жители поумнее оставались за закрытыми дверями или открывали ответный огонь из амбразур, прорезанных в ставнях. Но они не были закаленными бойцами, и очень немногие из их снарядов достигали линчевателей. Хотя одна пуля — намеренно направленная или случайно срикошетившая — пробила горло линчевателя, и он вывалился из седла.

Но это даже не замедлило убийц.

Они чувствовали себя королями; они стреляли и бросали пылающие факелы в тюки сена и груды бревен, и очень часто — прямо в окна магазинов и домов. И посреди всего этого они

продолжали скакать, убивать и подстреливать лошадей, крупный рогатый скот и овец в качестве развлечения.

Через двадцать минут после их прибытия Искушение пылало, как преисподняя. Пламя охватило амбары и конюшни. Лизало стены домов. Вырывалось из развороченных окон.

Город превратился в ад из огня, дыма и криков. Несколько мужчин пытались потушить пожар, заливая его водой, даже когда линчеватели стреляли в них.

В шуме, суматохе и криках одинокая фигура, сжимающая Книгу Мормона, спотыкаясь, вышла на улицу, уже истекая кровью от шальной пули, задевшей его висок. Он представлял собой дикое зрелище, когда шел пешком, выкрикивая молитвы и проклятия, а по его лицу стекали кровавые дорожки.

— ...и придет Антихрист, повелевая своими легионами... и вы узнаете его по имени его! Люди будут вести войну — ужасную и безбожную войну — против других людей, человек будет убивать братьев своих в экстазе зла! Зло! И... и... нечистый издаст законы нечистые, чтобы поработить праведника, но будет блудник поражен рукою Всевышнего...

Дальше он не продвинулся, потому что веревка из конского волоса опустилась на него, крепко прижимая руки к телу. Сама верёвка была привязана к седлу коня одного из линчевателей.

И наконец — наконец! — всадники выехали из созданного ими чистилища.

Они поехали прочь, волоча за собой проповедника.

* * *

Они протащили его около километра.

По камням, бульжникам и пням, через сухие овраги и по крутым склонам холмов.

Когда линчеватели, наконец, остановились на вершине невысокого холма с плоской вершиной, окаймленного кустами чамисы, проповедник был едва жив. Если уж на то пошло, он был больше похож на потрепанное пугало. Его тряпье и соломенная набивка торчали наружу, а из рук и ног торчали палки... только это были не тряпки и не солома, да и наружу высывались не палки. Плоть с лица и тыльной стороны ладоней была содрана. Большинство трубчатых костей переломаны. Челюсть вывихнута, но он всё ещё пытался заговорить, издавая кровавый булькающий звук.

Один из линчевателей снял капюшон. Это был Каллеб Каллистер. Прищурившись в темноте, он смотрел на мерцающий вдали костёр. Искушение.

— Если твои люди умны, проповедник, — сказал он, зажав в зубах тонкую сигару, — на этот раз они прислушаются к нашему предупреждению. Потому что в следующий раз, в следующий раз...

— Когда мы приедем следующий раз, мы не оставим никого в живых, — закончил за него другой линчеватель.

Остальные засмеялись.

Проповедник, хоть и сломанный и ободранный, пытался уползти, натягивая верёвку, как глупый пес, проверяющий, насколько далеко он может отбежать на цепи. Линчеватели наблюдали за ним, ожидая, что он вот-вот свернется калачиком и испустит дух... но этого не происходило.

Он закашлялся кровью; руки его были по-прежнему прижаты к бокам, но он тянулся

дальше. Он полз вперёд, как какой-нибудь червяк. Наверно, его так манила свобода...
Веревка натянулась.

— Лучше прими то положение, в котором ты оказался, проповедник, — сказал ему один из линчевателей. — Это ведь не дождь — так просто не закончится.

— Как бы тебе этого не хотелось, — добавил второй.

Они сидели верхом, курили, передавали друг другу бутылку виски и смотрели, как вдали, словно факел, горит Искушение. Постепенно, медленно, общее пламя превратилось в отдельные костры, но и те, в конце концов, потухли.

Потом они потянули соломинку, чтобы выяснить, кому достанется проповедник.

Счастливым оказался Люк Уиндоус. Он решил ещё немного потаскать проповедника за собой. Но через двадцать минут он устал от этого, а проповедник всё никак не умирал, поэтому Люку пришлось опустошить барабан своего кольца.

А затем он присоединился к всеобщему празднованию.

— 7-

После довольно утомительного дня, проведенного в обходе всевозможных борделей Горизонтального Холма, Тайлер Кейб вернулся на постоянный двор «Святой Джеймс». В животе у него было пусто, а в висках стучало, как барабаны в джунглях, от выпитого им бесплатного спиртного.

Он вошел в столовую, где уже сидел Джексон Диркер вместе с женой и пятью или шестью другими гостями. Ужин состоял из жареной курицы с картофелем и яблочного пирога на десерт. В воздухе висел восхитительный запах, и уважение Кейба к Дженис Диркер поднялось ещё выше.

Джексон Диркер определённо был счастливым.

Кейб и Диркер перебросились несколькими фразами, но в основном оба предпочитали молча слушать. Одним из жильцов был парень по имени Стюарт — ответственный за медицинское снабжение из Уичито.

Он довольно долго рассказывал — и с неприятными клиническими подробностями — о своих продуктах, которые варьировали от пилюль при гепатите до биндажей, от спиртовых настоек до клизм. А последнее особенно не способствовало хорошему пищеварению и аппетиту при поедании яблочного пирога.

После того, как все отужинали, и гости разошлись по комнатам, в столовой остались лишь Диркер с Кейбом и Дженис, порхающая между столами и убирающая посуду.

— Мистер Кейб говорил мне, что вы знакомы, — обратилась она к мужу.

Он едва оторвал взгляд от газеты.

— В некотором смысле.

«Всё тот же старый добрый Диркер, — подумал Кейб. — Холоден, как лёд. И двадцать мужиков с лопатами не смогут вырыть на поверхность его чувства».

Может быть, если бы Диркер просто сказал: *«Да, да, мы знаем друг друга. Мы сражались друг против друга... но это было много лет назад»*... Если бы он сказал что-то подобное, Кейб был бы доволен и оставил всё в прошлом. Но теперь он чувствовал, что не сможет смолчать.

— Да, — сказал он, — когда-то мы с вашим мужем были братьями по оружию. Мы сражались на противоположных сторонах, но духовно мы были единым целым. Разве не так,

Джек?

Газета опустилась на пять сантиметров. Кристально-голубые глаза нашли Кейба и пристально на него глянули. А затем газета снова поднялась вверх.

— Я бы это так не назвал, — только и сказал он.

— Чепуха. Может быть, твои воспоминания обо мне туманны, Джек, и это правильно... но мой-то о тебе? Черт, они остры, как кнут. Как вспомню тебя в Пи-Ридж! Какая яркая, поразительная личность!

— Хватит, Кейб.

Кейб улыбнулся, проводя пальцами по паутине шрамов, пересекавших его переносицу и врезавшихся в щеки.

— Ваш муж очень скромн, мадам. Я бы сказал, что Джексон Диркер был офицером и джентльменом. Справедливым и отзывчивым во всех вопросах.

Диркер прожигал в нём взглядом дыры.

Кейб не отводил взгляд.

Дженис, почувствовав, что здесь что-то неладно, только откашлялась и принялась царапать воображаемую ворсинку на своем вельветовом платье.

— Простите мне мою грубость, мистер Кейб, но... вы получили эти шрамы на войне?

Кейб лишь улыбнулся в ответ на её так называемую грубость. Его пальцы привычно прошлись по следам от порезов и ожогам.

— Да, я получил их во время войны. И ношу их с честью. Боевые раны. Помнишь, когда я их получил, Джек?

Диркер отложил газету.

— Помню. А теперь расскажи мне, Кейб, понравились ли тебе наши бордели. Слышал, ты сегодня там полдня провёл. Пришёлся по вкусу местный квартал красных фонарей?

Всё, что вертелось у Кейба на языке, испарилось в долю секунды.

«Диркер. Всё тот же хитрый сукин сын...»

— Я... Хм...

Дженис слабо улыбнулась.

— Наш мистер Кейб, безусловно, видный мужчина.

— Это точно, — протянул Диркер, наслаждаясь происходящим.

Кейб сглотнул.

— Это был чисто деловой разговор, мадам. Человек, которого я пытаюсь отыскать, охотится на проституток, так что мне остается только подружиться с ними. Знать лично их и места, где они работают.

— Чего только мужчинам не приходится делать, чтобы заработать на жизнь! — покачала Дженис головой. — Да уж... И вы весь день провели среди них? Наверно, вы очень устали после такого... утомительного предприятия.

— Мадам...

Теперь Диркер улыбался.

— Ты очень решительный человек, Кейб. Если кто и сможет поймать этого убийцу, так это ты.

Кейб видел, что Диркер шутил, и тоже не смог сдержать улыбки. Если бы этот мужчина вёл себя так постоянно и не был таким чертовски чопорным и официальным... он бы ему даже понравился. Кейб решил, что его дразнят, и сделал то, что казалось ему естественным:

укусил в ответ.

— Да, мадам, это было утомительно, но я продолжал заниматься делом даже тогда, когда большинство мужчин уже изнемогли бы от усталости.

Дженис покраснела... покраснела, но не отвернулась. В её глазах что-то вспыхнуло, и она постаралась, чтобы Кейб это заметил.

Диркер вскинул брови.

— Вот как? Дал то, что им было нужно?

— О да.

— Пожалуй, на этой ноте я вас покину, джентльмены, — произнесла Дженис и вышла из комнаты.

Кейб решил, что он либо обидел ее — либо возбудил. По его опыту, южные женщины могли быть такими: их могло взволновать то, что они находили неприемлемым и оскорбительным. Всё дело в инстинктах, вот так.

В довоенном обществе говорили, что леди должна подавлять свои базовые инстинкты. Что такие вещи, как вожделение и желание, не должны иметь места в высшем свете... но женщина — как и любой зверь: чем больше вы морите его голодом, тем голоднее он становится.

И в этой девушке был голод. Едва скрываемая потребность отбросить своё воспитание, опуститься и испачкаться.

— И так теперь будет при каждой нашей встрече, Кейб? — поинтересовался Диркер.

Кейб отвернулся от него. Ему так много хотелось сказать, но зачем? С какой целью? Он уже нарушил два правила своего воспитания — что мужчина не приносит свои деловые или личные дела к обеденному столу и что он не обсуждает проблемы с другим мужчиной в присутствии дамы.

Может быть, сейчас самое время... если он хочет драки, то самое время перестать ходить вокруг да около.

Только теперь он её больше не хочет.

— Нет, — сказал он, удивляясь самому себе, — я бы предпочел, чтобы мы оставили всё это в стороне. Я думаю, так было бы правильно. По крайней мере, на время.

— Согласен. И ещё... Хочу, чтобы ты понял, Кейб: я не горжусь тем, что произошло при Пи-Ридж. Не прошло и дня, чтобы я не мечтал, чтобы всё произошло по-другому.

— Ты готов признать, что единственное, в чём мы виновны — это отбирание необходимых для выживания вещей у трупов?

Диркер кивнул.

— Да, я это знаю. Наверно, я и тогда это знал, но у меня снесло крышу. То, что я совершил, неправильно.

Чёрт. Кейба словно под дых ударили. Диркер признаёт, что был неправ. Внезапно Кейб расслабился, словно из него выпустили весь воздух. Он даже слегка смутился, что вообще завёл этот разговор.

— Ладно, ладно. Справедливо. Наверное, все мы были молоды и вспыльчивы.

— Чем ты занимался после войны, Кейб?

Кейб рассказал ему о том, как много лет участвовал в боях, а по ночам пас скот; как был железнодорожным детективом и охранником на приисках. Как всё это привело его к охоте за головами.

— А ты сам?

Диркер вздохнул.

— Я остался в армии. Был послан на Запад воевать с индейцами. — Он прищурился. — Я думал, что то, что я видел во время Гражданской войны, было ужасно. Но это не было и вполонину так жутко, как то, с чем я столкнулся на Западе. Зверства, бессмысленные убийства невинных людей.

Кейб не стал настаивать. Он много знал о том, что там произошло — об унижениях и жестокостях, обрушившихся на племена индейцев. И по большей части, необоснованно. Затем между белыми и индейцами был заключён мирный договор. Но не успели высохнуть чернила на документах, как белые снова напали.

— И ты ушёл из армии?

Диркер улыбнулся.

— Нет, я был освобожден от командования. Банда индейцев-арапахо напала на поселение, и мне приказали выследить их и уничтожить. Ну, мы не смогли найти преступников, поэтому мой командир решил, что подойдет любой арапахо. На Крипл Крик располагалась их деревня человек в пятьдесят. Они не имели никакого отношения к налету, и этот факт был хорошо всем известен... тем не менее мне было приказано идти туда со своими людьми. И когда мы вышли, мне было сказано, что там не должно остаться никого живого.

— И ты отказался?

— Да, отказался. И я горжусь этим фактом. Я был солдатом, а не наемным убийцей. — Диркер вздохнул и облизал губы. — Меня отстранили от командования, отдали под трибунал и демобилизовали. С почестями, к большому разочарованию некоторых.

— А после этого?

— Я был законником. Сменял один город за другим. В конце концов, мы с Дженис купили этот отель. Конечно, были проблемы между шахтерами и мормонами, индейцами и поселенцами... А затем ко мне обратились и предложили работу окружного шерифа.

Кейб внимательно слушал. История Диркера ничем не отличалась от истории многих ветеранов войн, прошедших военную подготовку — они неизменно становились либо блюстителями закона, либо преступниками, а иногда — и теми, и другими.

Кейб свернул сигарету и закурил.

— Я слышал о резне в одном крохотном поселении под названием Рассвет. Расскажешь мне об этом?

Диркер задумчиво посмотрел на Кейба и кивнул.

— Да, это ужасно.

— Что ты намерен с этим делать?

— Я намерен поймать того, кто это сделал. Разве это не само собой разумеется?

— Конечно. И раз уж ты сам об этом заговорил... Здесь, в Уиспер-лейк есть парень по имени Фримен. Утверждает, что он — техасский рейнджер. Сможешь это проверить? Например, связаться с их главой?

— Думаешь, он лжёт?

— Не знаю, Диркер. Но скажу точно, что при виде него у меня возникает дурное предчувствие. И я не могу понять, почему...

Позже, в салуне «Оазис», группа мужчин собралась вокруг Кейба, который пытался выпить свое пиво. Попытался немного расслабиться и представить перспективу своих отношений с Диркером. Они теперь были друзьями или врагами? И что насчёт его жены? Кейб прекрасно знал, как она смотрит на него, и что означает такой взгляд. Она была просто в восторге, когда он шутил о шлюхах и о том, что с ними делал. Он и представить себе такого не мог.

— Итак, этот убийца, этот Душитель Города Грехов, — сказал один из мужчин, шахтер с лохматой седой бородой и без верхних зубов. — Говорят, он разрезает их сверху донизу. Это правда?

— Правда, — кивнул Кейб.

Он словно бы невзначай обсуждал некоторые детали этого дела с Карни, барменом, и это притягивало остальных, как магнит. Они хотели знать всё. Абсолютно всё.

— Так, а на хрена их насиловать? — вклинился другой. — Это же шлюхи! Они сами ноги раздвигают за пару баксов... ну, некоторые из них.

— Да, зачем он их насилует? — пронёсся по толпе шепоток.

— А он не говорил...

Высокий мужчина в сером шерстяном костюме и начищенных черных ботинках покачал головой.

— Мне кажется, сэр, что это неподходящий разговор в присутствии дам.

Шахтёры огляделись по сторонам, пытаясь найти дам. Всё, что они видели, — это несколько шлюх, которые над чем-то размышляли. Они не считали этих женщин за «дам».

— Здесь нет никаких дам, — сказал шахтер. — На случай, если ты не заметил.

— И я всё равно нахожу этот разговор предосудительным.

Шахтеры захохотали над словами мужчины. Похоже, они собирались устроить из-за этого небольшую потасовку, но тут они увидели пистолеты, висевшие у него на поясе. Они были прекрасны и гладки — кольты «миротворцы» с рукоятками из слоновой кости. Оружие метких стрелков.

Шахтёры быстро разошлись по столикам, решив, что сегодня умирать не хотят.

— А вы, сэр, — обратился высокий мужчина к Кейбу. — Если вы — охотник за головами, как вы утверждаете; если вы действительно охотитесь за этим человеком, то я серьезно сомневаюсь, что вы найдете его на дне стакана с пивом.

Кейб взглянул на Карни и покачал головой.

— Послушайте, сэр, я пришёл сюда выпить, а не слушать ваш трёп.

Высокий мужчина сделал шаг вперед.

— А манеры — как у свиньи. Прелестно.

— Я же сказал: я просто хочу допить пиво. Так что не будете ли вы так любезны свалить нахер?

Лицо высокого мужчины побледнело.

— Сэр, джентльмену не подобает так говорить. Ненормативная лексика — это свидетельство недостатка ума.

— Значит, вот он я: слабоумный отброс из Арканзаса.

Восточный диалект. Пижон. Вот кем был этот человек. В эти дни, казалось, нельзя было плюнуть, не попав ни в кого подобного. Кейб обычно просто оставлял их в покое, независимо от того, что он чувствовал по поводу происходящего. Большинство из них никого не беспокоили. Но иногда появлялись и такие...

— Нет, сэр, вы, определённо не джентльмен. Вы грубы, неотёсаны и отвратительны.

— Да, сэр, всё именно так. — Кейб поставил стакан на стойку и надел шляпу. — А теперь, пожалуйста, убирайтесь с моих глаз, пока доктору не пришлось вытаскивать мои шпоры из вашей прекрасной белой задницы.

Но мужчина по-прежнему не двигался, и Кейб начал подумывать, не придётся ли ему похоронить и этого сукина сына.

— Если бы у вашей матери была хоть капля здравого смысла, охотник за головами, она утопила бы вас в ведре, чтобы вы не портили своей вонью эту славную страну.

Кейб почувствовал, как волосы у него на затылке встали дыбом. Нет, нет, он не позволит этому ублюдку втянуть себя в то, о чем потом пожалеет. Этого никогда не случится. Он уйдёт прочь от этого человека.

Высокий мужчина стал между Кейбом и дверью.

Это означало, что у Кейба было два варианта: обойти его или пройти через него. А поскольку Кейб никогда никого не обходил стороной, решение было принято очень быстро. Это было не в его стиле. Это стоило ему крови и синяков на протяжении многих лет, однако он никогда не отступал. Но для себя решил: *«я не достану пистолет, пока будет другой способ решения проблемы»*.

Пижон продолжал стоять на пути, и Кейб двинулся прямо на него, не замедляя шаг.

Когда он был уже в нескольких шагах от него, высокий мужчина выхватил свои кольты. И довольно быстро. Но *недостаточно* быстро.

Пока он вскидывал оружие, Кейб оказался уже настолько близко, что мог ощутить запах, исходящий от мужчины. Несколько быстрых шагов — и он ударил пижона по лицу двумя быстрыми прямыми ударами, от которых тот упал на колени. Кейб пнул его ногой в живот, чтобы тот не смог подняться на ноги. Где-то во время падения высокий мужчина уронил револьверы. Кейб отшвырнул их ногой в сторону.

Кейбу никогда не нравились подобные разборки.

— А теперь, — сказал он, — вы вернётесь домой: в Бостон, в Шарлотсвилл или куда вам там надо. Вернётесь домой к папиным деньгам и семейному титулу. Потому что здесь единственное, что вы найдёте, — это собственную смерть.

Кейб прошёл мимо мужчины, оставив его кашлять и задыхаться; из сломанного носа пижона ручьём текла кровь. Кейб уже почти добрался до входной двери, когда щёголь выкрикнул что-то непристойное и вытащил маленький пятизарядный «Ремингтон Эллиот» калибра.32.

Кейб замер на месте, понимая, что уже не успеет уклониться.

Мужчина направил на него ствол.

Мужчина, полный ярости и ненависти.

И в этот момент в дверь ворвались двое мужчин с дробовиками в пыльниках и ковбойских шляпах.

— Эй, ты, — крикнул первый. — Брось пистолет, или я тебя на месте пристрелю.

Пижон опустил руку, и оружие вывалилось из его ладони.

Второй мужчина повернулся к Тайлеру и окинул его взглядом.

— Вы Кейб? Тайлер Кейб? Охотник за головами из Арканзаса?

— Именно так.

Стволы, как по команде, повернулись в его сторону.

— Тогда вам лучше пройти с нами.

Некоторое время после ухода Тайлера Кейба Дженис Диркер ловила себя на том, что думает о нём. О том, как он держался, как говорил; о той невозмутимой честности, которая, казалось, была признаком того, кем он являлся в этой жизни.

Она поймала себя на том, что думает обо всем этом и знает, что он возбуждает её. Возбуждает какую-то часть, которая долго дремала, как вулкан, только и ждущий своего часа, чтобы извергнуться.

Тайлер Кейб был свободным человеком.

Он казался совершенно не таким, как остальные. У него не было истинного уважения к деньгам или положению, к авторитету или культурным ценностям. Он жил, как хотел; говорил, что хотел и кому хотел.

Он изгой, бродяга. Похоже, у него было больше общего с индейцами, чем с белыми людьми. Может быть, именно это ее и взволновало. Он так отличался от других мужчин, которых она знала. А вот ее муж Джексон — полная противоположность. У него было положение в обществе, безупречные манеры и непоколебимая уверенность в себе.

Но он был жесток и непреклонен, и эмоции казались ему чем-то чуждым. И это был скорее недостаток, чем комплимент. Хотя Джексон хороший человек, который всегда делал правильные вещи в нужное время, но... он был холоден. Ужасно холоден и методичен.

А Тайлер Кейб?

Полная противоположность. Он был крепким, повидавшим многое, вышедшим из самых задворков общества. Конечно, ему недоставало утонченности и светских манер, но то, чего ему недоставало, он восполнял теплотой и человечностью. Он был теплым и дружелюбным и не скрывал свои эмоции.

Он обладал глубиной, искренностью и состраданием. Он являлся всем, чем не был Джексон, и не боялся быть таким. Её отец презирал бы Кейба. И несмотря на то, что Джексон янки, он был именно тем человеком, с которого её отец поставил бы ей в пару — человеком с достоинством, решимостью и выдержкой. Таким было представление отца о настоящем мужчине. А Кейб? Ее отец немедленно отмахнулся бы от него, назвав «мусором с холмов».

Конечно, Кейб не был самым красивым из мужчин.

Он высокий, даже долговязый; мощный, но не слишком мускулистый. Его лицо было обветренным от тяжелой жизни и долгой езды верхом, покрытое морщинами, оставленными опытом. А потом на его лице появились шрамы. Он мог бы внушать ужас, если бы не эти прекрасные грустные зеленые глаза, которые компенсировали все остальное и придавали ему печальный, меланхоличный вид.

Не было никаких сомнений, что Дженис влекло к Кейбу.

Может быть, это из-за отеля, персонала и ежедневной рутины по поддержанию порядка. Джексон был частью этого. Просто еще одно напоминание о тяжелом труде и несчастье, и повседневной жизни... и, возможно, всё это вместе взятое сделало Тайлера Кейба таким новым, таким свежим, таким волнующим.

Ведь он был, если уж на то пошло, воплощением пирата из её подростковых фантазий — негодяй, распутник, волк в мире овец и собак.

Вот о чём размышляла Дженис в тот ветреный вечер, когда в дверь вошёл великан.

Может быть, «великан» — и не самое подходящее слово, но нельзя было не заметить, что ее гость был выше двух метров. Он был одет в лохматую бизонью шкуру, такую же рваную и изношенную, как шкура облезлого гризли.

На груди у него висели скрещенные патронташи с патронами. Большой кольт «Драгун» висел на поясе его штанов из оленьей кожи с бахромой. Его лицо было жёстким, глаза немигающе смотрели вперед, стальная седая борода свисала до самой груди.

Дженис почувствовала, как внутри у нее все превратилось в желе. Она начала дрожать при одном виде великана.

— Могу я... могу я вам помочь? — она справилась.

Он шагнул вперед, отбрасывая на нее тень. На поясе у него висели ножи и пистолеты. Он снял шляпу: его голова была так же гладка, как отполированный ветром камень. Он постучал по столу стволом дробовика.

— Добрый вечер, мадам, — произнёс мужчина. — Меня зовут Клей. Элайджа Клей. Я ищу кусок дерьма, который убил моего мальчика.

Дженис молча смотрела на него.

Он огляделся и кивнул.

— Вам случайно не известно местонахождение одного арканзасского отребья по имени Тайлер Кейб? Я охочусь за этим мудаком, насилующим собак, за этим порождением свиньи, и не собираюсь уходить, пока не доберусь до него.

Дженис хотелось солгать, но она не привыкла врать, не краснея. А этот человек... если он почует ложь...

— Боюсь, его нет дома. Он... он ушел всего полчаса назад. Не сказал, когда вернется.

— Не сказал, да? — Клей вздохнул и покачал головой. — Наверно, это и к лучшему. У вас здесь прекрасное место, мэм. Просто прекрасное. И при всем уважении к вам и вашему прекрасному заведению, я не хотел бы запачкать его такими, как Тайлер Кейб, и пролить эту козлиную мочу, которую он называет кровью, здесь, внутри. Когда я доберусь до него — а я обязательно доберусь до него, — я вытащу этот кусок дерьма наружу и разделаю его, как гниющего оленя. А из мошонки сделаю себе кiset для табака, да.

Дженис не проронила ни слова.

— Полагаю, вас не затруднит передать ему, что я заходил, мадам? — произнёс Клей, излишне вежливый для монстра, которым его видела Дженис. — Скажите ему, что я был здесь и не собираюсь никуда уходить, пока его скальп не будет болтаться у меня на поясе.

Клей надел на голову шляпу, повернулся и направился к двери. Взявшись за медную ручку двери, он остановился, повернулся к Дженис и коснулся полей шляпы.

— Моё почтение, мадам.

И вышел на улицу.

— 10-

Лучшим отелом в Уиспер-лейк, несомненно, был «Стэнли Армс», обслуживавший чиновников горнодобывающей промышленности, зажиточных скотоводов и богатых инвесторов с востока. Он принадлежал шотландскому горцу с крепкими кулаками по имени Макконахи, который приехал в эту страну, чтобы сражаться за Север во время Гражданской войны, а позже заработал миллионы на торговле скотом.

«Стэнли» гордился мебелью из европейских замков, импортной итальянской плиткой и

не одним, а целыми тремя французскими поварами.

Именно туда двое вооружённых мужчин отвели Тайлера Кейба.

Выйдя из салуна на улицу, они опустили оружие. Мужчины ясно дали понять, что он — не пленник, но всё равно пойдёт туда, куда они скажут.

Кейба провели через большие резные дубовые двери, далее — по мраморным ступеням на третий этаж, где его запустили в апартаменты, устланные восточными коврами, и велели ждать.

И он начал ждать... не забывая осматриваться по сторонам.

У одной стены стояла палисандровая этажерка с хрустальным зеркалом и резными полками. Турецкие кресла, розовые стулья и диван в форме медальона, обитый красным бархатом. Кофейный столик с лебедями в виде ножек, высокие книжные шкафы из красного дерева и блестящая восьмиконечная латунная люстра.

Британский слуга, одетый в гетры и фрак, велел Кейбу устраиваться поудобнее. Что было не так уж трудно на верблюжьем плюшевом диванчике, который чуть не проглотил его живьем. В общем, Кейб сидел с бокалом бренди «Наполеон» в руке среди пышного убранства, притворяясь каким-то высокородным лордом.

А про себя думал: *«Ладно, Кейб, должно быть, на этот раз ты действительно разозлил кого-то важного. Так что наслаждайся своим бренди, потому что оно может оказаться последним».*

Кейб как раз решил вдохнуть запах своей оленьей куртки и невымытых подмышек, когда кто-то вошел в комнату. Это был седовласый человек с ястребиным носом — тонким, как игла дикобраза.

— Мистер Кейб, я полагаю? — произнёс он, и в голосе мужчины прозвучало лёгкое удивление.

— Вы... э-э... правильно полагаете, сэр, — сказал Кейб. — И не поймите меня превратно, сэр, я не обезьяна в зоопарке, которая вдруг решила себя обнюхать. Я просто забеспокоился о том, что завоняю ваш прекрасный диванчик.

— Это софа, мистер Кейб, — произнёс мужчина.

— Софа?

— Софа.

Этот человек был высоким и крепким; такие люди любят, чтобы им подчинялись. Он налил себе бренди и повернулся к гостю; его глаза были холодны, как лёд. Он кашлянул.

— Прошу прощения за несколько необычное приглашение, но мне было важно поговорить с вами как можно скорее.

— А вы...? — замялся Кейб, зная, что для этого человека не представиться было серьёзной социальной ошибкой.

— Да, конечно. Извините. Меня зовут Форбс, Коннивер Форбс. Я председатель правления и контролирующий акционер шахты «Аркадиан», которая является всего лишь холдингом Национального Горнодобывающего Объединения. Может быть, вы слышали о нас?

Кейб несомненно слышал. У них было больше денег, чем в любой из трех стран, и больше влияния, чем у дюжины сенаторов штата.

— Конечно. Ваши люди владеют множеством других людей. Таких, как я.

Форбс выгнул левую бровь.

— У меня есть кое-какие дела, которые я хотел бы обсудить с вами... может быть, за

ужином?

Но Кейб покачал головой.

— Я только что съел маринованные яйца. Кроме того, от французской кухни у меня пучит живот.

— Ясно. — Форбс сел. — Тогда я всё упрощу и выложу вам свои карты. Я здесь не только как представитель Национального Горнодобывающего Объединения и «Аркадии», но и как представитель серебряных рудников «Саутвью» и «Хорн сильвер». Видите ли, у нас есть проблема. Проблема, с которой вы, возможно, сможете нам помочь.

— Какая?

— Насколько я понимаю, вы охотитесь за этим извращенцем, известным как Душител ь Города Грехов?

— Да, это верно.

— И обещанная награда за этого человека составляет...?

Кейб свернул себе сигарету, как всегда забавляясь тем, что богатые люди никогда не могут прямо сказать, что у них на уме.

— Насколько помню, около пяти тысяч. Но, кажется, она растёт каждый месяц.

Форбс кивнул и погладил подбородок.

— Я хотел бы нанять вас, мистер Кейб. Нанять вас для решения проблемы, которая гораздо серьезнее, чем этот Душител ь. Видите ли, в последнее время в этом городе возникли некоторые проблемы...

Он подробно рассказал об убийствах и исчезновениях в горах. О тех, которые первоначально считались делом каких-то крупных хищников, но после бойни в Рассвете... в общем, теперь начали рассматриваться и другие версии.

— Видите ли, мистер Кейб, это дело с Душителем, конечно, плохо пахнет, но наша проблема немного хуже. Душител ь убил... сколько? Семь, восемь женщин? Ужасно, да, но незначительно по сравнению с десятками, которые исчезли или были убиты за пределами этого города. А если добавить к этому резню в Рассвете, вы, без сомнения, увидите, что пришло время действовать.

Кейб закурил сигарету и сказал Форбсу, что это не его проблема. Что такими вещами занимается шериф округа. Он назначил награду за животных, которых считал ответственными за произошедшее. А если дело не в животных, то в ком же тогда, черт возьми?

Он был не очень хорошим следователем. Не любил выстраивать догадки и предположения. Обычно он охотился за человеком или животным, которых до этого чётко опознавал. Но это, это...

— Не ваше? — сказал Форбс. — Может быть, а может, и нет. Дело в том, что вы охотник за головами, мистер Кейб. Вы добываете себе пропитание охотой, будь то люди или звери. А что касается следователя... думаю, что вы скромничаете. Ваш послужной список впечатляет. И я хочу, чтобы вы полностью сосредоточились на нашей проблеме.

— И зачем мне это?

Форбс — человек, не привыкший просить, — сказал Кейбу, что на кону стоит нечто большее, чем просто человеческие жизни. Деньги. Огромные деньги. И если убийства и исчезновения продолжатся, шахты окажутся в сложном положении.

Люди уже бежали в страхе. Многие из них уехали, а им — членам Горнодобывающего Объединения — не нужно было массовое бегство, которое лишило бы их прибыли.

— Шахты не могут существовать без рабочей силы, — заметил Форбс.

— Ну да, чёрт возьми, вы правы, — буркнул Кейб. — Если обычные людидохнут — и хрен с ними. Но если их трупы мешают получать прибыль — тогда это совсем другое дело, да?

Форбс покачал головой.

— Для нас не имеет значения, согласны вы с нашими мотивами или нет, мистер Кейб. Мы заплатим вам — и заплатим хорошо, чтобы вы уладили это дело.

— Почему вы не пригласите охотников из других городов?

— Время, мистер Кейб, время. Наше дело должно быть улажено немедленно.

Кейб задумался. Решил, что ему не нравится этот манипулирующий сукин сын, от которого за версту несло залами заседаний и привилегиями.

— Извините, но у меня есть и другие дела, — он затушил сигарету и встал. — А теперь прошу меня извинить...

— Мы заплатим вам пятьдесят тысяч долларов, мистер Кейб.

Кейб почувствовал легкое головокружение. Он снова опустился на диванчик и кашлянул.

— Первое, что необходимо знать в таких делах, это факты. Итак, расскажите мне всё, что вам известно...

— 11-

Подобно стервятникам, собравшимся вокруг свежей добычи, линчеватели — теперь уже без капюшонов — собрались вокруг тела Джеймса Хорнера.

Он лежал на плите в морге — семьдесят килограммов мертвечины. Его глаза остекленели, но были широко раскрыты и пристально смотрели перед собой.

Один из линчевателей — начальник шахты Маккратчен — попытался опустить ему веки, но те упорно поднимались. Мужчина перекрестился.

— Мне это не нравится, — пробормотал он. — Совсем не нравится.

Остальные засмеялись.

— Ничего сверхъестественного в этом нет, — объяснил Каллеб Каллистер. Он взял коричневую стеклянную бутылку с жидкостью, нанёс её на край век и плотно прижал. А через пару секунд, когда отпустил, они больше не открывались.

Хорнер был весь в засохшей крови. Она пропитала его синее пальто и забрызгала лицо. Сбоку в шее зияла огромная чернеющая дыра.

— Должно быть, пуля вырвала ему большую часть шеи, — сказал Люк Уиндоус.

— А вместе с ней — и сонную артерию, — добавил Каллистер.

Он натянул на тело простыню, ибо мёртвое лицо заставляло остальных чувствовать себя неловко.

Без Хорнера их оставалось уже шестеро — Каллистер, Уиндоус, Каслоу, Маккратчен, Чиверс и Реттинг. Они преследовали мормонов уже больше трех месяцев.

В основном они охотились на небольшие группы, отошедшие далеко от деревни. Сегодняшняя вылазка на Искупление была первым подобным выступлением. Но теперь, после смерти Хорнера, она явно не будет последней.

— Мы с Хорнером выросли вместе, — произнёс Уиндоус. — Мы выросли вместе...

— Он храбро бился за правое дело и погиб, — кивнул Каллистер, хотя в голосе его не

звучало никаких эмоций. Но что ещё он мог сказать?

Маккратчен чувствовал себя не в своей тарелке с тех пор, как они привезли тело Хорнера в город.

— Может, это какое-то предзнаменование? — сказал он.

Каслов покачал головой.

— С каких пор пристреленный человек считается предзнаменованием?

— Я просто подумал...

— Хватит, — одёрнул их Реттинг. — Дурацкий трёп.

Но Чиверс не был так уверен.

— Может быть, этим делом мы оскорбили Бога, и теперь он нас наказывает?

— Пасть закрой, — рявкнул Уиндоус.

Каллистер знал, что должен взять дело под контроль, иначе эта драка станет концом их маленького общества.

— Так, — сказал он, вставая между Уиндоусом и Чиверсом. — Хватит пререкаться. Мы все здесь — часть одного целого, мы братья. Мы все дали клятву, не так ли? Я считаю, что смерть Хорнера не имела ничего общего ни с Богом, ни со святыми, ни с самим дьяволом. Это был несчастный случай. Мы ехали туда, стреляя и поджигая всё на своём пути. Вокруг нас летало столько свинца, что нам повезло, что никто больше не получил пулю. Может быть, мормоны и попали в Хорнера... а может быть, это сделал кто-то из нас. Рикошет. Это возможно. Всё возможно.

Все замолчали и на несколько секунд задумались.

— Так что хватит нести чушь, — сказал им Каллистер. — Эти ублюдки заплатят за произошедшее, просто не сегодня.

— А что с Хорнером? — поинтересовался Уиндоус.

Каллистер вздохнул.

— Мы должны избавиться от тела.

— Подожди-ка минутку, — сердито начал Уиндоус. — Он был моим другом. Я вырос вместе с ним, я...

— Мы должны избавиться от тела, — перебил его Каллистер. — Попомните мои слова: мормоны придут к Диркеру с криками, как только рассветёт. Если они видели, как его застрелили, то расскажут об этом шерифу. А если Диркер увидит рану Хорнера, то этот хитрый сукин сын сложит два и два. Он знает, кто друзья Хорнера, и поймёт, на кого повесить всех собак.

После этого наступила тишина.

Полнейшая.

Всё, что можно было услышать, — это ветер за окном и тиканье каминных часов в комнате.

Каллистер велел Уиндоусу и остальным унести тело в горы и закопать в неглубокой могиле, где его никогда не найдут.

— Мы отомстим за Хорнера, — пообещал Каллистер. — Может быть, завтра вечером, может быть, послезавтра, но он, безусловно, будет отмщён. В следующий раз, когда мы поедем в Искупление, у нас будет не только оружие и керосин.

— А что ещё? — вскинул брови Каслов.

— Я думал о динамите для шахт, — усмехнулся Каллистер.

Остальные ухмыльнулись в ответ.

Утро следующего дня выдалось прохладным и пасмурным, легкий дождь моросил над горами Сан-Франциско, городками и шахтерскими поселками, которые росли вокруг них, как сорняки.

В Искуплении группа мужчин, одетых во всё чёрное, находилась в большом амбаре. Они стояли и смотрели на тела, лежавшие поверх тюков сена. Это были тела мужчин, женщин и детей, убитых линчевателями. Их было около двух десятков.

Хотя эти люди следовали учению Бригама Янга[1] и пути праведности, положенному пророком Джозефом Смитом[1], они не были похожи на других мормонов.

Эти люди были вооружены кольтами и дробовиками, винтовками и армейскими карабинами. В религии, которая поддерживала путь агнца, эти люди были волками, охотниками и хищниками.

Они называли себя «Даниты», хотя язычники знали их под именем «Ангелы Разрушения». Это было тайное общество, являвшееся частью Церкви Святых последних дней.

Еще до начала резни в Маунтин-Медоуз, когда мормонские ополченцы и индейцы под предводительством датчан вырезали не менее 150 выходцев из Калифорнии, они активно сводили счеты и исправляли несправедливости по отношению к мормонскому населению территории Юта.

И всё это — по приказу Бригама Янга, хотя он и отрицал это раз за разом.

И теперь они были в Искуплении.

Деревенский старейшина расхаживал перед телами, не скрывая слез.

— Только через Священное Писание мы можем узнать о плане Божьем, о красоте ума Божьего и воли его, — говорил он. — Ведь все мы — дети Божьи, не так ли? Мужчины, женщины и дети? И разве нам не обещано спасение за труды наши, за беды и муки земные?

В ответ ему хором прозвучало «аминь».

— Да, братья и сестры, Господь Всемогуший повелел нам идти среди народов и распространять слово его. Он уполномочил нас крестить язычников в Церкви своец. И это — о да! — это наша задача! Нет, это наше божественное право! И все же, есть те, кто навлекает на нас нечестивые деяния! Мерзкие поступки, совершенные мерзкими умами и мерзкими сердцами! Они отвергают Слово и учение Господа Бога Саваофа! Они отказываются не только от спасения, но и от пути избавления и от вечной жизни! Они плюют в лицо его сыну Иисусу Христу! И что еще хуже — гораздо хуже, братья мои! — они убьют нас и выжгут всех с тех самых земель, которые обещал нам Пророк Джозеф Смит! А когда они развращают наших детей, разве мы не сердимся? Когда они проливают кровь нашего рода, разве мы не приходим в ярость? И когда они убивают наших братьев, разве мы не движемся к мести?

Крики «аминь» теперь звучали громче и громче. Старейшина открыто занимался плагиатом как Книги Мормона, так и произведений Уильяма Шекспира, но никто, казалось, этого не замечал.

Старейшина был известен своими пламенными проповедями, и никто не был разочарован этим утром, глядя на обгоревшие и изрешеченные пулями трупы перед собой.

— Господь сказал нам любить Его, любить всех его детей... но как быть с теми, кто не любит нас? Кто не избрал путь спасения и мира? Что же тогда, спросите вы? А я вам отвечу, братья! Ибо как сказал Господь: мне отмщение, и им отмщение! Наше кровное право —

отомстить за убийство нашего рода! И так и будет, братья мои...

Даниты слушали — не улыбаясь, но и не хмурясь. Они знали, что им дано задание, и они выполняют его даже ценой собственных жизней.

Аминь.

— 13-

Чарльз Седобровый проследил за Орвиллом дю Ченом до хижины на берегу озера. Она стояла на небольшом холме, окруженном деревьями, которые давно уже засохли из-за грязи, льющейся с близлежащих нефтеперерабатывающих заводов.

В воздухе резко пахло химикатами и промышленными отходами. Вода плескалась чёрной пеной. Орв сидел на камне, глядя на туманную воду, и что-то бормотал.

Седобровый приблизился к нему сзади, нарочно создавая как можно больше шума, чтобы Орв точно понял, что к нему идут гости.

— Они рассказали мне об этом, да, рассказали, — пробормотал Орв. — Сказали, что придёт индеец и захочет кое-что узнать. У него будут ко мне вопросы, сказали они, и это... конечно, они всегда правы, не так ли? Ну, разве не так? — Орв потёр виски. — Иногда... иногда я говорю глупости из-за своей головы; она болит, жутко болит, и я слышу эти болтающие без умолку голоса...

Седобровый кивнул. Наверно, это было непросто.

— Не против, если я присяду рядом?

Орв почесал подбородок.

— Ты ведь индеец, да? Я ничего не имею против индейцев, просто спрашиваю... В прежние времена я знавал множество индейцев. Чероки. Да, чероки... Садись сюда, садись, Чарли. Видишь, я помню, как тебя зовут.

Седобровый принёс с собой бутылку виски. Он сделал глоток и передал её Орву.

— Очень по-соседски с твоей стороны, Чарли. Да, — Орв тоже сделал глоток и вернул бутылку индейцу. — Я стараюсь... я стараюсь не терять голову, но это не всегда получается. Я начинаю говорить одно и то же, одно и то же. Но ты... ты же меня понимаешь, да? Некоторые не понимают, но ты-то понимаешь...

— Да, думаю, я понимаю.

Орв заскрежетал зубами.

— Избавление... город, который построил Дьявол. О, подумай об этом, Чарли! Те, кто не любят свет, кто предпочитает темные места! Те, кто живут в подвалах и на чердаках, те, кто не выходит днем! Те, кто любит мясо и кровь людей! С Кожным Лекарством... о, да, вытатуированным на их плоти!

— Кто они?

Но Орв не ответил. Какое-то время он просто молчал, приходя в себя.

— Ты... ты помнишь Джонни Холликса? — поинтересовался Орв. — Он... он был индейским агентом на родине, устроил этим чероки настоящий переполох. Конечно, кое-кто из моей родни тоже... Как, к примеру, кузен Стуки — да он никогда и никому не был нужен. Но я помню Джонни Холликса — он ловил речных котлов вместе с дедушкой Джереми на южном берегу реки Сак. Иногда я ходил с ними, и иногда этот шаман из племени чероки... ты помнишь его имя, Чарли?

Седобровый сделал глоток виски.

— Боюсь, моя память уже не та.

Орв начал хлопать себя ладонями по ногам, качая головой.

— Да, да, да, я помню! Не нужно кричать! Чарли! Скажи им, чтобы они не кричали!

Седобровый подошел к Орву сзади, чувствуя сильную жалость к этому человеку. Он положил руки ему на плечи, помассировал напряжённые мышцы, как когда-то делала его мать. Постепенно Орв перестал дрожать.

— У тебя хорошие руки, — сказал Орв. Его голова наклонилась вперед, и подбородок коснулся груди. — Да, я слышу, слышу. Этого шамана из племени чероки, Чарли, звали Лёгкое Пёрышко или что-то в этом роде, но все звали его Король Пейнт. Король Пейнт. Они с дедушкой Джереми любили корни и травы, любили шаманство. Жена Короля Пейнта — та хорошенькая молодуха с длиннющими ногами, сиськами и большими глазами — она связалась с Джонни Холликсом. Однажды старина Джонни просто исчез, а эта скво... Хи-хи-хи! Это самое ужасное, самое ужасное!

Седобровый понимал, что пришёл сюда узнать вполне определённые вещи. Но с другой стороны, он знал, что нельзя перебивать Орва. Пусть он поговорит, и, в конце концов, всё равно перейдёт к сути.

В общем, Орв рассказал ему о скво Короля Пейнта и об ужасном наказании, постигшем её за то, что она регулярно спала с Джонни Холликсом.

Они взяли труп сдохшей в канаве лошади, подвесили его в двух метрах над землёй на толстых канатах, а внутрь, под шкуру, живьём зашили скво, оставив снаружи только её голову. Туша была полна мух, муравьев и жуков. А через несколько дней в ней завелись ещё и личинки. Туша стала вся мягкая, гнилая и червивая. Орв сказал, что через неделю труп был так заполнен копошащимися личинками, что издалека казалось, будто он движется и танцует.

И скво, конечно же, зашита в эту гниль с миллионами ползающих по ней червей, сошла с ума. Она смеялась и кудахтала, кричала и плевалась, а потом откусила себе язык и разорвала губы в клочья.

Вороны и стервятники ковырялись в ее лице, а внутри этой шкуры... ну, вряд ли кто-то хочет задумываться, каково это — лежать в копошащихся могильных червях.

— Ужасно, Чарли, это было ужасно, — сказал Орв, дрожа всем телом. — И прошло две недели — целых две недели! — прежде чем эта лошадь сгнила и упала на землю. А скво? Мертвая, с выколотыми птицами глазами и содранной с лица кожей... Ох, не думаю, что ты захочешь говорить об остальном, не так ли? Нет, не захочешь, не захочешь!

Седобровый вынужден был признать, что слышал и раньше о некоторых откровенно непристойных наказаниях за супружескую измену, но этот, несомненно, занял первое место.

Орв замолчал, попеременно хихикая и похныкивая, шепча что-то своим братьям Рою и Джесси, которые, очевидно, были мертвы.

— Орв? — произнёс, наконец, Седобровый. — Расскажи мне про Избавление.

Орв вскрикнул и начал креститься.

— Я не могу! Я не могу! Это он, этот дьявол Джеймс Ли Кобб! Он... он... он родился из тьмы, да, я знаю это. Что-то ползающее и скользкое из темных мест, где у людей нет тел, — о, это был его отец! А его мать... Господи, помоги ей! Помоги ей! И Кобб, Чарли, хи-хи-хи, Кобб поднялся в эти горы и нашел того, другого, который ждал его все эти годы! Того, кто ждал в пещерах Макабро... о, не спрашивай меня больше, не спрашивай! Потому что это

было в Коббе, а потом Кобб спустился с гор... и он съел их, съел тех людей... а потом он услышал рассказ о Духе Луны...

После этого Орв впал в истерику. Он плакал и кричал. Седобровому пришлось поить его виски до тех пор, пока боль не ушла, а потом он завёл его в хижину, чтобы тот мог отдохнуть.

Он не был уверен, в чем тут дело, но больше не было сомнений, что Джеймс Ли Кобб был катализатором происходящего ада. Если верить Орву, тогда в горах что-то зловещее овладело Коббом — что-то, что коснулось его ещё при рождении.

И это что-то привело его к Духу Луны, который был очень могущественным шаманом Змеев.

Все начинало сходиться, и Седобровому не нравилось, куда это ведёт.

— 14-

На следующее утро Дженис Диркер рассказала Тайлеру Кейбу о великане, который приходил за ним прошлой ночью. Говоря это, она буквально побелела от страха, но Кейб-то знал, что она — не трепетная фиалка.

— Элайджа Клей, — только и смог сказать Кейб, качая головой. Его завтрак из пирога и жареной картошки внезапно забылся. — Господи Иисусе, этот сукин сын действительно охотится за мной. Будь я проклят.

Дженис выглядела более чем обеспокоенной.

— Кто он, мистер Кейб?

И Кейб рассказал ей всё о том, как застрелил Вирджила Клея, и как Чарльз Седобровый поведал ему, каким монстром и зверем был отец Вирджила — Элайджа... наполовину медведь-гризли, наполовину огр, отнимающий жизни, раздражительный несносный ублюдок.

Её тёмные, чудесные глаза всё время смотрели на него, и в них было настоящее беспокойство, настоящий страх.

И Кейб подумал: *«Будь я проклят, эта леди действительно беспокоится обо мне».*

— Мне это совсем не нравится, мистер Кейб, — сказала она глубоким и чувственным голосом, от которого внутренности охотника за головами потекли, как сладкая патока. — Я прекрасно понимаю, что это не моё дело, но думаю, что вам лучше на время спрятаться. Пусть мой муж разбирается с этой свиньей. Он знает, что нужно делать.

Кейб поймал себя на том, что улыбается, как маленький мальчик.

Улыбается, заметьте.

За ним охотится самый подлый ублюдок, какого только можно вообразить, желающий сделать кисет из его половых органов, а он ухмыляется, как маленький мальчик с мятной конфеткой. И всё из-за Дженис Диркер.

Хотя он был не намного красивее обычного дикого кабана (и он первым признавал этот факт), за последние годы Кейб привык к женскому вниманию. Его желали и его хотели.

Но никому прежде не было дела до того, жив он или умер... а теперь за него волновались. Он сразу же почувствовал кучу эмоций: смятение, замешательство и даже страх.

Но ему это нравилось. Да, чёрт возьми, нравилось!

— Мэм, вы очень добры ко мне. Вы слишком заботитесь о таком измученном бродяге,

как я, и я не могу выразить, как ценю это, — сказал Кейб Дженис, чувствуя, как его голос охрип от волнения. — Но, право же, я могу сам позаботиться о своих делах. Я всегда сам справлялся, и так будет и впредь. А Джексону — то есть, шерифу, — думаю, ему и без меня проблем хватает.

Дженис тяжело дышала. Как и Кейб.

Что все это значило? Похоть? Страсть? Да, конечно, все это было очевидно, но было и ещё кое-что. Что-то более глубокое. Что-то, что он чувствовал; что горело глубоко внутри него, как раскалённые угли на голубом льду. Для этого существовало подходящее слово, но он не осмеливался даже подумать о нём.

— Прошу вас, мистер Кейб. Без сомнения, вы — мужчина, способный самостоятельно позаботиться о себе, но...

— Но?

Она отвела глаза. Кейб протянул руку и накрыл ее ладонь своей. Через него словно пропустили удар тока. Дженис тоже вздрогнула.

Она покраснела и попыталась отдернуть руку, но у неё не получилось. Под грубой, мозолистой ладонью Кейба её ладонь казалась нежной, как лепесток, и хрупкой.

Дженис провела языком по губам.

— Я не... Господи, что же я делаю?

— Скажи это, — приказал он.

Она вздохнула.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

— Если таково твоё желание, то я позабочусь, чтобы со мной ничего не произошло.

Какое-то время они смотрели друг другу в глаза, а потом Дженис отстранилась и выбежала из столовой. А Кейб остался сидеть, ощущая себя человеком, расплюснутым огромным грузом.

И прошло немало времени, прежде чем он смог подняться на ноги.

— 15-

— Вижу, ты всё ещё жив, — поздоровался с Кейбом Чарльз Седобровый. — А я собирался купить на твои похороны красивый белый костюм. Наверно, я поторопил события.

Кейб вытащил сигарету.

— Если и поторопил, то ненамного.

После разговора с Дженис Диркер он, наконец, нашёл в себе силы собраться с духом, спрятать свои эмоции и выйти на улицу. И начал проверять Уиспер-лейк салун за салуном.

Но не ради выпивки, а из-за Элайджи Клея. И в конце пути, возле железнодорожного депо Юнион Пасифик, он заметил Чарльза Седобрового, который сидел на брёвнах и болтал с другим индейцем, который стругал палки.

Седобровый сидел, изучая небо, которое было свинцовым и беспокойным. Холодный ветер трепал его длинные белые волосы, заправленные под шляпу. Один глаз был прищурен, другой — широко открыт и пристально смотрел перед собой.

— Слушай, Тайлер Кейб, — внезапно произнёс индеец. — Как ты думаешь, если я надену белый костюм и начну шататься по складам, люди могут принять меня за богатея-банкира с востока?

— Сомневаюсь.

— Потому что я индеец?

Кейб пожал плечами.

— Это может их насторожить.

— Черт побери, иногда быть индейцем — сущий ад. Может быть, я всё-таки куплю костюм. Как я слышал, Элайджа Клей появился в городе. Говорят, он тебя ищет, — Седобровый только покачал головой. — Значит, я все-таки смогу извлечь из костюма хоть какую-то пользу.

Кейб только усмехнулся. Он раздавил сигарету в грязи и снял шляпу. Не поднимая глаз, он начал возиться с лентой над полями шляпы.

— Ты уже успел меня убить и похоронить, да?

Седобровый кивнул.

— Мы с кучкой моих красных братьев делаем ставки. Я поставил на то, что ты умрёшь до завтрашнего утра. А, может быть, я просто пессимист. Обо мне все так говорят. Поди разберись.

Кейб снова надел шляпу.

— Думаю, вскоре ты потеряешь некоторую сумму.

— Возможно. — Седобровый повернулся к своему индейскому другу. — Эй, Рэймонд! Как думаешь, сможешь помочь моему приятелю? — он снова повернулся к Кейбу. — Я зову его Рэймонд, потому что его на самом деле зовут Гордец Рэймонд.

— Серьёзно?

Гордец Рэймонд выпрямился — это был крупный мужчина, одетый в шерстяные брюки, подтяжки и рубашку лесоруба.

— Это и есть арканзасский охотник за головами?

— Да. Зовут Тайлер Кейб.

Гордец кивнул и почесал подбородок.

— Да, думаю, что смогу ему помочь. У меня на заднем дворе лежат остатки древесины.

— Пойдёт. И никакая витиеватая табличка с надписями ему не нужна. Просто ящик.

— Ладно, только задаток вперёд.

— Договоримся.

Кейб никак не мог вникнуть в происходящее.

— О чём, чёрт возьми, вы вообще говорите?

Седобровый похлопал его по плечу.

— Не лезь пока в наш разговор, — прошептал он. — Я пытаюсь заключить для тебя выгодную сделку.

— Какую сделку?

— На гроб. Тебе скоро понадобится.

Кейб почувствовал, как у него отвисла челюсть.

— Похоже, вы двое совсем в меня не верите, да?

— Ничего личного, правда, Рэймонд? Просто мы знаем Элайджу Клея — вот и всё.

Кейб вздохнул и пошел прочь, решив осмотреть склад. Где-то этот ублюдок прятался, и будь то ад или чистилище — Кейб планировал вытащить этого сукина сына наружу.

Потому что, честно говоря, впервые за долгое время он почувствовал, что у него есть чертовски хорошая причина продолжать жить.

— Эй, Тайлер Кейб, — окликнул его Седобровый. — Притормози, мне нужно с тобой

поговорить.

Но Кейб даже не замедлил шаг.

— Если ты хочешь рассказать, что уже присмотрел для моей могилы миленький кусок земли, то мне не интересно.

Седобровый догнал его и положил руку ему на плечо, чтобы остановить.

— Нет, ничего подобного. Просто остановись, — он тяжело дышал. — Дело не в том, что я стар; просто не хочу выпендриваться и обгонять тебя.

— Ты и не сможешь. Сил не хватит.

Седобровый улыбнулся.

— Тебе не понравилась моя безобидная шутка?

— Не очень.

— Всё дело в моём индейском чувстве юмора, оно многим кажется довольно странным. Белые люди, по-моему, никогда не понимают его. — Он последовал за Кейбом к скамейке у телеграфа. — Оно есть у всех нас, у всех индейцев. Возьмем, к примеру, Кастера из «Большого рога». Если бы он просто дождался кульминации, все обернулось бы по-другому.

— Ты сумасшедший, вот что.

Седобровый протянул ему бутылку.

— Держи, успокоит твои нервы.

— Мои нервы в порядке. К тому же, сейчас раннее утро.

— Вы белые... Я никогда вас не пойму, мальчик мой. Вы привозите в эту страну виски, подсаживаете на него мой народ, а потом делаете вид, что вам это противно.

Кейб усмехнулся.

— У нас тоже есть чувство юмора.

Седобровый сделал ещё один глоток.

— Раз уж ты знаешь, что Клей в городе, я не стану тебя об этом предупреждать. Но я слышал, что шахтёры наняли тебя, чтобы разобраться со всеми этими убийствами. Это правда?

— Слухи быстро распространяются, не так ли? — поморщился Кейб. — Да, это правда.

— Хорошо. Потому что тебе понадобится моя помощь. Я многое знаю об этих убийствах. Если ты хочешь остановить их, то тебе придется остановить Джеймса Ли Кобба.

— А это ещё кто такой, во имя всего святого?

— А ты не знаешь? — вскинул брови Седобровый. — Ну, садись, потому что история эта долгая. И прежде чем ты спросишь — да, это имеет отношение к гробам, могилам и всему прочему. Просто немного не такое, как ты думаешь...

— 16-

День становился все холоднее, когда Кейб и Седобровый выехали в Избавление. Они двинулись по грунтовой дороге вверх от Уиспер-лейк, мимо шахты «Саутвью» и свернули на дорогу, где она раздваивалась у полуразрушенного дуба.

Кейб внимательно осмотрел дерево.

Оно было высоким, потрескавшимся и черным, похожим на огромного паука-птицееда, вылезавшего из канавы вдоль дороги. Кейб не понимал, в чём дело, но это дерево сильно его беспокоило. Он не был склонен верить в предзнаменования и приметы... но каким-то образом это дерево было предупреждающим его знаком.

Мужчина поймал себя на том, что изучает пейзаж, расстилающийся перед ним —

обнаженная алая скала, вырывающаяся из тяжелого папоротника и кустарника, заросли солончака и конского кустарника, сменяющиеся травянистым лугом и густыми зарослями осины. Ручьи обрамляли поникшие кизилловые деревья и безлистные ивы.

Он вбирал в себя все это, мысленно отмечая бесплодные скалы и густые леса, как будто никогда больше их не увидит. Но когда ехал на своем гладком мускулистом чалом по узкой извилистой дороге, устланной осенними листьями и сосновыми иголками, то понимал, что всё дело в рассказанных ему сплетнях. Суеверной чуши, которой не было места в работе Кейба.

Вся эта история с Джеймсом Ли Коббом. Его жизнь и кулинарные привычки. Потом эта история о том, что его отправили в Уиспер-лейк в гробу... только вот он, возможно, и не был мертв. Если, конечно, не сомневаться в том факте, что младший Каллистер был убит (потому что никто на самом деле не верил в теорию самоубийства), а тело исчезло.

Но дело было не только в этом. Потому что Гуд — старый бродяга, который, по словам Седобрового, и привёз в Уиспер-лейк гроб, был твердо убежден, что то, что находилось в том ящике, человеком не было. Добавьте это к тому факту, что вскоре после этого дела в Избавлении пошли плохо, жители продали душу дьяволу (как утверждали местные), и даже самые здравомыслящие люди начали задаваться вопросами.

Едущий рядом на своём мерине Седобровый поинтересовался:

— Я когда-нибудь рассказывал тебе, Тайлер Кейб, про двух дураков, отправившихся в город дьявола?

— Не-а. И что случилось?

— Их убили. Так, по крайней мере, я слышал.

Кейб облизнул губы, почувствовав неприятный холодок в душе.

— Ты боишься, Чарльз? Боишься того, что мы можем найти?

— Черт возьми, нет, — сказал Седобровый. — Я индеец, мы не знаем страха. — Он с минуту ехал молча, направляя коня. — И все же... я подумал, что, возможно, есть что-то, что я должен сделать прямо сейчас; может быть, я должен где-то быть. Я сказал вдове Лукас, что зайду и починю её сарай. Он протекает. Может быть, именно это мне и стоило сейчас сделать.

— Когда ты должен был его починить?

— Ещё два года назад, — признался Седобровый. — Но вот в такие моменты, как сейчас, я задумываюсь, не стоит ли мне туда наведаться? Как думаешь?

— Нет. Если только тебе не нужна моя помощь.

— Собирался справиться сам.

Они поднялись выше, где воздух был свежим и холодным — таким холодным, что казалось, он вот-вот затрещит. Несколько снежинок танцевали в воздухе. По листве и суглинку слышался стук лошадиных копыт, позвякивание снаряжения и скрип седел. И больше ничего.

Осиновые леса уступили место можжевельнику и сосняку; дорога поднималась и извивалась. Выше были склоны, покрытые дугласовыми пихтами и елями; древние щетинистые сосны усеивали изрезанные вершины чуть ниже линии снега.

Кейб проехал через множество гор. Он провел бесчисленное количество дней и ночей, рыская по их пустошам... но никогда еще их абсолютная тишина не поражала его так, как здесь.

Ветви деревьев соприкасались, ветер свистел в высоких вершинах, но в остальном все

было тихо. Странно молчаливый лес. Мертвая тишина. Какая-то тяжелая, задумчивая тишина, знакомая по могильникам и склепам.

И Кейбу она совершенно не нравилась.

— Должно быть, вон за тем поворотом, — сказал Седобровый придушенно, словно что-то застряло у него в горле.

Кейб почувствовал, что весь напрягся. Здесь не было никакой реальной, осязаемой угрозы. Никаких поджидающих их людей с оружием. Тем не менее, его мышцы были напряжены, а сердце билось быстро и громко. Что-то поползло у него по спине, и ему безумно хотелось схватить в каждую руку по пистолету.

Дорога втиснулась между высокими берегами, где ветер раскачивал стволы мертвых сосен, и тогда они увидели Избавление. Но, как понял Кейб, сейчас это место не столько *видели*, сколько *чувствовали*. И он тоже не стал исключением.

Если раньше что-то ползло вверх по его позвоночнику, то теперь оно несло с немыслимой скоростью. Воздух был гораздо холоднее, словно порыв ветра из ледника. Что-то внутри Кейба дрогнуло и завязалось в тугий узел. Его яйца затвердели, а грудь словно сдавили железными обручами.

— Ад и погибель, — пробормотал Седобровый.

Перед ними в небольшой лощине раскинулась деревня; с одной стороны ее окружал лес, а с другой — холмы и поля. Высокие камни, покосившиеся и серые, похожие на монументы, поднимались на этих плоскогорьях. Все деревья были голы и мертвы. Ничто не двигалось, ничто не шевелилось. Только ветер выл и свистел, и по его тембру Кейб был уверен, что в Избавлении нет ничего живого.

Городок немедленно вызвал у него неприятное ощущение клаустрофобии. Здания и дома были слишком тесно прижаты друг к другу, возвышаясь над улицами и нависая друг над другом. Везде, где был открытый двор или стоянка, жались друг к другу ряды лачуг и бревенчатых строений с покатыми крышами.

Дороги были невероятно узкими и тесными. Нигде не было видно ни единой вертикальной линии — всё представляло собой безумное нагромождение покосившихся стен, покатых крыш, наклонных дверных проемов и теснящихся лачуг.

Даже улицы и переулки были зигзагообразными и беспорядочными. Большинство городов были построены таким образом, чтобы собрать в себе солнечный свет и пространство, но Избавление было построено, чтобы подчеркнуть тень и подавление. Если уж на то пошло, то это было больше похоже на какие-то гниющие трущобы на востоке.

На въезде в деревню висела деревянная табличка.

ИЗБАВЛЕНИЕ — гласили выцветшие печатные буквы.

Кто-то вырезал два простых креста по обе стороны от названия. Они выделялись, как знаки колдовства на письменах. Кейб почувствовал, как у него сдавило горло, он с трудом втянул воздух в легкие.

Пока они ехали вниз, в злое сердце деревни, казалось, что все это место разлагается, гниет, как туша какого-то проклятого животного. В стенах зияли огромные дыры, а крыши проваливались внутрь.

Окна разбиты, ставни хлопали на ветру. Все вокруг было выветрено до однородного серого цвета, как кладбищенский мрамор. Огромные, жуткие тени выползали из искореженных дверных проемов и обрушившихся лестничных колодцев, ложась на грязные улицы черными лужами.

Кейб и Седобровый привязали своих лошадей к коновязи и замерли, чувствуя, как аура Избавления наполняет их, словно сочащийся яд.

Сорняки росли прямо на улицах и прорастали из дощатых тротуаров, которые были искривлены и покрыты инеем, а некоторые — совсем сгнили.

Кейб осторожно вытянул из седельной сумки винтовку, резко втянул морозный воздух и произнёс:

— Ну что, Чарльз? Как ты смотришь на то, чтобы осмотреться здесь?

Седобровый стоял рядом с лошадьё; его длинные седые волосы развевались на ветру. В руках у него была винтовка.

— Если ты считаешь это правильным, белый человек...

Кейб вовсе так не считал. Одного ощущения этого места было достаточно, чтобы заставить человека вскочить на лошадь и скакать до тех пор, пока поселение не останется позади. Воздух был гнетущим, почти физически тяжелым, как будто это был не воздух, а что-то скользкое и влажное.

Всепоглощающее, почти туманное ощущение пагубности заставляло Кейба чувствовать себя жалко. Он боялся идти дальше, боялся прикоснуться к чему-либо. Как будто зараза найдет его, сделает частью того, что вырвало кишки — и душу — из этого места.

Он стоял на тротуаре перед тем, что когда-то могло быть салуном. Потрескавшаяся вывеска скрипела на петлях над головой, но она была совершенно не читаема, буквы стерлись ветром и непогодой. Только смутные очертания. Возможно, голова лошади.

— Ты хочешь сказать, что это место пошло ко всем чертям только с тех пор, как появился этот Кобб? — поинтересовался Кейб. — Похоже, оно было заброшено много лет назад.

— Именно так, — ответил индеец.

Он рассказал Кейбу, что первоначально город назывался Шоуксвилл, в честь своего отца-основателя, Шоукса Тьюбери — янки из Новой Англии. Тьюбери обнаружил в холмах месторождение и построил здесь поселение, вероятно, чтобы превратиться в один из портовых городков.

Ему принадлежало все. Более пятисот-шестисот человек жили в городе и работали на рудниках еще в 1865 году, но потом руда кончилась, и железная дорога прошла мимо... и городок вымер.

— Я слышал, что Тьюбери уехал последним в 70-м году. Это место пустовало до тех пор, пока два года назад сюда не въехали мормонские поселенцы, решившие перестроить его под себя. Не похоже, чтобы они в этом преуспели.

Кейб тоже так думал. Он окинул взглядом улицу.

— Мы зря теряем время, Чарльз. Не может быть, чтобы здесь никого не осталось.

— Именно это мы и приехали выяснить, не так ли?

Чертова индийская логика. Она всегда была такой чертовски черно-белой. И как раз тогда Кейб понял, что у него есть веская причина выгнать их отсюда. Он подошёл к двери старого салуна. Здание было повреждено водой, дверь искорежена.

Кейбу пришлось навалиться плечом, чтобы открыть её. А потом она чуть не слетела с петель. Внутри стояли пыльные столики и заплесневелая барная стойка. Сквозь щели внутрь залетали листья.

Кейб перешагнул через мумифицированное тело крысы, отчетливо слыша стук своих сапог и шпор по кривому настилу. За стойкой бара стояли пустые бутылки и стаканы.

Несколько пошлых картин со шляхами были залепаны грязью и затянуты паутиной.

Кейб просто стоял и слушал, слушал, слушал. Он ничего не слышал, но всё чувствовал. Город не был пуст. Не в обычном смысле этого слова. Это было всепоглощающее ощущение... присутствия.

Как будто жители деревни прятались, играя в какую-то идиотскую игру. Просто ждали, чтобы в какой-то момент хлынуть из подвалов и закрытых ставнями чердаков, чтобы показать этим двум незваным гостям, какую игру они затеяли.

И это больше, чем всё остальное, пробирало Кейба до костей.

Он вытащил из кармана своего суконного пальто свернутую сигарету и поджёг её. На самом деле он не хотел курить, но ему нужно было ощутить запах чего-то еще, кроме вони этого города.

Потому что здесь, в этом пустом салуне, вонь была ужасной. Глубокий, всепроникающий запах разложения и вырождения, который говорил ему, что этот город был разрушен, загрязнен до самой сердцевины.

Он не мог определить источник этого запаха. Отвратительная, зловещая атмосфера погребальных ям и оскверненных могил. Кейб не был склонен к суевериям, но в тот момент... он не хотел бы оказаться в этом поселении после наступления темноты. Он вскоре просто перерезал бы себе вены.

— Идём, — позвал он Седобрового.

С винтовками в руках они осмотрели старый бар, заколоченный танцевальный зал, разрушенные комнаты наверху. И везде было одно и то же.

Множество пылинок, плавающих в воздухе, много грязи и гниющей мебели — но больше ничего. Они находили здания, где были следы, отпечатанные в пыли, но людей нигде не было видно.

Они брали с собой лошадей, когда шли по улицам, потому что животные стали нервными и пугливыми. Не было никакого сомнения, что они тоже это чувствовали, чувствовали и хотели уйти как можно скорее.

Кейб и Седобровый не заглядывали в каждый дом или здание. Были такие места, куда они просто не могли заставить себя войти. И многочисленные тупики, где крыши нависали до такой степени, что создавали океаны дрожащих теней — настолько непроницаемых, что ничто не могло заставить двух мужчин исследовать их.

Но куда бы они ни шли, они чувствовали эту духовную скверну, эту безумную ауру чумы. В нескольких зданиях они слышали шаги в пустых комнатах или царапающие звуки изнутри стен. А однажды — шепот из темного, мрачного подвала.

Но когда они всё же решились войти внутрь, там никого не оказалось.

Кроме этого, единственными звуками были стоны ветра и стук их собственных сапог, переступающих через повалившиеся доски. Но это не убедило Кейба в том, что он все это выдумал. Потому что там был кто-то... или что-то. Позади них, впереди них, вокруг них. На крышах или в подвалах.

Краем глаза он не раз замечал какое-то движение. И в одном нельзя было ошибиться: за ними следили. Глаза смотрели на них из-за темных углов, злобно выглядывая из-за закрытых ставнями окон и темных, влажных мест.

На окраине города они обнаружили несколько бревенчатых домов, в которых недавно кто-то жил. Кровати были застелены, столы накрыты, дрова сложены и хлева убраны.

Все было покрыто пылью, и это заставило Кейба подумать, что кто бы ни жил в этом

городке, он уехал в адской спешке. В этой части страны времена всегда были суровыми, и никто не бросал свои вещи и пожитки без реальной, чертовски веской причины.

В одном из домов они нашли пожелтевшую кость.

Она лежала посреди комнаты на полу. Человеческая бедренная кость. Кейб с Седобровым осмотрели её со всех сторон и пришли к единому мнению: следы на её поверхности были оставлены чьими-то зубами.

— Что ты обо всём этом думаешь? — спросил, наконец, Кейб.

Седобровый лишь покачал головой:

— Я думаю, что всё гораздо хуже, чем то, что говорят люди. Что бы здесь ни случилось... наверно, я не хочу знать правду.

Кейб посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты боишься?

— Чёрт, да ещё как!

И Кейб тоже был напуган. Никогда прежде он не испытывал такого ужаса. И что еще хуже — с ним было справиться гораздо труднее, ведь он даже не знал, чего боится. Только понимал, что если это нечто протянет руку и коснётся его, он свихнётся.

Они нашли конюшню, в которой стояла дюжина лошадей. Все они были живы, и у них было много еды и воды. Рядом лежали седла и поводья. А на скамейке даже были разложены подковы и гвозди.

— Здесь кто-то есть, — произнёс Кейб.

Они проверили старую тюрьму, а потом и единственную церковь в городе. Её шпиль был высоким и покосившимся, а крест и вовсе отсутствовал. Если и было место, которое мормоны держали бы в полном порядке, то это была церковь. Она стояла в конце заросшей сорняками дороги, окруженная ржавым кованым забором с заострёнными угловыми столбами, которые поднимались на полтора метра над головой...

Церковь была страшной и неприветливой; казалось, она может упасть в любой момент. Окна были заколочены досками, и от них исходил странный запах.

Седобровый остался стоять с лошадьми у изгороди, а Кейб поднялся по шатким ступеням и попробовал открыть железную дверь.

— Заперта, — облегчённо выдохнул он.

— Видишь, что вырезано на двери?

Кейб присмотрелся.

Он не был образованным человеком, но умел читать. И много читал за время своих поездок, чтобы скоротать время. На лицевой стороне двери он увидел вырезанные знаки и символы, обычно связанные с колдовством и черной магией — пентаграммы, пентакли и перевёрнутые кресты.

Как бы то ни было, он увидел достаточно.

Они оба вскочили в седла и в последний раз проехали по этим улицам; оба не выпускали оружие из рук. Тени удлинились, и они слышали шорохи, бормочущие голоса, отдаленные скрипы... будто то, что жило в Избавлении, стремилось выбраться наружу к заходу солнца.

Из городка Кейб и Седобровый выскакивали так, словно за их спинами разверзся ад. И это было недалеко от истины.

Уже давным-давно стемнело, когда Кейб наконец нашёл Диркера в убогой ночлежке под названием «Дом Ма Хеллер», расположенной по эту сторону Горизонтального Холма, в местном квартале красных фонарей.

Он искал шерифа по всему городу с тех пор, как вернулся из Избавления, и нашел его, сидящего верхом на серой кобыле и глядящего на здание.

Кейб завел его в местный салун под названием «Материнская жила» и заказал теплое пиво.

— Пусто? — поинтересовался Диркер.

Кейб пожал плечами.

— И да, и нет. Там точно что-то есть, но я не уверен, что именно.

Диркер пристально посмотрел на Кейба взглядом своих льдисто-голубых глаз.

— Поясни-ка.

Кейб, не торопясь, рассказал шерифу все, что узнал об Иизбавлени и Джеймсе Ли Коббе, и о том, что, по его мнению, вырождение этого места было определено связано с этим человеком.

По крайней мере, это казалось вероятным. Из-за того, что там что-то было не так, это место превратилось из богобоязненного мормонского анклава в мерзкую дыру для паразитов. Для этого ведь должна быть какая-то причина?

Диркер не смеялся над ним и не отмахивался. Он молча пил пиво, слушая рассказ Кейба.

— Я допускаю, что там произошло что-то странное... но колдовство? Сатанизм? Господи, Кейб, я не могу так просто в это поверить.

— Я не виню тебя Диркер. Ни капли. Я и сам бы не поверил в этот бред, если бы не видел собственными глазами, — кивнул Кейб. — Думаю... думаю, нужно организовать отряд и отправить туда. Или даже призвать армию. Не знаю... Но что-то точно нужно делать.

— Тогда почему ты сам этого не сделаешь? Я сказал Форбсу, что ты подходишь для этой работы.

Кейб бросил на Диркера быстрый взгляд.

— Я... Я ценю это. Но все происходящее мне одному не по зубам. Даже тех денег, что он мне обещал, не хватит, чтобы я согласился в одиночку идти в Избавление. Это место должно быть выкорчевано и выжжено дотла.

Но Диркер всё ещё сомневался.

— Когда придёт время, решение буду принимать я.

— Черт тебя дери, шериф, — вздохнул Кейб. — Послушай, дело не в том, кто здесь главный. Дело в том, что в этом месте живёт что-то чертовски неправильно, и с этим надо что-то делать.

Но Диркер только ответил, что он всё обдумает и, возможно, проведет более углубленное исследование самостоятельно.

— Ты не понимаешь того, — сказал ему Диркер, — что здесь есть нечто большее, чем просто сумасшедший городок.

В нём существовали Линчеватели, и прошлой ночью они совершили набег на Искупление. И ходили слухи, что мормоны позвали сюда Данитов, и теперь все стало совсем плохо.

— При таком положении вещей, Кейб, я не могу позволить, чтобы все мои люди рыскали вокруг этой заброшенной деревни; особенно учитывая то, что происходит.

Кейб всё понимал, поэтому просто ответил:

— Рано или поздно, шериф, с этим придется разобраться. И я надеюсь, что это произойдет до того, как погибнет или пропадет без вести ещё больше людей.

Диркер согласно кивнул.

— Но прямо сейчас, — мрачно сказал он, — как насчет того, чтобы обсудить, почему я здесь, а не в своем офисе? Что скажешь?

Кейб допил пиво.

— И почему ты здесь?

— Это касается твоего друга Фримена.

А ещё это касалось Душителя Города Грехов. Диркер рассказал Кейбу, что всего несколько часов назад — перед самым закатом — убийца нанёс ещё один удар, распотрошив очередную проститутку.

Её звали Кэролин Риз, и она работала в «Старом Серебряннике». Но на этот раз законникам повезло, потому что незадолго до случившегося её видела с мужчиной другая проститутка.

Кейб слушал предельно внимательно.

— И?

— И описание было такое: высокий мужчина, узкие скулы, убийственный взгляд. Носил ковбойскую шляпу и пыльник. А ещё — звезду техасского рейнджера.

Кейб почувствовал, как у него закружилась голова, а в ушах зазвенело.

— Фримен... Господь милосердный, я знал, что с ним что-то не так, но... Чёрт, я не думал, что настолько!

Диркер кивнул.

— Ну, так уж вышло, что я телеграфировал рейнджерам в Абилин. На них работал парень по фамилии Фримен. Но он исчез около полугода назад в Вайоминге. Это был невысокий, полный мужчина с повязкой на одном глазу.

— Значит Фримен — точнее, тот, кто себя за него выдаёт, — просто присвоил себе чужую личность?

— Похоже на то, — согласился Диркер. — И так уж случилось, что Фримен снимает комнату в «Ма Хеллер».

Кейб встал.

— Ну что ж, давай покончим с этим ублюдком.

Диркер слегка улыбнулся.

— Думал, ты уже не предложишь.

* * *

Дверь в комнату Фримена выбил Кейб.

Он ударил по ней ногой, и Диркер вошёл внутрь с обрезом в руках. Но театральность была излишней, потому что Фримена в комнате не было. Если честно, там вообще ничего не было. Шкаф был вычищен, а бюро пустовало. Сукин сын снова пустился в бега.

Но он оставил прощальный подарок людям, которые, как он, вероятно, знал, будут преследовать его: человеческое сердце в банке со спиртом.

Кейб и Диркер молча смотрели на орган, плавающий в жидкости. Он был бледным и раздутым, до неприличного настоящим. Казалось, он мягко и медленно двигался.

— Полагаю, нет никаких сомнений, что он и есть Душитель Города Грехов, — прохрипел Диркер.

Кейб лишь кивнул в ответ, потому что добавить ему было просто нечего.

Этот ублюдок снова ускользнул. Хорошо было только то, что Кейб видел его и теперь точно узнает, когда представится такая возможность.

Но он все еще не знал, кто такой Фримен, и откуда он пришел. А годы охоты за людьми научили его тому, что нехватка информации делает работу более хлопотной.

И теперь «Фримен» мог появиться где угодно.

И он обязательно появится.

— 18-

В Искуплении свистели пули.

Линчеватели снова двинулись в атаку, но на этот раз мормоны были готовы к битве. По крайней мере, так они думали. Даниты приказали горожанам оставаться в своих домах и хижинах и крепко запереться. Чтобы переждать бойню.

Даниты хотели, чтобы они придерживались учения Бригама Янга, которое проповедовало избегать насилия любой ценой. Если пришлось бы убивать, то это сделали бы Даниты.

Поэтому мормоны затаились.

А снаружи развернулось поле битвы.

В течение первых десяти минут трое Линчевателей были убиты, а четвертый тяжело ранен. А вместе с ними и два Данита, которых всё же достали пули, несмотря на укрытия.

Казалось, была ничья. Тупик.

Каллеб Каллистер сделал все, что мог, чтобы управлять своими войсками и организовать атаку с военной точностью, но его парни не желали подчиняться. Они хотели стрелять. Жечь. Убивать и грабить.

Они видели в мормонах причину всего, что когда-либо шло не так в их жизни. И вот почему Каслов, Маккратчен и Реттинг были теперь мертвы, а Чиверс стонал на улице с вывороченными кишками.

Каллеб видел, что тот не жилец.

Остались лишь Каллистер и Уиндоус.

Плохая новость была в том, что теперь их превосходили по количеству раз в двадцать, если не больше. Хорошая — в том, что у них оставался динамит, который Маккратчен украл из шахты.

Идея Каллистера состояла в том, чтобы отправиться в Искупление и сразу забросать их взрывчаткой, но другие хотели пострелять, и всё пошло к чертям.

Они с Уиндоусом прятались за баррикадой из дров, прислонившись спинами к внешней стене конюшни. Побег им вряд ли удастся, по крайней мере пока...но с другой стороны, при таком расположении Даниты не смогут захватить их врасплох.

Тупик.

Однако сейчас стояла глубокая ночь, и было темно, и всякое могло случиться. Горело несколько костров, большинство из которых были разведены Линчевателями, и света,

который они отбрасывали, было достаточно, чтобы видеть и стрелять.

Двое горожан выбежали с ведрами песка и воды, чтобы потушить пожар, который начался в тюках сена и быстро поднимался по стенам конюшни.

Уиндоус поднял свой карабин. Едва прицелившись, он выстрелил, быстро перезарядил и снова выстрелил. Двое мужчин с ведрами замертво свалились на дорогу.

— Еще две дохлых гниды, — сказал Уиндоус.

Шквал ружейного огня задел бревенчатую баррикаду, за которой они прятались, когда Даниты попытались расстрелять их, причём обстрел шёл не менее чем из четырех разных мест. Каллистер и Уиндоуз ответили огнем.

Каллистер не сомневался, что Ангелы Разрушения пытаются обойти их с фланга. Наверное, ползут по крышам, чтобы прицелиться в них. Но в темноте это будет не так то и легко.

Еще больше пуль вонзилось в их заградительный вал; щепки полетели, как шрапнель. На улицу выехали верхом два Данита. Уиндоус выстрелил одному из них в горло, и вокруг него вновь засвистели пули.

Каллистер не стал возиться с пистолетом: он схватил динамитную шашку, поджег фитиль и бросил её во второго всадника в тот момент, когда Уиндоус сразил его товарища.

Это был идеальный бросок, потому что динамит угодил прямо на колени Даниту. Он увидел, чем это было, хотел отбросить его в сторону, но каким-то образом ухитрился зажать горящий фитиль между собой и лошадью.

Раздался рокошущий взрыв, и Данит вместе с конём разлетелись по улице кровавыми ошметками, которые какое-то время ещё дымились.

Даниты такого не ожидали.

Каллистер поджёт следующую шашку и швырнул её в стоящий напротив деревянный дом, из которого их обстреливали.

Вся передняя часть здания вспыхнула, как сухая щепка, а то, что осталось позади, рухнуло вниз, похоронив заживо всех, кто пережил первый взрыв. Пылающие куски дерева дождем посыпались на город. На месте дома остался пылающий костёр.

— Мы их сделали, — пробормотал Уиндоус. — Да, чёрт возьми, сделали!

— Теперь их ход, — ответил Каллистер.

И Даниты ответили.

Полдюжины всадников атаковали их позицию. Они были рассредоточены с почти военной эффективностью. Каллистер смотрел, как они приближаются, и вынужден был признать, даже самому себе, что эти Даниты были отважной компанией, посылающей к хренам самого дьявола. Круче любого мужчины, с которым он когда-либо дрался. В развевающихся черных плащах и широкополых шляпах, как у священников, они действительно представляли собой примечательное зрелище, разъезжая с дымящимися пистолетами.

И всё же их стратегия была слишком очевидна.

Всадники пытались выкурить Линчевателей из их нор. Используя себя в качестве приманки, Даниты ехали прямо в пасть самого льва, чтобы их товарищам предоставился удачный момент для выстрела.

Но их план не сработал.

Еще несколько динамитных шашек были переброшены через вал. И не две или три, а пять-шесть, которые приземлялись одна за другой и приводили к цепи оглушительных

взрывов, которые не только растерзывали лошадей и всадников, но и выбивали окна домов и выбрасывали всадников из седел. Ударные волны буквально сбивали людей с крыш.

Что бы ни задумывали Даниты, от этого пришлось отказаться.

Они уже потеряли десятерых, и столько же оказалось раненых. На ногах осталось лишь четверо или пятеро.

В течение следующего часа тишина нарушалась лишь редкими выстрелами, чтобы обе стороны знали, что противник не сбежал.

А побег был именно тем, над чем размышлял Каллистер.

Особенно когда дюжина всадников хлынула вниз по улице, и едущий впереди размахивал белым флагом, привязанным к стволу винтовки. В них никто не стрелял.

Мормоны потребовали, чтобы вновь прибывшие назвали себя, однако незнакомцы лишь продолжали махать флагом и улыбаться, не слезая с лошадей.

— Не нравится мне это, — пробормотал Уиндоус.

Каллистер был с ним солидарен. Во всем этом было что-то очень неправильное. И откуда в воздухе появился этот горячий газообразный запах, похожий на запах прогорклого мяса?

Семь или восемь всадников рысью направились к позициям мормонов. Остальные во главе с человеком с белым флагом поскакали к укреплению линчевателей.

Мужчина с белым флагом спешил и произнёс:

— Я не вооружён.

Уиндоус велел ему держаться на расстоянии, но мужчина подошёл прямо к нему и... странная штука, на полпути с ним что-то начало происходить; он начал странно двигаться, и от него донёсся очень странный запах.

Каллистер резко втянул в себя прохладный воздух.

Ибо он видел бледный лунный свет, отражающийся от голой кости, как будто у человека с левой стороны не было лица. И то, что он увидел, подтвердило его предположение: гротескный, нечеловеческий череп, связанный грубыми лоскутами мышц.

— Добрый вечер, — произнёс мужчина, и его голос больше напоминал звериный, нежели человеческий. — Меня зовут Кобб. И у меня к вам дело...

— 19-

Через час после откровения Фримена и найденного в банке сердца Кейб снова оказался в салуне «Винодел», нуждаясь в выпивке. Он поставил на стол две бутылки виски и столько же пива, обдумывая все произошедшее. Он думал о Диркере, который теперь мог стать его другом (это была самая сумасшедшая вещь из всего), о Фримене и, конечно же, о Дженис Диркер. Мысли о ней беспрестанно крутились в его голове.

Но во всей этой суматохе он кое-что забыл.

Он совсем забыл, что именно здесь всего несколько дней назад прикончил Вирджила Клея. Его мозг был просто переполнен всем остальным. Поэтому, когда открылась дверь, и в бар ворвался порыв влажного ветра, последнее, о чем он думал, был Элайджа Клей.

Кейб даже не повернулся.

Может быть, если бы он это сделал, то увидел бы людей, поспешно убирающихся с пути великана с седой бородой и в бизоньей шкуре.

Однако Кейб сидел, привалившись к стене и погрузившись в себя, и в этот момент лезвие ножа вонзилось в стену в десяти сантиметрах от кончика его носа.

Кейб выронил свой бокал и резко обернулся, его рука потянулась к висящему на бедре револьверу. Он почти дотянулся до него, но один взгляд на человека, вошедшего в бар, заставил его замереть на месте.

Кейб сидел и не шевелился.

Он сразу понял, кто это такой; на территории Юты не могло быть двух мужчин, подходящих под это описание. У Кейба в голове билась одна единственная мысль: *«Иисус и Мария, вы только гляньте на его размеры...»*

Мужчина был выше двух метров сантиметров на десять. Он был бородат, свиреп и огромен, как человек, который сражается с медведями, чтобы заработать себе на жизнь. В руке он держал двустволку, а грудь его была обвешана патронташами. Множеством патронташей. А учитывая, сколько револьверов и пистолетов висело у него на поясе, эти патроны не оказались бы лишними. А это было необходимо, если учесть все пистолеты, висевшие на самодельных поясах у него на поясе. У Клея-старшего было больше огневой мощи, чем у большинства кавалерийских взводов. И это даже не принимая во внимание топоры и ножи для освеживания туш.

Как мудро говорили люди в Уиспер-лейк: когда на улице появляется Элайджа Клей, даже сам Дьявол мудро переходит на другую сторону улицы.

Кейб схватился за рукоять ножа в стене — бизонья шкура с восьмидюймовым лезвием — и попытался вытащить его из стены. Ему пришлось схватиться обеими руками.

— Извините меня, пожалуйста, — сказал великан, расшвыривая людей в сторону, как будто они были набиты соломой. — Мои извинения, господа, мои извинения.

В нем была какая-то странная галантность и обаяние. Тех, кто не убирался с его пути, он отбрасывал в сторону, как надоедливых комаров. И некоторые из них были довольно крупными мужчинами. Мужчи́нами, которые летели по воздуху, как пёрышки.

Правая щека великана выпятилась, когда он провёл по ней изнутри языком. А затем он сплюнул коричневую слюну на игровой стол, запачкав разложенные карты.

— Меня зовут Элайджа Клей, — объявил он. — И я рад познакомиться с вами, всеми до единого.

Он подошел прямо к столу, стоящему в двух метрах от Кейба, и остановился.

— Добрый вечер, джентльмены. Я тут ищу некий дерьмоголовый кусок арканзасской сволочи по имени Тайлер Кейб. Кто-нибудь из вас знает этого сукина сына? — он огляделся вокруг, и его глаза сверлили насквозь каждого присутствующего. — Говорите сейчас же, слышите? Я так думаю, джентльмены, вы либо за меня, либо против. И если против — то, да поможет Бог вашим бедным скорбящим матерям, после того, как я с вами разделаюсь.

И тут Кейбу пришло в голову, что Клей не знает, кто он такой. Не знает, как он выглядит. Теперь любой здравомыслящий человек, по крайней мере, бросился бы бежать. *«Тайлер Кейб из Арканзаса? Нет, сэр, нет, вы, должно быть, ошибаетесь. Я Джо Джей Кроу из Гэри, штат Индиана, так что, если вы меня извините, мне нужно бежать к больной жене, да и вообще, я тут чуть-чуть обмочился...»*

Конечно, именно так и поступил бы любой нормальный человек.

Но Кейб?

Нет. Только не Тайлер Кейб, который за год пережил больше дерьма, чем большинство мужчин за всю свою жизнь. Только не Тайлер Кейб, который так же быстро и уверенно

управлялся со своими пистолетами, как и любой человек на территории Юта, и не был новичком с ножами и на кулаках.

Только не Тайлер Кейб, который с первого взгляда отличал сурового мужлана, потому что и сам был таким.

Но, конечно, Кейб никогда раньше не сталкивался с кем-то вроде Элайджи Клея. Человека, который без единого сомнения использует кости противника в качестве зубочистки.

Как бы то ни было, Кейб сказал:

— Меня зовут Тайлер Кейб. Я — тот, кого вы ищете, сэр.

Клей только кивнул, но, казалось, был приятно удивлен. Может быть, он не привык, чтобы мужчины признавались, кто они такие, когда он охотится на них. А поскольку он был горным жителем, то очень ценил храбрость и отвагу. Даже когда проявлять её было глупо.

— Раз, мистер Кейб, ты и есть та змея, которая застрелила моего мальчика, то давай сразу перейдем к делу, Что скажешь? Тебе нравится стрелять? — Клей задумался, но потом покачал головой. — Нет, это не твоё, не так ли? Ты слишком изворотлив. Ты из тех, кто любит ножи и тому подобное. Если на то пошло, я могу пойти на встречу.

Он положил дробовик и кобуру с револьвером на стол, вытащил из-за пояса два тесака и воткнул их в столешницу, где они угрожающе задрожали.

— Ну, парень, давай приступим. У меня есть планы на твою шкуру, да; так что не рассчитывай пережить петушиный крик на рассвете.

Мужчины начали перешёптываться между собой; возможно, запоминая всё для будущих сплетен. Возможно, обговаривая, есть ли у Кейба железные яйца, чтобы справиться с Клеем, но, скорее всего, задавались вопросом, достаточно ли у Кейба денег в кармане, чтобы похоронить его должным образом.

Кейб схватился за рукоятку одного из резачков и выдернул лезвие из дерева.

— Хорошо, — сказал он. — Если нам нужно разобраться, ты, большой вонючий кусок дерьма, тогда давай приступим.

Клей рассмеялся и вытащил свой тесак.

Кейб не терял времени даром: он быстро бросился вперед, размахивая оружием и чуть не перерезав Клею горло, но здоровяк отступил назад, оскалив свои желтые, как моча, зубы. Кейб начал бой, полагая, что это вопрос выживания, борьба не на жизнь, а на смерть... но для Клея происходящее было просто развлечением.

Клей замахнулся тесаком так быстро, что Кейб едва успел увернуться. Лезвие ударилось о перекладину и выдолбило десятисантиметровую щепу сосны. Кейб бросился на здоровяка, и их резачки встретились в воздухе со звенящим ливнем искр. Удар отбросил Кейба назад к барной стойке, и от силы удара на несколько секунд его рука онемела до самого локтя.

Он пригнулся под руку Клея и замахнулся ему в лицо. Клей увернулся, рассмеялся и занес свой тесак над головой Кейба. Он сбил с него шляпу, и прежде чем Кейб успел среагировать, Клей замахнулся наотмашь. Кейб поднял свой тесак, чтобы заблокировать удар, который оказался бы смертельным, учитывая, что лезвие было обоюдоострым.

Резачки вновь встретились, и удар крутанул Кейба на месте и отбросил назад на пол бара.

— Полагаю, это конец, — произнёс Клей, приближаясь, чтобы закончить начатое.

Кейб попытался схватиться за пистолет, но рука онемела до самого плеча, а кисть казалась ватной. Клей схватил его за волосы, поднял вверх на двадцать сантиметров и занес

тесак для последнего, смертельного удара.

А потом голос — такой же холодный и спокойный, как январский речной лед, произнёс:

— Брось тесак, или я пристрелю тебя на месте.

Клей застыл, подняв оружие над головой.

В дверях стоял Диркер с обрезом в руках. Оба ствола были направлены в спину Клея.

— Бросай, — повторил шериф.

Клей повернулся и выпустил тесак из рук. Кейб последовал его примеру.

— Чёрт возьми, Диркер, ты всегда умудряешься испортить мне всё удовольствие.

— Ты в порядке? — спросил он Кейба.

Кейб поднялся на ноги, поддерживаемый шерифом.

Диркер вывел Клея за дверь под дулом обреза, Кейб следовал за ними по пятам.

И единственное, о чём мог думать Кейб, это о превратностях судьбы: сперва Диркер испробует на Кейбе свой кнут, а теперь спасает его задницу от безумного великана. Разве это не чертовски весело?

— 20-

После того, как Клей был помещен в тюремную камеру, Кейб вернулся на постоянный двор «Святой Джеймс», где Дженис Диркер начала о нём заботиться, хотя на самом деле не пострадало ничего, кроме его гордости.

— Ты счастливчик, мистер Кейб, — продолжала она повторять, наполняя ему ванну. — Настоящий счастливчик.

— Ну, как сказать... Мне очень помог твой супруг.

— Джексон — очень ответственный мужчина, — произнесла она.

Кейб принял ванну, а когда вернулся в свою комнату, намереваясь хорошенько вздремнуть, пока предоставилась такая возможность, его там уже ждала Дженис.

Она сменила ему простыни и постельное белье, развела небольшой огонь в очаге в углу. Кейб почувствовал себя там приятно, тепло и комфортно.

— Чуть раньше сегодня вечером тебя искал мужчина, — произнесла Дженис.

Кейб лёг на кровать.

— Ещё один из Клеев?

— Нет. Ничего подобного. Этот был джентльмен с изысканными манерами; сказал, что его зовут Фримен.

Кейб вскочил.

— Фримен?!

— Да. Что-то не так?

Кейбу хотелось солгать, но он не смог заставить себя. Он рассказал ей, кто такой Фримен, и как они с Диркером чуть не схватили его.

Дженис заметно побледнела, но быстро пришла в себя, как истинная леди-южанка.

— Да, но я ведь не проститутка.

— И, тем не менее, он мог тебя убить.

И Кейб понял, что именно это он и собирался сделать. Фримен знал, что Кейб охотится за ним; а что может быть лучше, чтобы бросить Кейбу вызов, чем не просто ускользнуть, но и убить единственную женщину в городе, с которой он по-настоящему подружился?

— Он сказал мне..., - пробормотала Дженис, — сказал мне передать тебе...

Вот теперь до неё начало доходить. Даже всё её воспитание не могло побороть страх перед тем, что могло случиться. Перед тем, *как* она могла встретить свою смерть.

Дженис Диркер начала дрожать. Она позволила обнять себя, и Кейб сжал её, наслаждаясь ощущением ее тела и чудесным мускусным запахом, который не могли скрыть никакие духи.

— Расскажи мне, — прошептал он, спустя несколько минут.

Она глубоко вздохнула.

— Он просил передать тебе, что уезжает в неизвестном направлении. Что ты не должен следовать за ним, но... Но ещё долгие годы ты будешь получать известия о его деяниях из всех концов страны.

— Он сказал что-нибудь конкретное?

— Лондон. Он сказал, что в ближайшие годы будет занят в Лондоне.

А теперь... Теперь все эти месяцы погони казались такими несущественными, такими жалкими. Фримен пощадил Дженис — и этого было достаточно. Кейб не знал, почему именно, да и вряд ли когда-то узнает, но теперь это не имело значения.

Достаточно было того, что она растеклась в его объятия, и они растаяли вместе на этой восхитительной кровати в восхитительном водовороте ищущих друг друга рук и жадных губ.

А когда всё закончилось, и они лежали обнаженные в объятиях друг друга и молчали.

И каждый гадал, куда их это заведёт.

— 21-

На следующее утро после того, как его жена занялась любовью с Тайлером Кейбом, Джексон Диркер стоял среди останков Искупления. Город был почти разрушен.

Даже спустя много-много часов, после первого нападения, в результате которого погибло не менее тридцати человек (включая бандитов и Линчевателей), это место всё ещё дымилось. Некоторые дома не пострадали, но большинство было взорвано или сожжено, и повсюду бродил бесхозный скот.

Шел ледяной дождь, и Диркер стоял среди обломков города в жёлтом дождевике, чувствуя, как что-то сжимается у него в животе.

Он стоял рядом с человеком по имени Джастис Хармони. У Хармони была ферма далеко за пределами Искупления, как и у многих других мормонов. Его семья, как и многие другие, приняла уцелевших после бойни в Искуплении. Но Хармони был не просто ещё одним мормонским скваттером — он был бывшим жителем Избавления.

И ещё он был сводным братом Джеймса Ли Кобба... более или менее.

«Более или менее» — потому что никто толком не знал, кем (или чем) был отец Кобба. Его дед, священник Хоуп из Проктона, штат Коннектикут, усыновил его и отправил вместе с сумасшедшей матерью жить к Арлену и Маретте Кобб в Миссури. И вскоре после этого он сам покинул Проктон, потому что никто не хотел иметь ничего общего ни с ним, ни с его церковью.

Они решили, что на обоих лежит дурная тень. Поэтому священник переехал в Иллинойс, снова женился и, хотя ему было далеко за пятьдесят, завел другую семью. Однажды ночью, не в силах сопротивляться голосам, которые мучили его, священник сунул в рот дробовик и покончил с собой. Обезумевшая от горя мать Джастиса окрестила всех детей своим

фамильным именем — Хармони.

В 1853 году Джастис Хармони присоединился к церкви Святых последних дней в Наву, штат Иллинойс, и вскоре после этого отправился в землю обетованную по мормонской Тропе первопроходцев, которая начиналась в Наву и заканчивалась далеко на Западе у Большого Соленого озера.

Диркер чувствовал отвращение к тому, что увидел. Да и, по правде говоря, в последнее время он испытывал отвращение практически ко всему, что касалось его работы. Большую часть своей жизни он был либо солдатом, либо служителем закона, сносил от людей и уважение, и презрение, которые внушали им эти должности. Но ни разу за всё время ему не приходило в голову стать кем-то другим.

До этого времени.

Потому что, как бы это ни было больно, он решил, что с него хватит.

Он отвел Хармони подальше от дождя под крышу старой мастерской, которая все ещё стояла, посеревшая от пыли, и использовалась добровольцами в качестве сухой лачуги. Там никого не было.

Диркер стоял перед Джастисом, и с полей его шляпы капала вода.

— Ты знаешь меня, Джастис; ты знаешь, что я за человек. Я не страдаю предрассудками. Я был добр к тебе и твоим людям. Разве не так?

Хармони кивнул.

— Да, так оно и было. Мы не могли и надеяться на лучшего законника, чем ты. Ты был справедлив к нам, — Хармони снял шляпу и стряхнул от капель. — Я знаю... мы знаем... что вы пытались разогнать этих Линчевателей, но иногда... иногда случаются вещи и похуже.

— Например?

— Линчеватели совершали набеги на Искупление последние две ночи подряд. Но вчера вечером...

— Вчера вечером их ждали Ангелы Разрушения?

Хармони не призналась бы в этом вслух, но молча кивнул.

— Но здесь было нечто большее, чем просто эти две группы. Из того, что мне рассказали, появилась еще одна группа всадников... и напала на обе стороны.

Диркер сглотнул.

— Это была та же группа, которая устроила побоище в Рассвете?

— Да.

— И эта группа зародилась в Избавлении?

— Да, — вздохнул Хармони.

— Расскажи мне о ней, Джастис. Я должен знать.

Хармони кивнул.

— Все началось с Джеймса Ли Кобба. До тебя, без сомнения, доходили слухи о нем. Что ж, всё это правда, да поможет нам всем Бог; это правда...

Хармони никогда не встречался со своим сводным братом лично, по крайней мере, до того, как он появился в Избавлении. До этого они общались только письмами. Будучи надежно заключенным в территориальную тюрьму Вайоминга, Кобб каким-то образом, через какое-то внешнее агентство, обнаружил, что у него есть сводный брат на территории Юты. Кобб написал Хармони, и они начали обмениваться письмами.

— Я верю, как учил наш Господь Иисус Христос, что во всех людях есть добро, шериф.

То же самое я думал и о Джеймсе Ли Коббе. Я написал ему, что он должен теперь отвернуться от своей жизни порока и беззакония, что через Иисуса Христа он может найти прощение и спасение, если он пойдет путем праведности и исповедует свои грехи.

Хармони невесело усмехнулся.

— И Кобб ответил, что теперь он ищет в своей жизни только доброту и чистоту. Я хотел верить в это, шериф, но не мог. Ибо в этом человеке было что-то скрытое, что-то черное и мерзкое... но как воин Христа, я не мог отвернуться от него.

— Но хотел, — заметил Диркер.

— Да, Господи, да, конечно, — Хармони на мгновение задумался. — Шериф, хотя я лично не был знаком с Коббом, я знал о нем. Еще до того, как начали приходить эти письма. Кое-что мой отец записал в письме, прежде чем покончить с собой... кое-что о своей жизни в Престоне, штат Коннектикут, и о том, какие ужасы там происходили. Моя мать рассказывала мне о них. О проклятии нашей родословной. Ну, это не имеет значения, я не буду обсуждать эти вещи. Это скелеты, которые должны оставаться запертыми в семейном шкафу.

После освобождения из тюрьмы Кобб не стал навещать своего сводного брата в недавно восстановленной деревне Избавление. Хармони написал ему, что он должен приехать, должен креститься в церкви. Следующее, что он услышал о Коббе, была телеграмма из округа Тул, извещавшая Хармони о смерти брата.

Подробности не сообщались. Только то, что он умер в компании гошуттов и что его гроб отправят в Уиспер-лейк. Очевидно, это была его последняя просьба — быть похороненным рядом с родственниками.

— Я уверен, ты знаешь, что произошло дальше. Гроб действительно прибыл в Уиспер-лейк, и в ту же ночь, оставшись с ним наедине, Хайрам Каллистер умер. Коронер решил, что это самоубийство. Я уверен, что ты помнишь это...

— Меня тогда не было в городе, — ответил Диркер. — Доктор Уэст признал это самоубийством, хотя и не был в этом уверен. Он сделал это, чтобы избавить Калеба Каллистера от неприятностей расследования. Ибо к тому времени уже было широко известно, что его брат... ну, что он не совсем здоровый человек.

Хармони только покачал головой.

— Я знаю об особенностях Хайрама Каллистера. Во всяком случае, ходившие об этом слухи. Но смерть Хайрама не была самоубийством. Его горло было сломано, и хотя он действительно перерезал себе вены, многие считают, что он был вынужден это сделать. Или сделал это вместо того, чтобы взглянуть в лицо тому, что было в гробу...

— И что там было, Джастис? Кобб?

Хармони рассказ о Коббе почти всё, что знал. Что двое мужчин, которые доставляли гроб из долины Черепа, чуть не сошли с ума после той ночной поездки. Потому что ни один человек не способен посмотреть в глаза тому, кто находился в ящике, и не свихнуться.

Хармони подошёл к двери, приоткрыл её и уставился на холодный, густой дождь, который быстро превращал Искупление в море грязи.

— Наверно, неделю или две спустя Кобб появился в Избавлении одной темной ночью, когда дул сильный ветер. На нем был черный бархатный плащ с капюшоном, и он утверждал, что весь покрыт ужасными шрамами. На руках у него были кожаные перчатки. Он пришел в компании группы... хм, презренных личностей. Это были разбойники, солдаты удачи, кровожадные убийцы — Кроу и Худ, Грир и Кук, Баскомб и Вайс...

Хармони рассказал, что они поселились в разрушенном отеле. Мормоны, будучи людьми милосердными, не прогоняли их. Может быть, они и не осмеливались. Во всех них было что-то очень неправильное. Их пригласили на службу, но они отказались.

Они заперлись в старом отеле и выходили оттуда только по ночам. Они привезли с собой в повозке что-то такое, на что никто не должен был смотреть. Что бы это ни было, они заперли это в номере отеля.

— Ты спрашивал, что это было? — поинтересовался Диркер.

Но Хармони только покачал головой.

— Я не спрашивал. Но уверен, что это было живое существо... или почти живое. Потому что по ночам оно выло, визжало и колотило в стены. В глухую ночь можно было услышать, как оно издает самые отвратительные и богохульные звуки. Как бы там ни было... наверно, оно всё ещё там. Я знаю только, что люди Кобба говорили, что оно прибыло из Миссури...

Лицо Хармони побелело при одном воспоминании об этом. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями. Затем он продолжил:

— Есть некая особая притягательность, странное искушение грехом и злом, шериф. Это главное орудие дьявола: люди отдают себя ему, чтобы утолить свою ненасытность. — Через открытую дверь Хармони наблюдал, как мужчины грузят тела в повозку для погребения.

— Вскоре женщины стали проводить время в этом отеле. Кобб и остальные обладали нездоровым влиянием. Они завлекали молодых. К тому времени, когда мы поняли, что их захватили — и телом, и душой, — было уже слишком поздно. Наши братья отдали себя в руки лукавого. Кобб стал их мессией. Те из нас, кто еще не испорчен, пришли сюда, в Искупление, чтобы начать все сначала.

— А как же Избавление?

— Ни один богобоязненный мужчина или женщина не ходили туда после того дня, — покачал головой Хармони, и его нижняя губа слегка задрожала. — А о тех, кто ходил, мы больше никогда не слышали.

— А как насчет той... особи, которую они заперли в гостинице? Кто это был? Человек? Животное?

— Ни то, ни другое, — вот и все, что сказал Хармони. — Но, по-моему, это было семя человеческого зла. Были люди в Избавлении, которые говорили, что это был сам дьявол, которого Кобб заковал в кандалы.

Диркер думал обо всем этом. Думал долго и упорно.

— А Кобб... он исчез из морга. Если он мертв, то как это могло случиться?

— Я не думаю, что он был мертв, — сказал Хармони. — Но уж точно и не живой. Он был живым мертвецом, шериф. Никто никогда не узнает, что случилось с ним после того, как он выбрался из гроба. Некоторые вещи лучше не знать.

Диркер не собирался спорить с ним. Он, конечно, не был убежден ни в чем. Да, что-то случилось, и Кобб, несомненно, был замешан в этом, но... сверхъестественное? Диркер и раньше слышал истории и дикие сказки, как и все остальные, но он не был готов поверить в них.

— По твоему лицу, шериф, я вижу, что ты настроен скептически. Но то, что я говорю тебе, есть истина, ибо Господь — мой свидетель. То, что произошло в Избавлении, невыразимо... языческие обряды, поклонение дьяволу, человеческие жертвоприношения. Поговаривали, что первенцы, — все первенцы в Избавлении — были отданы Коббу для сожжения. Их принесли в жертву ради Кобба и этой сумасшедшей твари в отеле. —

Казалось, Хармони был готов расплакаться. — Если бы только Бог в своей бесконечной мудрости уничтожил это змеиное гнездо на земле...

— Возможно, на этот раз Богу понадобится помощь, — вздохнул Диркер.

— 22-

Кейб затянулся сигаретой и выпустил дым через ноздри.

— Итак, судя по твоим словам, ты разговаривал со своими индейскими друзьями?

Чарльз Седобровый кивнул.

— Да, разговаривал.

— И?

— Всё ещё хуже, чем я думал.

Они сидели в номере мотеля, на кровати, разговаривая о вещах, которые еще неделю назад были бы невообразимы для любого здравомыслящего человека. Теперь, однако, не оставалось ничего другого, как посмотреть дьяволу прямо в лицо и отдать ему должное.

— Во-первых, ты должен знать о знахаре Змеев по имени Дух Луны, — сказал Седобровый, его пальцы беспокойно сжались на коленях; он не привык обходиться без вскрытой бутылки виски. — Да, Дух Луны... В общем, это очень-очень плохой индеец-колдун...

— Может, ты уже прекратишь эту дурацкую индейскую болтовню? — нетерпеливо пробурчал Кейб. — Временами это даже забавно. Но сейчас не тот случай.

Седобровый улыбнулся и кивнул головой.

— Ладно, ладно, понял. Итак, Дух Луны. Ты о нём что-то знаешь?

— Слышал парочку историй.

— То, что ты слышал, правда. Это индеец, обладающий силой, — сказал Седобровый с полной уверенностью. — Я не буду говорить о том, что он сделал, о больных, которых он вылечил, и о плохих людях, которых он проклял... мы оставим всё как есть, сказав, что Дух Луны — настоящий шаман. Он отказался идти в резервацию вместе с остальными, заявив, что народ Змеев не склонится ни перед одним человеком — ни перед белым, ни перед кем другим. Поэтому он и его последователи спрятались в Долине Черепа на земле гошуттов. И старый Дух Луны знал то, что давно забыто; то, что другие, возможно, захотят узнать...

— Кто, например?

— Например, Джеймс Ли Кобб.

Опять это имя. У Кейба в голове уже начал складываться образ этого сумасшедшего ублюдка — и у него определённо были рога и хвост. Даже отзвук этого имени отдавался холодком вдоль позвоночника.

— Значит, Кобб отправился к Духу Луны?

— Так говорит нам история. Кобб и его банда плохих людей отправились нанести визит Духу Луны. — Седобровый сделал театральную паузу. — Только пойми: Дух Луны не сделал Кобба злым, тот УЖЕ был злым. Говорят, он родился из тьмы. Говорят, он вел развратную жизнь и тому подобное. Говорят, там, в горах... ну, там, наверху, он съел своих друзей не потому, что просто был голоден, а потому, что в его мозг что-то заползло. То, что народ оджибве на севере называет Вендиго. Дьявол-каннибал, Пожиратель душ...

Затем Седобровый поведал историю, которую слышал от одного старого гошута по имени Стремительный Стриж.

Кобб и его парни въехали прямо в лагерь Духа Луны, чего многие другие побоялись бы сделать. Поначалу Кобб был настроен дружелюбно. Он выдумал какую-то ерундовую историю о том, что ему нужно убежище, что белые охотятся за ним и его людьми. Это была ложь, но по существу и его, и его парней уже давно разыскивали на всех близлежащих территориях.

Но разве можно одурачить Духа Луны?

Он обладал даром заглядывать в умы, видеть истины, вещи, которые еще даже не появились. Он велел своим людям быть добрыми к Коббу и остальным, потому что даже в тот момент он знал, что такое Кобб, и надеялся только на то, что тот уедет через некоторое время.

Но этому не суждено было сбыться. Ибо то, что жило в Коббе — семя, посеянное там при рождении и возвращенное тем, что Дух Луны называл «древней сущностью в горах», — не было в тот момент полностью под контролем. Но оно нашло плодородную почву и с каждым днем расцветало.

Вскоре Кобб признался, что и раньше знал о Духе Луны, знал о его великом знании и что он пришел учиться у него. К этому моменту все в племени боялись Кобба. Боялись того, что было внутри него; этого отвратительного запаха, исходящего от него; голосов, которые доносились по ночам из его палатки... даже когда он был один.

Дух Луны сказал Коббу, что действительно будет учить его. Но только его. Он должен отослать своих людей. Кобб согласился. Однако Дух Луны не собирался учить его, он планировал убить Кобба.

Другого выхода не было. Ибо Кобб был злом, и он должен был очиститься, а смерть была единственным путем. Но Дух Луны знал, что он должен быть осторожен... ведь если это будет сделано неправильно, тогда то, что живет в Коббе, выйдет наружу и убьет всё племя.

— Так вот, Тайлер Кейб, — продолжал Седобровый, — прежде чем Дух Луны успел сделать то, что должен был сделать, из лагеря исчезла женщина. Вскоре были обнаружены ее останки. Кобб чуть не сожрал ее...

— Господи. Они поймали его на месте преступления?

Седобровый пожал плечами.

— Возможно. Я не знаю. Только когда Дух луны и старейшины спросили его о преступлении, он спокойно признался, что он съел ее. Он хвастался этим. И многими другими людьми, которых он съел. Он рассказал, что его сила росла непосредственно из плоти тех, кем он пировал.

— Ну, потребовалось не менее пяти или шести сильных воинов, чтобы схватить его и заковать в кандалы, — сказал Седобровый. — Так что, возможно, в его словах была доля правды. А дальше...

То, что случилось с Коббом дальше, было не самым приятным.

Племя Змеев называло это «живой смертью». Это был священный, темный ритуал, предназначенный только для тех, кто не мог умереть обычным способом и был одержим чем-то бесплотным и злобным. Дух Луны решил, что это единственный выход. Ибо то, что было в Коббе, должно было умереть с голоду. Только это заставит его погрузиться в спячку.

В общем, над Коббом провели ритуал «живой смерти». Подвешенный за запястья, он был связан колдовством шамана. Его лечили травами и кореньями, тайными смесями и изнурительными молитвами. С одной стороны его тела кожа была буквально съедена

муравьями. Его разместили в лечебнице, повесили под крышей и три дня обкуривали над огнем из священных бальзамов, пока Дух Луны и другие святые люди проводили над ним погребальную церемонию. Когда все закончилось, Кобб был уже и не жив, и не мертв, а застрял где-то посередине.

— И что случилось потом? — заинтересованно спросил Кейб.

— Его заколотили в гробу. И так и похоронили заживо. Ибо то, что было в нем, должно было медленно умирать от голода. Это был единственный выход.

Дух Луны узнал, что у Кобба есть сводный брат в Избавлении, поэтому гроб был послан ему через Уиспер-лейк. Однако Дух Луны недооценил силу того, что находилось внутри Кобба.

Он не должен был проснуться, пока не окажется в могиле, но вместо этого он очнулся по дороге в Уиспер-лейк. А когда Хайрам Каллистер открыл гроб...

— Кобб вернулся в страну живых, — объяснил Седобровый. — Вернулся, вероятно, в отвратительном настроении. Может быть, через неделю он и его сообщники отправились в лагерь Змеев. Они убили всех, включая Духа Луны... К тому времени Кобб был слишком силен, чтобы с ним можно было сражаться.

Но банда Кобба не просто убила индейцев.

Они приносили их в жертву. Проводили только им известные ритуалы. Женщин насиловали и сдирали с них кожу, мужчин распинали и четвертовали, а детей жарили на кострах и ели.

Духу Луны было предложено съесть плоть его собственного сына... А когда он отказался, его самого сварили заживо. Кобб и остальные съели его и поглотили все, чем он был при жизни.

— Они превратились в зверей, Тайлер Кейб, — обеспокоенно произнёс Седобровый. — Они попробовали то, что было запрещено. Подобное нарушение табу пробуждает в каждом человеке животное. А Кобб, владеющий теперь тайнами Духа Луны — теми, которые душа человека не смогла забрать в загробный мир, — был намного хуже, чем раньше. Он овладел тем, что Змеи называют «Кожным лекарством».

Кейб раскрыл рот.

— А... А это ещё что за хрень?

— Таинство чёрной магии, я полагаю. Очень древней и запретной. Вместо формулы, написанной в книге или нацарапанной на камне, она вытатуирована на плоти. Кожное лекарство позволяет зверю, живущему в каждом из нас, выйти на поверхность и превратиться в существо из плоти и крови...

— Так вот, что убивает людей? Эти последователи Кожного лекарства? Эти чудовища?

Седобровый кивнул.

Дома, в округе Йелл, люди, превращавшиеся в зверей, назывались по-другому. Оборотнями. Кейб вспомнил историю, которую слышал в детстве, о деревне, которая, как предполагалось, располагалась высоко в горах Озарк. Но ведь это просто сказка, миф... Не так ли?

В дверь громко постучали, и она распахнулась.

Там стоял Джексон Диркер, уверенный в себе и красивый, в отороченном мехом пальто и широкополой шляпе. Его глаза горели синим пламенем.

— Чарльз, — произнёс он, — мне нужно поговорить с мистером Кейбом.

Индеец кивнул.

— Конечно, конечно. Есть вещи, которые белые люди не могут обсуждать перед индейцами. Я здесь только для того, чтобы узнать, могу ли я быть вам полезен. Ну, например, почистить сапоги или убрать ночной горшок?

Диркер не оценил попытку индейца пошутить, и когда Седобровый вышел, шериф плотно прикрыл за ним дверь.

«Он выглядит раздражённым, — подумал Кейб. — Словно готов дать в морду любому, кто окажется у него на пути. Может, он знает? Может...»

Диркер сел рядом.

С такого близкого расстояния Кейб видел, что Диркер действительно зол. Что-то кипело в нем, но это не имело никакого отношения к человеку, находящемуся с ним в комнате.

— Кейб, — произнёс Диркер, уставясь в пол. — Тайлер. Могу я тебя так называть?

— Конечно.

Диркер хлопнул его по колену.

— У нас наверняка были разногласия, не так ли? Ты годами ненавидел меня, и я тебя не виню, потому что, по-моему, я и сам годами ненавидел себя за то дело при Пи-Ридж. Но все кончено. Война давно закончилась, и мы снова один народ. Мне нравится думать, что с тех пор, как ты приехал сюда, между нами все изменилось. Если мы и не друзья, то, по крайней мере, теперь мы союзники. Я не ошибаюсь?

Кейб сглотнул комок в горле.

— Не ошибаешься.

— Когда-то мы сражались на противоположных сторонах, и я, честно говоря, больше не знаю, кто был прав... иногда я не могу вспомнить, за что я сражался, — Диркер улыбнулся, потом смутился. — Пришло время, когда мы должны сражаться бок о бок. Поэтому я пришел к тебе с открытым сердцем, чтобы просить тебя — нет, даже умолять, — поехать со мной в Избавление...

— Ты хочешь сражаться бок о бок со мной? — спросил Кейб, переполненный эмоциями, о которых он даже не догадывался.

— Да. Я доверяю тебе больше, чем любому из ныне живущих людей. Я хотел бы, чтобы в том адском местечке мы вместе возглавляли отряд. Или я перехожу границы, прося тебя о подобном?

Кейб кашлянул.

— Нет, не переходишь, — он ощутил, как на душе становится тепло после слов шерифа. Кейб встал, подошёл к окну, глянул на улицу и вновь повернулся к Диркеру. — Для меня будет честью сражаться рядом с тобой.

Они пожали руки, и всё, наконец, было забыто.

Круг замкнулся.

— 23-

Два часа спустя отряд собрался возле офиса шерифа.

Ледяной дождь превратился теперь в снег, который летал в холодном воздухе, как пепел, выброшенный из огромного погребального костра. И это казалось вполне подходящим, учитывая, куда направлялись мужчины, и что они собирались делать.

Когда к зданию подъехал Кейб на своём чалом, на улице уже собралось человек

пятнадцать. По большей части это были шахтёры, с которыми Кейб не был знаком. А ещё Пит Слейд и Генри Уилкокс — помощники шерифа. И сэр Том Йен — прирождённый стрелок-англичанин. И Чарльз Седобровый с Гордецом Рэймондом, плотником-индейцем. Но чьё присутствие больше всего поразило Кейба, так это Элайджи Клея.

— Добрый день, мистер Кейб, — радушно поздоровался он. — Здешний шериф разрешил мне присоединиться к вашей охоте. Он говорит, что я должен вести себя прилично. Что касается того, что ты убил Вирджила... ну, я знал, что он — кусок дерьма. Так что я больше не держу на тебя зла.

Услышав это, Кейб немного расслабился. Он достал из седельной сумки кожаный ремешок и надел его на лоб.

— Тогда я готов, — сказал он.

— Хорошо, — кивнул Диркер. — Вы все знаете, куда мы идем и что будем делать. Так что давайте покончим с этим. И мы не отступим, пока уничтожим Кобба.

— Да, шериф, — хмыкнул Клей. — И вот что я вам ещё скажу парни. Если этот дятел из преисподней окажется у меня на мушке, я пристрелю эту тварь, и он окажется мертвее, чем Иисус на кресте!

Получилось неплохое напутственное слово.

Отряд двинулся в путь.

* * *

На развилке дороги, у старого, обожженного молнией мертвого дуба, они обнаружили еще несколько поджидавших их всадников. Мормоны. Джастис Хармони тоже был там. Как и четверо оставшихся в живых данитов — Кромбли, Фитч, Селлерс и Арчамбо. Все они стремились уничтожить то, что жило в Избавлении раз и навсегда.

В итоге, в отряде насобиралось двадцать человек.

Двадцать человек, которые были готовы отдать свои жизни, чтобы остановить убийства, ведь те, кто жил в Избавлении, были более чем счастливы забрать их.

Одного за другим.

* * *

К тому времени, как они миновали высокие берега оврага в высохших, мертвых соснах недалеко от Избавления, буря наполнила свои легкие льдом и превратилась в настоящую метель. Видимость была меньше десяти метров. Но никто не предложил повернуть назад. То, что им нужно сделать, будет нелегко в любую погоду.

Все достали оружие, как только выехали из-за поворота.

Они увидели, как им показалось, двух мужчин, поджидавших их по обе стороны дороги. Но это были не люди, а пугала, насаженные на палки. Когда отряд подошел ближе, они увидели, что на самом деле это были трупы, и, судя по виду, давно почившие. Их одежда превратилась в рваные лохмотья, которые развевались на ветру. Впалые, похожие на черепа лица с пустыми глазницами оценивающе смотрели на проезжающих всадников.

Хотя Кейб видел бесчисленное множество мертвых людей, он понял, что не может смотреть на эти обмороженные лица. Он боялся, что они улыбнутся ему и заговорят могильными голосами.

«Ну, — поймал он себя на мысли, — ты сам вызвался участвовать в этом чёртовом деле. Некого винить, кроме самого себя. Если дела пойдут плохо — а они пойдут, — просто имей это в виду, Тайлер Кейб».

— Вы тоже это чувствуете? — прошептал Клей.

Кейб смог лишь молча кивнуть.

Потому что он это чувствовал. Чувствовал, как какой-то древний, невыразимый ужас вспыхивает в его животе, облизывая его внутренности холодным языком. Что-то внутри него знало запах этого места, это зловещее ощущение — и не из недавнего времени, а из давно минувших дней.

Он чувствовал запах тех, кто обитал в Избавлении; эта вонь отчаянно предостерегала его, наполняя огромным, беспричинным страхом, от которого тошнило и выворачивало наизнанку. Он поселился в каждой клеточке, в каждом атоме его сущности.

А затем, в какой-то момент их настороженного молчания, показался город. Он выплыл из метели, как гниющий корабль-призрак из океанского тумана: мачты и носы, палубы и такелаж.

Да, разрушенные здания и остроконечные крыши, магазины с обвалившимися фасадами и заколоченные досками высокие дома — все это овевалось бурными вихрями снега, которые с визгом неслись по улицам.

Избавление лежало перед ними, как вскрытый саркофаг, предлагая заглянуть в его мрачные, гниющие глубины.

Кейб смотрел на городок и чувствовал себя маленьким мальчиком, заблудившимся на кладбище, полном шепчущих голосов и жутких криков. И все это он тоже слышал, но только в своей голове. Ибо таков был звук города — мертвое безразличие, состоящее из агонии и мучительного визга, сведенного к одному низкому и болезненному гудению.

Во рту у него пересохло, а сердце застучало, как молот в кузнице. Его кожа стала болезненно натянутой и холодной, а внутренности свернулись в клубок. Адреналин хлынул по венам, заставляя руки дрожать на поводьях, а глаза широко раскрыться и не мигать. Ибо повсюду, казалось, ныряли и метались тени в развевающейся снежной стене.

На улице, в самом сердце мрачного города, они спешили и привязали лошадей к коновязи.

Хармони стоял в развевающемся черном плаще с дробовиком в руках и «Книгой Мормона» в заднем кармане.

— То, что вы увидите здесь, будет похоже на людей, — сказал он отряду, и ветер превратил его голос в странное завывание. — Но они не люди. Уже нет. Точно так же, как и мертвецы в могилах. Они могут попытаться заговорить с вами, чтобы усыпить бдительность. Но не позволяйте им этого, прошу вас. Не позволяйте им...

Может быть, не все в отряде знали, что такое Избавление. Но, может быть, они слышали истории, шепот из каминного угла, сумасшедшие сказки, которые дети рассказывают поздно ночью у костра... то, во что они, конечно же, не поверили в то время. Но теперь...

Теперь они не отмахивались от этих рассказов. Они помнили их, заперли эти истории глубоко внутри себя, чтобы вспомнить в нужный момент. И, возможно, именно поэтому они не стали задавать Хармони никаких вопросов. Они просто приняли его слова на веру.

— Через три часа стемнеет, — сказал им Диркер, бледный, но очень решительный, — и мы хотим, чтобы к этому времени всё было закончено. Так что разобьемся на группы и...

Но Кейб его не слушал. Совсем.

Он смотрел на закрытые ставнями окна и высокие покатые крыши, на узкие промежутки между зданиями. Мрачные тени, которые сочлились из них.

Он наблюдал и замечал, как всё, казалось, нависало над людьми, стоящими на улице, желая раздавить их или заманить достаточно близко, чтобы затащить в темные места, где можно было бы вести дела наедине, вдали от света. Кейб чувствовал сущность этого города — ядовитый, миазматический яд, просачивающийся в него.

— Приступим, — скомандовал Диркер.

И отряд двинулся дальше.

* * *

Когда Диркер вёл Хармони и данитов сквозь воющую белую смерть, зазвонил церковный колокол. Он эхом прокатился сквозь бурю глухим, гулким звуком.

— Колокол, — прошептал Хармони. — Господь милосердный...

Диркер говорил себе, что на самом деле это ничего не значит. Может быть, его зацепил ветер? Но он сам понимал, что это не так. За верёвку дёргали чьи-то руки, и он мог только догадываться, почему.

Снег летел густой и мелкий, как толченое стекло, осыпая здания, словно мукой. Он хлестал, кружился и плыл, стегая людей на улицах, делая все возможное, чтобы отогнать их назад, прочь отсюда. Но мужчины отказывались поворачивать. Они шли вперед с дробовиками в руках, неровной походкой, но с решимостью в прищуренных глазах.

Внезапно Фитч остановился как вкопанный, подняв винтовку.

— Что... что это было? — прохрипел он, и в голосе его явственно слышался страх. — Вот там.

Диркер быстро оглянулся, и холодный ветер ударил ему в лицо. Он увидел расплывчатую фигуру, тотчас исчезнувшую в снегопаде. Может быть, что-то и было. А может и нет.

— У него были зелёные глаза, — тихо произнёс Фитч. — Горящие зелёные глаза.

Но Диркер ничего не слышал.

Они пробирались мимо покосившихся домов и старого сарая, чьи дверь засыпал трёхметровый сугроб. Рядом с ним стояло более крупное двухэтажное бревенчатое здание. Когда-то это был салун или бар.

Диркер дёрнул за ручку.

Дверь была открыта.

Он изо всех сил пнул дверь ногой, и пятеро мужчин вошли внутрь, высоко подняв ружья, готовые выстрелить. Но то, что они увидели, заставило их замереть и буквально пригвоздило их к месту.

Вдалеке горела пара керосиновых ламп. Семь или восемь человек сидели возле бара или развалившись на стульях за грязными, покрытыми паутиной столами.

— Добрый день, джентльмены, — сказал парень за стойкой. Это был грузный, полный мужчина с бородой и без усов. На барной стойке перед ним стояли стаканы, которые он вытирал тряпкой. — Пододвигайте стулья, садитесь.

Диркер и Хармони посмотрели друг на друга, а даниты образовали оборонительное кольцо, готовые наброситься на каждого, кто только вздохнет. За их спинами от порывов ветра дребезжала дверь, пропуская внутрь снег.

Кроме бармена, трое мужчин ещё сидели за барной стойкой и несколько человек — за столиками. Ни в одном из них не было ничего особенного. Маленький мальчик с блёклыми, пустыми глазами стоял в углу, подбрасывая в воздух что-то, похожее на мяч, и ловя его. Только это был не мяч, а череп. Человеческий череп.

— Хотите поиграть? — спросил он, захихикав.

Диркер проигнорировал вопрос.

— Где Кобб? — спросил он. — Джеймс Ли Кобб?

Остальные переглянулись и начали смеяться, как будто шериф спрашивал, где Иисус, потому что хотел купить ему пива. Когда смех затих, Диркер увидел, как из задней комнаты вышла маленькая девочка.

Ей было не больше семи-восьми лет... и она была совершенно голой. Она вскочила на барную стойку с детской беззаботностью. Села и начала болтать ногами. Она окинула взглядом Диркера, и в этих глазах не было невинности, только злобная, голодная испорченность.

Но что было действительно странно, так это искусно выполненная татуировка на её животе и груди. Диркер не был уверен, что именно он видит в тусклом свете, но это выглядело как... переплетенные змеи и странные фигуры, конфигурации и искаженные магические символы.

И казалось, изображение двигалось.

Шериф отвёл взгляд.

Человек за одним из столиков в широкополой шляпе и офицерском мундире, заляпанном пятнами плесени, сказал:

— Где ваши манеры, бармен? Предложите этим ребятам выпить...

— Конечно, — кивнул парень за стойкой.

Другая его рука поднялась из-за стойки... только она была удлиненной, а пальцы — паучьими и узкими. Там, где должны были быть ногти, торчали длинные черные когти, изогнутые, как рыболовные крючки. Улыбаясь, бармен одним из когтей перерезал себе запястье. А затем, как нечто само собой разумеющееся, начал наполнять стакан своей кровью.

— Богохульство, — произнёс наконец Хармони, разрывая тишину. — Раковая опухоль на лице Господа...

Ответом ему вновь был лишь смех.

Примерно в это время откуда-то из города донеслись звуки выстрелов, и Диркер понял, что остальные тоже с кем-то повстречались.

Вечеринка наконец-то началась.

Человек в широкополой шляпе ухмыльнулся, и по его лицу расплзлась паутина теней. Когда он заговорил, его голос был низким и скрипучим.

— Ну же, ребята, вы ведь не думаете, что выберетесь отсюда живыми? — сказал он, и его зубы внезапно стали длинными и острыми.

И в воздухе появилось странное электричество, странный резкий запах чего-то вроде озона и свежей крови. Послышалось едва заметное движение и влажный скользкий звук.

— Милая, — обратился мужчина к девочке, — этим мужчинам нравятся твои татуировки; покажи им, как сходятся линии...

И пока Диркер смотрел, эти странные и дьявольские рисунки начали двигаться. Внезапно все пришло в движение. Раздался раздирающий, хлопающий звук — мышцы

растягивались, а связки смещались, приспособляясь к новой, дикой анатомии.

Грудь девушки превратилась в клетку из костей, ее конечности стали длинными и костлявыми. Тысячи тонких седых волосков начали вырываться из ее кожи и вскоре покрыли всё тело. Со стороны это выглядело, как миллионы металлических опилок, притянутых к огромному магниту. Её лицо вытянулось, нос расплющился, а уши прижались к узкому черепу и заострились. Глаза девочки стали зелеными и узкими, как щёлки, а высокий лоб несуразно нависал над переносицей.

Она стала больше похожа на волка, чем на человека.

Ее губы растянулись в оскале, обнажив острые, как сосульки, зубы.

— Твою мать, — пробормотал под нос Диркер.

Он сразу вспомнил мифы Древней Греции, где злобная ведьма Цирцея превратила спутников Одиссея в чудовищ.

И вслед за девочкой начали превращаться и остальные.

Плоть превращалась в дым, который уносили тайные каббалистические ветры и реки, движимые мистическими течениями. Девушка внезапно подпрыгнула в воздух на полтора метра, пока не показалось, что она вот-вот заденет стропила над головой, и тут же рухнула прямо на Селлерса.

Он не успел нажать на курок, даже подумать об этом не успел. Они с девушкой рухнули на землю извивающейся кучей. Ее рот обхватил его лицо, и зубы впились прямо в кость. Его крики отдавались глухим эхом в ее горле.

Но всем было некогда рассматривать происходящее.

Потому что следом за девочкой напали и остальные.

Мужчина в широкополой шляпе взвился в воздух в сплошном вихре из когтей и зубов, и почти коснулся Хармони, когда тот выстрелил из дробовика, отбросив монстра назад. Внезапно все начали стрелять. Это напоминало безумную стрельбу по теням и чудовищам из какого-то первобытного кошмара.

Диркер вскинул свой дробовик и выстрелил в бармена. Удар превратил его плечо в кровавое месиво и отшвырнул мужчину на пыльные стаканы и выставленные бутылки. Раздался грохот и треск, но он снова поднялся, его лицо стало похожим на волчье, а зубы оскалились, готовые рассечь человеческую плоть.

Диркер выстрелил ещё раз, и выстрел сбил бармена с ног, но затем на шерифа напрыгнул какой-то маленький мальчик. Диркер ударил его прикладом по лицу, повалив на пол, выстрелил и перезарядил двустволку. К этому времени бармен уже стоял на стойке, и его рубашка была разорвана из-за рельефной, не вмещающейся звериной мускулатуры.

Бармен прыгнул, и поймал две пули от Диркера уже в полёте.

Картечь разнесла его рычащую голову, забрызгав всё вокруг кровью и осколками костей. Бармен перевалился через стойку, но на этот раз остался лежать. Диркер отвернулся от него, и тут его вновь сильно ударил мальчик, уложил на землю. Его челюсти раскрылись, как пасть тигра, и он бросился на свою добычу. Диркер всунул незаряженную двустволку в пасть мальчишки, пытаясь удержать его подальше от себя, но тот всё равно располосовал его пальто, рубашку и кожу под одеждой. В конце концов, Диркеру удалось отбросить ребёнка в сторону.

А мужчина в широкополой шляпе напал на Хармони.

Его огромные когтистые руки были прижаты к голове мормона с двух сторон... и он легко поднял Джастиса на полметра над полом; реки крови потекли из его ушей и глаз,

когда одним движением рук череп оказался смят и раздроблен. Затем вперед рванулась зубастая пасть — и лицо Хармони буквально отделилось от кости.

Диркер увидел стоящего зверя, из пасти которого, как окровавленный скальп, свисало лицо Хармони.

А затем на него вновь напал мальчик, но Диркер уже был на ногах.

Когда мальчик бросился в атаку, Диркер одним быстрым, легким движением нажал на спусковой крючок своего кольта. Выстрел пробил дыру во лбу мальчика и вышел через затылок. Мальчик вздрогнул, упал на четвереньки, кровь потекла по его лицу. А затем он рухнул, дрожа на залитом кровью полу.

Двое чудовищ атаковали Кромбли.

Фитч сбросил ещё одного, последовав примеру Диркера и выстрелив ему в голову. Диркер всадил три пули в существо, пожиравшее Хармони. А потом дверь вдруг оказалась в одну секунду разнесённой в щепки, и длинные мохнатые руки, покрытые белым снегом, схватили Фитча и Арчамбо и с криками потащили их за стену снега.

Диркер убил ещё одного, перезарядил свой дробовик и выбежал в бурю; Избавление превратилось в какофонию звона церковных колоколов, стрельбы и воя.

* * *

Буря на улице достигла максимума.

Снег поднялся хлещущей, визжащей белой стеной, которая теперь еще больше уменьшала видимость. Кейбу и его команде шахтеров приходилось зажмуриться и склонять головы, чтобы продвигаться вперед.

Они слышали крики и выстрелы, но из-за завывания снежной бури, возвращавшей любой отзвук десятикратным эхом, было трудно сказать, откуда они доносились.

Шахтеры начали паниковать.

Они видели смутные силуэты, появляющиеся из снега, и беспорядочно стреляли, хотя Кейб кричал им, чтобы они остановились, потому что могли убить своих людей.

Они были готовы всё бросить и сбежать.

Но куда?

По обе стороны улицы виднелись неясные очертания зданий, окутанных белым туманом, но трудно было сказать, в какой части города они сейчас находятся. Паранойя и смятение уже не раз возвращали их на пройденный путь. И каждый раз буря стирала оставленные следы.

— Черт побери, — крикнул им Кейб, — прекратите этот беспорядок! Нам нужно действовать согласованно!

И тут он заметил, что с ним только трое шахтеров. Четвёртый пропал.

— Где Хичек? Куда он, мать его, подевался?!

— Они схватили его! Что-то схватило его — что-то с зелеными глазами! — крикнул один из шахтеров. — Я ухожу отсюда, ухожу прямо сейчас, черт возьми!

Но прежде чем он успел это сделать, но улице показалась тройка всадников, и шахтеры, решив, что прибыла кавалерия, направились прямо к ним навстречу.

Но это был не спасательный отряд, а банда Охотников за шкурами. Они с грохотом пронеслись сквозь бурю, разрывая снег, словно клубящийся туман. На них были пыльники и шляпы с широкими полями, низко надвинутые на волчьих оскаленные лица.

Один из шахтеров издал сдавленный крик, когда лассо обвилось вокруг его головы и туго затянулось на горле, как петля. Один из Охотников за шкурами сорвал его с ног и потащил в бурю. Еще один шахтер через секунду оказался связан веревкой точно так же.

Кейб нырнул под предназначавшееся ему лассо и, быстро выхватив ружьё, бросился вперед и выбил Охотника за шкурами из седла тремя меткими выстрелами. Он упал на землю, и его лошадь понеслась прочь.

Кейбу удалось хорошо его рассмотреть.

У него была фигура человека, но он горбился и двигался прыгающей походкой из стороны в сторону. Его глаза сверкали, как изумруды, а зубы нависали над узкими черными губами, как у крокодила в джунглях. С оглушительным ревом он бросился на Кейба; три пулевых отверстия в теле, казалось, не имели для него никакого значения.

Кейб не верил своим глазам.

Это отталкивающее, шокирующее лицо и скрежещущие зубы, петли слюны, свисающие из кривого разреза рта, мохнатые руки с двадцатисантиметровыми пальцами и когтями, острыми, как скальпели.

Кейб всадил в зверя еще одну пулю, главным образом для того, чтобы тот не добежал до него.

Но чудовище даже не замедлило бег.

Оно врезалось в него, отбросив обоих в сугроб. Его когти оказались у горла Кейба, пальцы обвили шею. Зверь вонял протухшим мясом и кровью, слюна свисала с его челюстей отвратительными нитями.

Но прежде чем укусить, чудовище сотворило то, от чего у Кейба действительно перехватило дыхание: оно заговорило.

— Сейчас ты умрёшь, друг мой, — произнес он хриплым голосом, больше похожим на рычание бешеной собаки, чем на человеческую речь. — Ты умрёшь, как животное, как в старые, забытые дни...

Но у Кейба были другие планы.

Когда зверь встал на дыбы, издавая воющий, скрежещущий звук, от которого у Кейба едва не взорвались барабанные перепонки, Тайлер вытащил свой охотничий нож из ножен на бедре. И когда зверь опустился, чтобы наполнить свое брюхо, он опустился прямо на лезвие ножа. Почти тридцать сантиметров бритвенно острой стали скользнули прямо в его горло и вышли с обратной стороны.

С хныкающим, скулящим звуком оно отшатнулось, и нож вырвался из его горла. Его голова свисала под отвратительным углом, большая часть шеи оказалась прорезанной насквозь. Зверь проливал кровь на свежий снег, пытался бежать и падал, пытался подняться и спотыкался, кровь вместе с жизнью толчками покидала его тело.

Кейб не стал упускать свой шанс: он прыгнул чудовищу на спину и повалил его в снег.

Оно не успело даже всхлипнуть, как Кейб отвел его голову назад, ухватив за грязные, жирные волосы, и вонзил нож глубже в его горло, разрезая оставшиеся ткани.

Чудовище начало дёргаться и сопротивляться, и, наверно, именно благодаря своим собственным неистовым движениям оно само отпилило себе голову о лезвие.

Кейб отшвырнул её в сторону.

Тело все еще пыталось ползти, но вскоре затихло. Голова смотрела на Тайлера яркими зелеными глазами, а челюсти продолжали пощёлкивать.

Но Кейб знал, что с ним покончено.

Промокший от вонючей крови Охотника за шкурами, Кейб, спотыкаясь, направился в бурю, чтобы найти выживших.

* * *

Единственным выжившим из группы Кейба был Лестер Бранд. Он был начальником шахты в «Хорн сильвер».

А скоро станет ещё и мертвецом.

Когда Охотники за шкурами напали на них, он побежал. Он брел по улицам, пригибаясь к земле, когда слышал звук или чувствовал движение.

Он проскользнул в дверной проем, когда мимо проехали ещё два Охотника за шкурами, выставив напоказ нанизанные на шесты головы. Это были головы шахтеров — людей, с которыми он работал днём и пил по вечерам.

Бранд сильно дрожал, из его горла вырывался страдальческий хрип. Он сильно вспотел, несмотря на пробиравший до костей мороз и обледеневшее лицо.

По спине у него побежали струйки пота. Он потерял дробовик, а армейские кольты в его затянутых в перчатки руках казались скользкими, словно в любой момент могли выпрыгнуть из кулаков.

Он направился вниз по улице, но сам понятия не имел, в какой части улицы находится.

Город был не так уж велик. Хотя Бранд никогда раньше не бывал в Избавлении, он помнил, как Диркер говорил, что центральная улица здесь одна, и её перерезают четыре-пять других помельче. Так что если он просто продолжит идти, то рано или поздно обязательно выберется отсюда.

Однако его не покидала одна-единственная мысль: а вдруг он остался последним выжившим?

«Нет, этого не может быть, — твердил он себе, потому что время от времени слышал выстрелы. — Нужно сохранять ясную голову».

Он медленно двинулся вперед; снег завивался вокруг него, вылепляя причудливые фигуры и тени. Здания вздымались, как надгробные камни, нависая над ним. Он продолжал видеть смутные фигуры, движущиеся мимо, но не смел стрелять. Только не сейчас. Потому что теперь повсюду была смерть — кричащая белая смерть, и то, что она скрывала под этим развевающимся белым плащом, было намного, намного хуже.

Он прошел мимо ряда складов, затем мимо сарая, мимо заколоченного галантерейного магазина. Затем прямо перед собой он услышал низкий, гортанный рычащий звук. ещё несколько. Как будто на него готова была наброситься стая диких собак.

Он быстро бросился вниз по переулку, который извивался, как змеи, и вывел его в маленький дворик, зажатый между громадами зданий. Выхода не было. Ему придется рискнуть и вломиться в один из домов.

И вдруг он застыл на месте.

Ветер издавал пронзительный воющий звук, только мужчина не был полностью уверен, что это действительно ветер. Он быстро поднял глаза...на мгновение ему показалось, что он увидел что-то на крыше. Что-то, что исчезло в чреве бури. Он даже не был уверен, что действительно видел его.

Слева от него раздался какой-то стук.

Дверь на ветру то распаивалась, то закрывалась. Она глухо стучала о выветренную

серую стену комбикормового завода. Собрав все силы, которые у него еще оставались к этому моменту, Бранд двинулся туда.

Он подошёл к двери.

Она снова захлопнулась. С пересохшим горлом Бранд вскинул ствол одного из армейских кольтов, дёрнул за ручку и распахнул дверь. И увидел... он увидел фигуру, выплывающую из темноты, как призрак. Женщину. Женщину в белом грязном платье. Волосы у нее были длинные и огненно-рыжие, развевающиеся, как луговые травы под порывами ветра.

— Ты, — выдавил Бранд, когда она приблизилась к двери, — ты... ты должна помочь мне выбраться отсюда... я заблудился...

Но он видел, что она ухмыляется, как злобное создание из темного леса, которое похищает непослушных детей, которое грызет кости и высасывает кровь. Ее глаза были огромными и блестящими, как мокрый нефрит, и Бранд не смог отвести взгляд. Не смог не смотреть в эту пасть, полную острых, как иглы, зубов.

Мужчина закричал, когда длинные пальцы схватили его за шею, а страшный рот приблизился к его лицу. Для Бранда всё закончилось именно там, в куче снега. Он упал на землю и, умирая, чувствовал, как монстр жуёт его плоть.

* * *

Седобровый застыл, добравшись до вестибюля гостиницы.

Прислушался.

После стольких лет, проведенных в охоте на животных, он чувствовал, что не один, но где остальные, сказать не мог.

И хотя он пел свою песню смерти перед тем, как отправиться в поход, Седобровый не хотел умирать. Он никогда больше не доживет до семидесяти, но в нем была какая-то жизненная сила, мужество, блеск в глазах, который не мог угаснуть даже с возрастом.

Он не хотел умирать... Но был готов к этому.

Для ютов было честью умереть в бою. И для Седобрового это стало бы честью. И если ему суждено умереть, то, по крайней мере, он умрет, зная великие тайны, ужасные секреты и зловещие истины, но его душа будет сильнее от этого. Полнее.

Седобровый находился в группе с Генри Уилкоксом и сэром Томом Йеном, но давным-давно бросил их. Он предпочитал охотиться в одиночку. И, если уж так сложится, быть единственной целью. Потому что, честно говоря, он не слишком доверял белым с оружием.

У них была отвратительная привычка стрелять во все, что движется, и если уж ему суждено умереть — то не от пули, выпущенной каким-то сумасшедшим белым.

Он знал, что этот отель когда-то назывался «Шоуксвилл Армс», когда Избавление ещё носило свое первоначальное название и было городом, добывающим свинец.

С тех пор он был оставлен на волю погоды, природы, всех возможных стихий. И если то, что сказала Хармони, было правдой, Кобб и его приспешники какое-то время называли это место своим домом.

Седобровый медленно двинулся к старой лестнице, покрытой грязью и засохшими коричневыми листьями, которые залетали внутрь через бесчисленные дыры в стенах и крыше.

Перила были опутаны паутиной. Ковер на лестнице оказался заплесневелым и

почерневшим. Внутри здания проникал тусклый свет, поэтому темно не было.

Снаружи, словно обезумевший от крови зверь, завывала буря, набрасываясь на ветхие здания, заставляя их скрипеть, стонать и раскачиваться на гниющих фундаментах.

В воздухе стояла резкая, неприятная вонь, которая имела мало общего с древесной гнилью или экскрементами животных. Это был острый, сильный запах, который проникал в голову Седобрового и заставлял его думать о скотобойнях и братских могилах, сумасшедших домах и камерах смертников... местах, наполненных смертью, болью, ужасом и безумием.

Он начал подниматься по ступенькам, чувствуя теперь, насколько одинок.

«Но ты же не белый, — твердил он себе. — Ты не белый, который чувствует себя в безопасности в толпе или нуждается в присутствии людей. Ты индеец, ты юта, и одинокие, безлюдные места не пугают тебя».

Но это было здорово в теории, а вот сегодня на практике все шло не так хорошо.

Вонь становилась все сильнее, и казалось, что в воздухе что-то потрескивает, словно какой-то отрицательный заряд потенциальной энергии, какое-то статическое электричество, которое все нарастало и нарастало. Чем дальше он поднимался по лестнице, тем сильнее это ощущал.

Оно было повсюду вокруг него — тяжелое, темное и угрожающее. Он чувствовал эту энергию от макушки до самых яиц — эту отвратительную враждебность, словно руки, готовые задушить его.

Вверх по лестнице.

Больше листьев, больше грязи. Но теперь Седобровый заметил, что здесь определён кто-то ходил. В толстом слое пыли на полу отпечатались следы.

«Ладно, старик, — подумал Седобровый. — Ты сможешь».

И он двинулся вперёд.

Он начал переходить из комнаты в комнату, но нашёл лишь несколько старых ящиков и заплесневелую мебель, затянутые паутиной. Слой пыли на некоторых из них был нарушен, как будто люди Кобба бросали на пол спальные мешки.

В коридоре яркие обои были покрыты плесенью. Она была выцветшей, распадающейся, усеянной червоточинами. В сумрачном свете Седобровый заметил проступающие следы когтей, вонзившихся в обшивку, и старые, потемневшие пятна крови.

В воздухе по-прежнему висел этот тошнотворный запах, только теперь к нему примешался другой — отвратительный запах гниющего мяса и пролитой крови. Зловоние было настолько мерзким, что Седобрового чуть не стошнило...

Внезапно, без единого звука, из темного дверного проема появилась фигура. Так быстро и так бесшумно, что индеец даже не успел удивиться, как ружьё вырвали у него из рук и зашвырнули в коридор.

Фигуру освещал тусклый свет, в котором кружили пылинки и снежинки. Седобровый увидел её и почувствовал, как его сердце сжалось от боли. Он знал, что перед ним Джеймс Ли Кобб. Он знал это, но ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать этот кошмар.

У индейца закружилась голова.

Кобб был высоким и тощим, как труп, словно мумия из какого-то музея. Сомбреро с короткими загнутыми полями было сдвинуто на затылок и увенчано короной, вырезанной из шкур пустынных змей и украшенной перьями, когтями хищников и зубами волков.

На нём было пончо из светлой кожи, сшитое из человеческих кож в безумное лоскутное одеяло. На жилистой шее висело с полдюжины ожерелий из человеческих пальцев, ушей и

зубов.

На поясе у него находилась связка пистолетов и топоров с рукоятками из слоновой кости. От плеча до пояса тянулся пояс, сшитый из... лиц. Лиц, бронзовых от смерти. Масок из неповреждённых скальпов.

Всё это и так было достаточно ужасно... но лицо самого Кобба было еще хуже.

Правая сторона была бледной, а кожа — тонко натянутой, едва прикрывающей череп. Единственный немигающий зеленый глаз с огромным, расширенным зрачком, похожим на полупрозрачную луну, смотрел на Седобрового. А левая сторона лица... её просто не было.

Розоватые сухожилия и красные мышцы обтягивали кости черепа, словно всю остальную плоть обглодали голодные псы. Глаза тоже не было, лишь пустая чернеющая впадина.

Седобровому удалось вновь начать дышать, прежде чем он потерял бы сознание от нехватки кислорода.

— Полагаю... Полагаю, это конец?

Кобб кивнул. Губы растянулись в усмешке, приоткрывая жёлтые острые зубы.

— Думаю, да, друг мой, — прошипел он. — Думаю, да.

— А не мог бы я...

— Сомневаюсь, — ответил Кобб. — И раз уж ты зашёл так далеко, я хочу, чтобы ты кое-что увидел.

Но Седобровый покачал головой.

— Не думаю, что хочу этого.

И когда Кобб попытался схватить его, он вытащил свой охотничий нож и вонзил его прямо в брюхо дьявола. Конечно, это не очень помогло. Кобб схватил его с поразительной силой.

Эти когтистые руки — а левая была ещё костлявой и лишенной кожи — схватили его за плечи и ударили о стену, пока Седобровый не обмяк, как тряпка.

Борьбы закончилась, едва начавшись.

Все еще с ножом, торчащим из живота, Кобб схватил Седобрового за длинные седые волосы и потащил по коридору. Индеец то приходил в себя, то вновь терял сознание.

Он слышал стук набоек на испанских сапогах Кобба, а потом его бесцеремонно бросили перед дверью в конце коридора. Дверью, покрытой старыми кровавыми отпечатками ладоней.

Кобб вытащил ключ и открыл дверь.

Перед Седобровым открылась настоящая бойня. Он услышал звон цепей и почувствовал запах испорченного мяса и гниющих туш.

Кобб пнул его ногой.

— Я хотел бы познакомить тебя со своей матерью, — сказал он и захлопнул за собой дверь.

* * *

Помощник шерифа Пит Слейд, Элайджа Клей и трое шахтеров ходили от дома к дому, убивая все, что двигалось. Они слышали выстрелы и крики умирающих, но Слейд твердо знал, что у них есть работа, которую они должны сделать, и что остальным придется самим о себе позаботиться.

Они быстро поняли, что единственный способ убить Охотников за шкурами — это разнести им головы на куски. Теперь, после не менее чем четырех стычек со зверями, они целились лишь в головы.

Но теперь они оказались в ловушке на улицах, и все становилось только ужаснее.

Звери карабкались по крышам, наблюдали за ними и прыгали вниз, когда им казалось, что у них есть шанс. Зеленые, блестящие глаза смотрели из темных глубин амбаров и из-за закрытых ставнями окон.

— Мы должны найти остальных, — сказал Клей, стараясь голосом не выдавать испуга. — Ты так думаешь, Слейд? Просто их слишком много, а нас слишком мало.

Слейд знал, что Элайджа прав.

Но сейчас на это не было времени. За ними распахнулись двойные двери конюшни, и жители начали массово вываливаться наружу. Это была костлявая, бледная компания с невидевшими солнца лицами и блестящими зелеными глазами.

Но, пожалуй, самым жутким было то, что они были одеты не в одежду, а в шкуры. Человеческие шкуры. Шкуры, которые включали в себя болтающиеся конечности, освежеванные лица и развевающиеся клоки волос.

Это было ужасное зрелище.

Смотреть, как они прыгают вперед, словно злобная стая волков, зеленоглазые и безжалостные, как щелкают зубастые челюсти, как с губ свисают огромные нити слюны. И в придачу — одетые в человеческую кожу.

— Убейте их! — крикнул Слейд. — Убейте всех!

Они набросились на них клубком когтей и зубов, издавая визг и лай, как охотничьи собаки, и Слейд со своими ребятами начали стрелять из всего, что у них было.

Они подстрелили полдесятка, отбросили ещё десяток, но остальные продолжали идти прямо на них, завывая и щелкая зубами. Двое шахтеров упали. Третий просто исчез. Слейд очутился в толпе из четырех или пяти кусающихся, чавкающих детей.

Клей отбросил их от себя прикладом дробовика, застрелил еще двоих, почувствовал, как когти вспарывают ему лицо и впиваются в спину, и с трудом вырвался на свободу, несмотря на свои габариты и рост.

И получив пару секунд передышки, Элайджа Клей поражённо наблюдал, как жители Избавления разрывают на части тела шахтёров, а дети, сжимая в зубах оторванные конечности, ползут по стенам зданий, как пауки.

И он побежал прочь, пока была такая возможность.

* * *

Один из шахтеров из группы Слейда убежал, когда началась бойня. Он видел толпу противника и понимал, что честного боя тут не получится.

Его звали Рафе Джерард, и он не был трусом. Тот факт, что он пришел с Диркером, чтобы покончить с этим беспорядком, говорил о том, что он был кем угодно, но только не трусом.

Он прошел через мексиканскую войну и войну между Штатами, и, несомненно, был человеком, который знал, как остаться в живых.

Таким он и планировал остаться.

Он выбил ногой дверь маленького домика и задвинул засов, как только оказался внутри.

Снежная пыль, похожая на рассыпанную муку, покрывала пол. К нему примешивалось немного крови. Несколько дорожек вели прямо к очагу и исчезали, как будто их обладатель сбежал через дымоход.

И Рафе Джерард решил, что это вполне вероятно.

Он сидел, прислонившись спиной к стене, и пытался все обдумать. Клей был прав: они должны были присоединиться к остальным. Так что оставалось только найти их или подождать, пока они найдут его.

Поэтому Джерард сидел и смотрел на камин, на входную дверь, на частично заколоченное окно, на дверь, ведущую в другую комнату. Он свернул себе сигарету и спокойно закурил. Он ждал.

И в тот момент он услышал плач.

Жалкое хныканье, скулёж. Этот звук был словно создан для того, чтобы дергать за струны души любого, в чьих жилах течет теплая кровь. Этот звук действовал на Джерарда своей меланхолической магией.

Когда-то и у него родился мальчик — чудесный рыжеволосый мальчуган, который умер от гриппа в одну долгую суровую зиму. И хотя Рафе знал, что Избавление наполнено чудовищами, этот звук не мог не тронуть его.

Он прошел через кухню в скромную маленькую спальню в задней части дома. Бюро. Каркасная кровать. Умывальник. На одной из стен были разбрызганы капли крови. Наверху был чердачный люк, по которому тоже была размазана кровь.

И именно оттуда доносился плач.

Джерард стоял, не желая туда лезть, но человеческая сущность в нем требовала этого. Он подтащил кровать и встал на нее. Печальный голосок сверху звал свою мать.

Что-то холодное сжалось в груди Джерарда, и он отодвинул крышку люка.

В проникающем свете он рассмотрел маленького мальчика, всего покрытого запёкшейся кровью. Воспоминания о собственном сыне нахлынули на Рафе, и не успел он нажать на спусковой крючок, как мальчонка прыгнул на него, впиваясь зубами в горло мужчины.

И смерть Джерарда оказалась такой же, как и жизнь: стремительной.

* * *

Избитые, покрытые синяками и кровью сэр Том Йен и Генри Уилкоккс — вот и все, что осталось от их маленькой группы. Остальные были убиты зверями. А Седобровый только что исчез. Как бы то ни было, помощник шерифа Уилкоккс был сильно ранен в живот и потерял много крови.

Но он не собирался сдаваться.

По крайней мере, пока в нём оставались силы.

Они с Йеном исследовали грузовую контору, пройдя по кровавому следу на земле, который вскоре был заметён снегом. Внутри было почти пусто. Вся мебель и офисные принадлежности давно исчезли. Но на полу была кровь. Кровавые детские следы и что-то мокрое, что они тащили за собой.

В задней части комнаты была дверь.

Запертая.

— Готов, приятель? — спросил Йен.

— Насколько это вообще возможно, — признался Уилкоккс; его крупное тело, казалось, обвисло, когда кровь продолжала просачиваться сквозь импровизированные бинты, обернутые вокруг торса.

Йен взялся за потускневшую ручку и повернул ее.

Послышалась возня, влажные рвущиеся звуки.

Он распахнул дверь и увидел группу детей, стоявших на коленях на полу. Глаза у них были зеленые, а тела голые и безволосые. Они ухмыльнулись двум мужчинам: их зубы были похожи на сосульки, торчащие из почерневших десен. Они сгрудились вокруг тела данайца — возможно, Фитча, хотя сложно было сказать с уверенностью, настолько изувеченным было тело.

Все дети были обнажены и покрыты татуировками, а их лица — измазаны кровью.

— Господь милосердный, — прошептал Уилкоккс.

Дети довольно медленно поднялись со своих мест и двинулись на мужчин. Уилкоккс начал всхлипывать.

«Это ведь просто дети, чертовы дети».

Он не мог заставить себя нажать на курок.

Но сэр Том Йен не испытывал таких угрызений совести.

Он вытащил свой револьвер калибра.44 и едва успел нажать на спусковой крючок, как первая пуля попала в маленькую девочку, а вторая разорвала в клочья лицо маленького мальчика. Издав дикий стонущий звук, Уилкоккс наконец последовал его примеру.

Ибо это были не дети.

Они были скорее звериными, чем человеческими детёнышами, а эти глаза были полны жадного, неутолимого голода. Они выслеживали свою добычу и уничтожали ее без угрызений совести.

И только так Уилкоккс с Йеном могли стрелять в детей.

Оружие спасло им жизнь, но подняло в закрытой комнате страшный шум. Как гром, отдающийся эхом, пока каждый присутствующий не оглох от выстрелов.

И именно поэтому они не услышали, как в дверях появились остальные.

Не узнали об этом, пока не почувствовали когти и зубы и не ощутили запах прогорклого, горячего дыхания на своих шеях.

* * *

— Только после вас, шериф, — произнёс Кейб.

Диркер кивнул и толкнул дверь старого отеля. Кейб последовал за ним с дробовиком в руках. Ещё одно ружьё было перекинуто через спину.

В нос им тотчас же ударила волна вони.

Густая, горячая, тошнотворная. Ей не было места в заброшенном отеле в морозный день, когда ветер сгонял снег в сугробы и запирали все вокруг льдом.

Тем не менее, запах был... словно дышащее, всепоглощающее, живое существо. Зловещий разум. Мужчины стояли, затаив дыхание, ожидая то, что вызвало эту вонь, текущую вниз по лестнице.

Однако вокруг была лишь тишина.

— Если Хармони не ошибся, — начал Диркер, перезаряжая оба кольта

«миротворца», — то Кобб со своей командой залегли где-то здесь наверху.

— Господи, ну и вонь, — пробурчал Кейб.

— Идём, — махнул рукой Диркер.

На крюке возле лестницы висела пара масляных ламп. Обе были почти полны. Кейб вытащил сигарету и закурил.

От ламп исходил грязно-жёлтый свет, обнажавший останки природы — кости животных и птичьи гнезда, засунутые в дыры в стенах, листья, палки и сосновые иголки.

Они бок о бок поднялись по лестнице и остановились на верхней ступеньке.

Они замерли, заметив, что атмосфера теперь стала определенно ядовитой и чумной, как в лагере смерти в малярийных джунглях. Воздух был тяжелым, влажным и вязким от гнилостного, замаранного мухами запаха червивого мяса. И жарким, гнетущим. Он дрожал, как желатин, ложась на их лица в густой, скользкой пеленой.

Они двинулись по коридору к двери в конце коридора. Дверь с прочерченными в ней бороздами и кровавыми отпечатками ладоней. Или чем-то, напоминающим отпечатки ладоней.

— Глянь на пол, — прошептал Кейб.

Диркер опустил голову.

Сразу за дверью, примерно на метр от порога лежала странная, ползучая, разлагающаяся грибковая масса. Когда они наступили на нее, она захлюпала, как мокрые листья, и из нее засочился вонючий черный сок.

Диркер ткнул во что-то носком ботинка.

— Дробовик, — сказал он. — Узнаешь?

Кейб медленно и устало кивнул.

— Да. Это Чарли Седобрового.

Выйдя из комнаты, Диркер дернул за следующую грязную ручку, но дверь оказалась заперта.

Кейб стоял рядом с ним, и дикий, животный ужас пронизывал его насквозь. Что бы там ни было... что бы ни испускало эту отвратительную, жуткую вонь... Господи, это было ужасно, просто ужасно.

Диркер передал свой дробовик Кейбу и взял оставшееся после Седобрового ружьё. Он приставил ствол к замку и нажал на спусковой крючок. Ручку и часть двери внесло в комнату, оставив за собой дымящуюся черную дыру.

Диркер пинком распахнул дверь.

И они очутились с истинной преисподней.

Когда они прошли через дверной проем, освещая себе путь фонарём Кейба, черная волна зловонного жара буквально отбросила их назад на шаг или два. И запах... тошнотворные испарения, которые были не просто органическим распадом и разложением, а нездоровым, отвратительным смрадом, от которого колени начинали дрожать, а желудок готов был вот-вот вывернуться наизнанку.

Это сразу напомнило Кейбу полевой госпиталь, в котором он лежал во время войны. Переделанный сарай в Теннесси, воняющий гниющими окровавленными повязками, ампутированными конечностями и пожранной гангреной плотью. Здесь был тот же запах боли, страданий и рвотных масс.

Собравшись с духом, они шагнули дальше.

Мебели не было. Кремовые обои в цветочек были забрызганы и испачканы каплями

застарелой крови. Даже потолок был забрызган ею... как будто какой-то сумасшедший мясник разбрасывал ее ведрами.

Пол был мокрым, и по нему ползал еще один серый грибок, но здесь он был покрыт паутиной и пропитан черной сукровицей и кровавой слизью. Это было студенистое варено гнили, костей и обглоданных конечностей, глубиной в десяток сантиметров.

Повсюду валялись тела и их части, покрытые мухами, жуками и ползучими червями. Несколько грязных, ободранных и лишенных челюстей черепов усталились на вошедших.

— Отче наш, сущий на небесах, — едва слышно прошептал Диркер.

Ибо перед собой они видели то, чему оба стали свидетелями ещё в Миссури.

Возможно, когда-то это была женщина, но теперь это был закованный в цепи упырь с мокрой, прокаженной плотью — плотью, которая была изрыта зияющими дырами и свисала с костей, как продуваемый ветром саван. Эта плоть, казалось, двигалась и извивалась пульсирующими потоками, но на самом деле причиной этого служили паразиты и черви, гнездящиеся внутри. Череповидная голова была увенчана длинными сальными волосами, покрытыми паутиной, лицо было сморщенным и увядшим, а из зеленых глаз текли слезы слизи.

Существо издавало низкий мычащий звук, протягивая руки, которые были скорее голыми костями, чем плотью, а кожа свисала с них полосками и петлями. Пальцы представляли собой палочки, заканчивающиеся длинными загнутыми ногтями, которые, казалось, извивались в воздухе. Монстр начал скользить в их направлении, бросая рябь на чумное море органического изобилия.

Кожа лица давным-давно облезла, выставляя на всеобщее обозрение кости черепа, зияющую дыру полости носа и дысны и серыми, кривыми зубами.

Существо двинулось вперед крадущимся, ползучим движением, как извивающийся червь, при этом мяукая, как тонущий котенок.

Кейб и Диркер начали стрелять.

Летели пули и дробь, и воздух вдруг наполнился дымом и горьким запахом пороха. Они стреляли и стреляли, перезаряжали и снова стреляли. И не останавливался до тех пор, пока извивающаяся человеческая медуза не разлетелась на куски.

Затем они вышли из комнаты.

Закрыли за собой дверь.

В конце коридора, дрожа всем телом, Кейб швырнул фонарь о стену, и тот разбился вдребезги. Пламя лизнуло стены.

Выскочив на улицу, оба мужчины упали в снег, пытаясь отдышаться.

* * *

Десять минут спустя они стояли перед церковью.

Колокол уже давно прекратил звонить.

Они стояли у высоких кованых ворот, окружавших церковь и подходивших прямо к ступеням. Штыри были ржавые, высокие, смертельно острые и поднимались вверх, как копья.

— Что ж, Тайлер, — произнёс Диркер. — Полагаю, больше никого не осталось. Лишь ты и я.

— Давай покажем этим ублюдкам, на что способны разъяренный янки и сумасшедший

жужанин без роду, без племени, — усмехнулся Кейб.

Диркер рассмеялся. Ничего не мог с собой поделаться. Смех просто рвался наружу из его груди, и вскоре по щекам у него уже текли слёзы, а Тайлер Кейб смеялся рядом, еле переводя дыхание.

— Не знал, что ты умеешь смеяться, — заметил Кейб.

Смех Диркера перешел в кашель. Он вытер рот тыльной стороной ладони.

— Конечно, умею, — выдавил он, — просто я обычно в этот момент один и смеюсь над самим собой.

Фраза шерифа вызвала у них новый взрыв смеха, и они стояли перед церковью, шатаясь, как пьяные, хлопая друг друга по спинам, пока все не стихло и не сменилось мрачным молчанием. Стих ветер. Осталась лишь вечность.

— Похоже, я опоздал на вечеринку, — произнёс голос за их спинами. — Следующий раз не забудете пригласить, а?

Из снежной завесы неспешным шагом вышел Элайджа Клей, держа в каждой руке по пистолету.

— А я-то думал, что остался последним.

— Не думал, что когда-либо буду рад тебя видеть, чёртов ублюдок, — усмехнулся Кейб.

— Следи за манерами, мальчик мой, — ухмыльнулся в ответ Клей. — Я пришёл, чтобы спасти твою задницу.

— Где остальные? — спросил Диркер.

Клей лишь покачал головой.

Затем они вместе поднялись по ступенькам. Двойные двери были заперты, но Клей ударил в них своим массивным плечом, и они распахнулись. Затем все трое двинулись вперед, двигаясь не спеша, с дробовиками в руках.

Скамьи.

Они увидели ряды скамей, многие из которых были разбиты в щепки. Алтарь был занят огромной полкой со скальпами. Да по самым скромным подсчётам, их было не менее пятидесяти.

Вокруг были аккуратно сложены груды черепов и костей. На кресте не было Иисуса, а вместо него было прибито мумифицированное тело. Диркер признал в нём Калеба Каллистера... по крайней мере, он так думал.

Но времени выяснять это не было, потому что из-за алтаря вышли Джеймс Ли Кобб и четверо его Охотников за шкурами. Они были вооружены винтовками, одеты в серые пыльники и находились где-то в трансформации между животными и людьми.

— Похоже, грядёт заварушка, — рассмеялся Кобб, и его резкий, отрывистый хохот разнёсся эхом под своды церкви.

Кейб внимательно посмотрел на создателя этого кошмара. Кожа на левой стороне лица просто отсутствовала, мышцы и кости были обнажены. Словно какой-то хирург прорезал скальпелем демаркационную линию по центру его лица, оставив правую сторону относительно невредимой — и отслоив левую до изначальной анатомии. Кобб напоминал собой анатомический препарат, который почему-то ходил и двигался.

— Чёрт, да он уродливее, чем дохлая белка в жаровне, — сплюнул Клей.

И в следующую секунду полетел свинец.

Кейб и остальные побросали дробовики и достали винтовки — «Эванс» Кейба, «Винчестер» Диркера и «Генри» Клея. Пули сновали вокруг них, как разъяренные осы,

впиваясь в скамьи и разбрасывая повсюду щепки.

Троица выстрелила в ответ.

Но Охотники за шкурами были одержимы безумной, первобытной яростью. Они бежали от алтаря прямо под шквал пуль. Двое возглавлявших атаку на мгновение закружились, как марионетки, когда пули вонзились в них, пробивая дыры и разбрасывая кровь и мясо во все стороны.

Но Кобб продолжал стрелять; одна из пуль попала Клею в плечо, а другая прочертила рану на его голове, прихватив мочку уха.

Он упал, истекая кровью и стеноя, но сумел выпрямиться и выстрелить Охотнику за шкурами в упор прямо в лицо. Пуля пробила тому нос, и череп позади нее раскололся, когда пуля прошла сквозь его голову, как сверло, разрывая все на своем пути.

Еще один Охотник за шкурами, с дюжиной дырок в теле, почти добрался до них, но Кейб всадил ему пулю в горло, которая заставила чудовище развернуться, и прикончил пулей в висок.

Диркер подпрыгнул и повалил третьего Охотника за шкурами в лужу крови и мозгов, а затем схватился за грудь и упал.

К мужчинам подскочил последний Охотник за шкурами.

Кейб всадил в него пулю, но это того даже не остановило. Он врезался в Охотника за головами, и они покатались кувырком по полу. Он был невероятно силен, и Кейб боролся, ругался и бился, пытаясь удержать его зубы подальше от своего горла.

И тут Диркер, в пропитанном насквозь кровью плаще, запрыгнул на спину монстра. В него попала ещё одна выпущенная Коббом пуля, но шериф не сдавался и не разжал хватку. Его лицо превратилось в маску агонии, но он изо всех сил оттягивал голову существа назад, пока оно пыталось дотянуться до горла Кейба.

Последним рывком он оттянул голову зверя, приставил дуло своего кольта к его виску и нажал на спусковой крючок. Череп животного разнесло в клочья.

Чудовище упало замертво.

И Диркер вместе с ним. Он схватился за грудь, и под пальцами запузырилась алая кровь.

Клей сделал еще два выстрела в Кобба, который, воспользовавшись суматохой, пробежал вдоль дальней стены, стреляя из пистолетов, и исчез в низком дверном проеме в шести метрах от мужчин.

Но Кейб интересовал только Диркер.

Он уронил голову на колени.

— О Господи, Джексон, Господи Иисусе, посмотри на себя, — он почувствовал, как по щекам текут слезы, и понял, что Диркер спас ему жизнь, но ценой собственной жизни. — Зачем ты это сделал? Зачем, зачем?

Диркер протянул руку, сжал его ладонь.

— Тайлер, — сказал он, и из уголков его губ потекла кровь. Он закашлялся, поперхнулся и попытался что-то проглотить. — Тайлер, я... Это конец, конец для меня...

— Нет! Нет, я не позволю тебе так просто взять и...

— Это конец, Тайлер, — отрезал Диркер. — Когда вернёшься в город... позаботься... позаботься о моей жене... о Дженис. Поклянись, что не оставишь её...

Кейб начал рыдать, переполненный чертовыми эмоциями.

— Клянусь, я позабочусь о ней. Только, Джексон... Ты не можешь взять и умереть — не сейчас, когда мы, наконец, стали друзьями, чёртовыми друзьями!

Диркер улыбнулся, но улыбка быстро исчезла с его лица. Он уставился перед собой, тяжело дыша.

— Пи-Ридж... Я вижу ту битву, Тайлер... Прямо сейчас... Вижу лес, холмы... Ох Тайлер, помнишь, как было холодно? Этот мороз и снег... В Арканзасе... Арканзасе... Эй, парни, отступаем, отступаем! Нас окружают! Нет, нет, нет... Мне же это снится, да, Тайлер?

Кейб крепко сжал ладонь Диркера.

— Я заброшу тебя на лошадь и отвезу в город. Да, прям сейчас...

На плечо ему легла рука. Это был Клей.

— Он умер, мальчик мой, — мягко произнёс великан. — Он умер.

С мокрым от слез лицом Кейб опустил Диркера на пол, погладил его по щеке и шмыгнул носом, пытаясь взять себя в руки. Он увидел свой дробовик и поднял его.

— Куда, — спросил он, — подевался этот гребаный мудака Кобб?

Клей кивнул на дверь, пытаясь одновременно перетянуть раны.

— Сбежал туда. Покажи ему, мальчик...

Кейб, полный ненависти и ярости, влетел в дверь, как артиллерийский снаряд. Если бы Кобб ждал его там, он разрубил бы его пополам единым ударом, как сыр — острым ножом.

Но Кобба там не было.

Кейб оказался в очень узком проходе, который вел наверх прямо к колокольне. По нему, словно извивающийся червь, поднимался ряд тесных винтовых лестниц. На них была кровь. И кровь была размазана по перилам.

«Значит, его зацепило, — подумал Кейб. — Этого сукина сына зацепило...»

Сделав резкий вдох, Кейб с дробовиком в руках начал подниматься по ступенькам так тихо, как только мог. Он крался и полз, как кошка на охоте. На самом верху был люк.

Собравшись с духом, Кейб пригнулся, а потом резко запрыгнул в дыру в потолке.

Перекатился по дощатому полу.

Вихри гонимого ветром снега хлестали о колокол. Комната с колоколами была площадью около одного квадратного метра, открытая со всех четырех сторон, с заграждением высотой по пояс. Пол был покрыт снегом, старыми листьями и... каплями крови.

Джеймс Ли Кобб, чье лицо по-прежнему напоминало волчье, обошел колокол. Левая сторона его лица представляла собой скорее голые кости, нежели плоть, и этот череп явно принадлежал какому-то хищному зверю.

— Я сожрал все души в Избавлении, — прохрипел он. — А теперь сожру и твою...

Топорик пролетел мимо лица Кейба и дальше — на занесённую снегом улицу. Кейб выстрелил демону в живот, но тот прыгнул на него — прыгнул с поразительной скоростью и координацией, которой не ждёшь от человека с пулей в животе. Но Кейб выстрелил во второй раз, и уже этот выстрел отбросил Кобб обратно к колоколу. Колокол начал раскачиваться и звонить с оглушительным грохотом. Кобб оставил на нем кровавое пятно и подтянулся, держась за выступ, спиной к снегопаду.

В туловище Кобб зияла дыра от выстрела. Несколько язычков пламени уже лизнули его пончо, а от обожжённой плоти и волос доносился отвратительный запах.

Но не это заставило Тайлера замереть на месте. У Кобба не было внутренних органов. Лишь полость, заполненная кишасей саранчой. Сотнями, тысячами отвратительных насекомых.

А затем Кобб захохотал, и его жуткий гогот поднялся к потолку и сплёлся с ударами

колокола в ужасную какофонию.

Кейб закричал, когда саранча, взвившись с тела Кобба, окружила Тайлера жужжащим роем, словно он был полем, которое нужно срочно сожрать. Они набросились на него, кусая, царапая и гудя, и Кейб чуть не лишился разума, пытаясь отмахнуться и сбросить их с себя. Они жевали и кусали, забирались под одежду, пытались влезть в уши, рот и ноздри.

Они готовы были обглодать Кейба до костей.

Кейб понял: сейчас или никогда. И он бросился на Кобба. Он ударил ухмыляющегося, хихикающего ублюдка, ударил очень сильно. Так сильно, что Кобб потерял равновесие. Он отшатнулся, упал спиной на выступ и замахал руками, пытаясь выровняться... А потом перевернулся через парапет и упал вниз, в снегопад.

Монстр издал яростный, пронзительный вопль.

Насекомые свернулись коричневыми клубочками, как мертвые листья, и посыпались с Кейба на пол. Он прислонился к карнизу, глядя вниз. На мгновение стена снега разошлась, и он увидел внизу Кобба.

Он был насажен на забор.

Три покрытых кровью штыря торчали из его груди на добрых сорок-пятьдесят сантиметров, и он застрял, как жук на иголке. Он извивался и боролся, размахивал руками и выл. Но это только заставляло его ещё глубже насаживаться на забор.

«Железо, — подумал Кейб, — железо».

Штыри были железными, а он читал, что дьявол боится железа, потому что оно символизирует землю. Вот почему люди вешали железные подковы над своими дверями. Железо было основным элементом земли и врагом демонов и бесплотных духов.

Кейб почувствовал, как вся церковь содрогнулась под ним, когда Кобб закричал, казалось, десятком разных голосов... мужчин, женщин, детей.

Кейб еле спустился по ступеням, едва не падая. Клей ждал его у двери, и они вместе вышли на улицу.

Кобб больше не двигался.

Он превратился в какое-то коричневое высушенное пугало, с которого осыпались пылинки.

Церковь начала дрожать и содрогаться, раскачиваясь из стороны в сторону, как будто пыталась подняться со своего фундамента. Затем раздался стон, грохот, и она упала вниз, сложившись кучей досок. Колокол упал последним, ознаменовав разрушение церкви последним, погребальным звоном.

К тому времени Кейб и Клей уже дошли до улицы, где оставили лошадей.

Здоровый глаз Кобба открылся, глазница наполнилась личинками. Его почерневшее, покрытое волдырями лицо распахнулось в ревушем крике. Зло вырывалось из него желтым туманом, просачиваясь из десятков дыр и щелей, поднимая снежные смерчи и воняя разлагающимися костями, гниющими болотами и человеческими экскрементами.

Сверкнула молния, послышался грохот, стон, земля задрожала, и небо внезапно почернело, словно миллионы жужжащих мух взмыли ввысь... и на этом всё закончилось.

С Коббом было покончено.

Кейб и Клей нашли своих лошадей и отвязали их от привязи.

А потом они выехали из Избавления, и некоторое время оба молчали. А когда они были уже далеко и наступила ночь, темная и лютая, они остановились.

— Это место придется сжечь дотла, — сказал Клей, — когда придет весна. А землю

потом засыпать солью.

— Думаю, да, — кивнул Кейб.

И они отправились дальше.

Эпилог

Кейб спал до следующего утра.

Очнулся он в приемной доктора Уэста, на диване, который был одновременно и удобным, и неудобным. У него затекла спина, и болело всё тело.

Элайджа Клей сидел в кресле возле шкафа с настойками. Голова у него была забинтована, а рука на перевязи. Он погладил свою длинную седую бороду и улыбнулся, выставив почерневшие зубы.

— Похоже, мы выжили, — сказал он. — Я так и думал.

— Это... Это было на самом деле? — вырвалось у Кейба.

— Было, было. А теперь нам лучше забыть об этом, — он встал и очень осторожно натянул свою вонючую старую бизонью шубу. — Ты молодец, мальчик. Я горд, что сражался рядом с тобой. А теперь мне пора идти. Меня ждут родственники в горах, не люблю оставлять их одних. Ты увидишь меня весной, когда мы выжжем этот адский город дотла.

Он вышел, и вошел доктор Уэст, бегло осмотрев его, но не задавая вопросов. По выражению его лица Кейб понял, что он уже все знает. Должно быть, Клей рассказал ему о произошедшем. И это было прекрасно.

Доктор ушёл — и вошла Дженис Диркер.

Она села рядом с Кейбом и взяла его за руку. Она была одета в черное бархатное платье, очень мрачное и закрытое. Траурное платье. Ее прекрасные карие глаза покраснели от слез.

— Я рада, что ты жив, — всхлипнула она.

Кейб сжал ее руку, не в силах отвести от Дженис глаз. Он задумался, сможет ли полюбить ее, и решил, что уже полюбил. Он знал, что хоть и присоединился к Диркеру из чувства долга и вновь обретенной дружбы, было что-то еще. Что-то особенное, что двигало им. Дженис Диркер.

Но сейчас, глядя на нее, он вдруг ощутил приступ меланхолии.

Он подумал о людях, которых встретил в Уиспер-лейк; о друзьях, которых приобрел. О Джексоне Диркере. От мыслей о нём в груди Кейба немного потеплело.

Они оба изменились со времен войны. Кейб больше не был озлобленным и жестоким, всегда готовым броситься в драку. Теперь он чувствовал себя спокойно, легко и непринуждённо.

Вряд ли он снова сможет охотиться за людьми.

А Чарльз Седобровый? Этот сумасшедший красноречивый индеец. Черт, он будет скучать по нему.

— Смерть... Смерть моего мужа была... жуткой? — прошептала Дженис.

— Она была мучительной, — признался Кейб. — Но боль быстро ушла. Я был с ним... был до самого конца.

Дженис кивнула.

— Он очень хорошо о тебе отзывался. Говорил, что вы знакомы ещё со времён войны, но больше ничего не рассказывал. Может, ты расскажешь?

— Конечно, — кивнул Кейб. — Я расскажу. Всё, что смогу. Всё, что знаю, о самом

замечательном и храбром человеке, которого мне только довелось знать в своей жизни...

— *Конец* ~

Больше книг на сайте - Knigoed.net